Book: Считать виновной

Герритсен Тесс

Считать виновной

Аннотация

Конечно же Миранда Вуд оказалась единственной подозреваемой. Газетного магната Роберта Тримейна нашли убитым в ее постели, орудие преступления – ее кухонный нож. Кто еще мог совершить преступление, как не женщина, для которой стала западней любовь к женатому мужчин? Прямых улик не нашлось, но косвенных – предостаточно. У нее не было шанса оставаться на свободе до начала процесса. И вдруг тайный благодетель внес огромный залог. Дальнейшие события заставили задуматься а не для того ли это сделано, чтобы Миранда не дожила до суда?

Тесс Герритсен

Считать виновной

Глава 1

Он позвонил ровно в десять, как всегда.

Еще не взяв трубку, Миранда знала – это он. Знала и то, что, если не отвечать, телефон будет звонить и звонить, пока не сведет ее с ума. Она прошлась по комнате. *Только не отвечай. Тебе это не нужно. Не нужно с ним разговаривать. Ты ничего ему не должна. Ровным счетом ничего.*

Телефон умолк. В наступившей внезапно тишине Миранда слышала свое дыхание. Может быть, сегодня он уступит, сдастся? Поймет, наконец, что она говорила серьезно и имела в виду именно то, что сказала?

Телефон снова звякнул, и она вздрогнула. Каждый звонок – как наждаком по живому. Как бритвой по нервам.

Нет, это невыносимо. Уже поднимая трубку, она знала, что снова совершила ошибку, что делать этого не стоило.

– Алло?

– Скучаю по тебе. – Тот же шепот с нотками интимности, как напоминание о прежней близости. Близости, что была приятна обоим.

– Я не хочу, чтобы ты мне звонил, – сказала Миранда.

– Ничего не могу с собой поделать. Весь день только о том и думал, чтобы позвонить тебе. Миранда, без тебя жизнь – ад.

В глазах защипало. Она глубоко вдохнула и затаила дыхание, сдерживая подкатившие вдруг слезы.

– Разве мы не можем попробовать начать сначала? – жалобно спросил он.

– Нет, Ричард. Не можем.

– Пожалуйста. Теперь все будет по-другому.

– По-другому не будет никогда.

– Нет! Будет!

– То было ошибкой. С самого начала.

– Ты все еще любишь меня. Знаю, что любишь. Боже, Миранда… все эти недели… видеть тебя каждый день и не сметь даже прикоснуться… остаться с тобой наедине…

– Больше этого не будет. Ты ведь получил мое письмо. Я ухожу. Это серьезно.

Какое-то время в трубке молчали, словно ее слова послали его в нокаут. Словно он не мог оправиться от удара. Но к восторгу победителя примешивалось чувство вины. Вины за то, что освободилась наконец. За то, что стала собой.

Голос в трубке прозвучал едва слышно.

– Я рассказал ей.

Миранда промолчала.

– Слышишь? – спросил он. – Я рассказал ей. Рассказал все. О нас с тобой. А еще встретился с адвокатом. Я изменил условия…

– Ричард, – медленно и внятно произнесла она. – Это ничего не меняет. Женат ты или разведен – я не хочу тебя видеть.

– Еще один раз. Только один.

– Нет.

– Я приеду. Прямо сейчас.

– Нет!

– Ты должна меня увидеть.

– Я ничего не должна! – крикнула она.

– Буду через пятнадцать минут.

Миранда недоверчиво посмотрела на трубку. Повесил! Черт бы побрал! Он повесил трубку! И через четверть часа постучит в дверь. Она так стойко держалась последние три недели. Работала рядом с ним. Вежливо улыбалась. Сохраняла нейтральный тон. Но вот сейчас он приедет и сорвет с нее эту маску сдержанности и самоконтроля. И все начнется сначала, они снова угодят в ту же ловушку. Ловушку, из которой она едва выбралась.

Миранда подбежала к вешалке, схватила пуловер. Надо уйти. Уйти куда-нибудь, где он не найдет ее. Уйти туда, где можно побыть одной.

Она вылетела за дверь, сбежала по ступенькам и торопливо зашагала по Уиллоу-стрит. Часы показывали половину одиннадцатого, и соседи уже укладывались спать. В окнах, за шторами, гасли лампы, мелькали силуэты, кое-где еще мерцал огонек камина. В душе шевельнулась застарелая зависть, давнее желание быть частью вот такого же единого целого, частью большой любящей семьи, ворошить угольки в своем камине.

Глупые, несбыточные мечты.

Миранда поежилась, обхватила себя руками. Август в Мэне выдался не по сезону прохладный. Она злилась. На себя – за то, что замерзла, за то, что ее выгнали из дому. На него… Злилась, но не останавливалась.

На Бейвью-стрит она повернула направо – в сторону моря.

Туман накатывал на берег густыми серыми волнами. Заволакивал звезды, угрюмо расползался по улице. Миранда шла сквозь него, и он вихрился за ней тонкими змейками. Она свернула с дороги на

пешеходную тропинку, спустилась по скользким гранитным ступенькам. Там, под лестницей, на каменистом берегу, стояла скамейка. *Ее* скамейка. Миранда села, подобрала ноги к груди и уставилась на уходящее к горизонту и теряющееся в тумане море. Где-то глуховато звякал бакен. В мглистой пелене покачивался зеленый огонек.

Сейчас он, наверное, уже возле ее дома. Будет стучать, колотить в дверь, пока не разбудит соседа, мистера Ланцо. А потом, когда надоест, повернется и поедет домой – к жене и детям, сыну и дочке.

Она прижалась лицом к коленям, отгоняя возникшую перед глазами картинку со счастливым семейством. Впрочем, у Ричарда эта картинка никогда не получалась счастливой. *На грани краха* – так он описывал свой брак. Раньше от развода его удерживала только любовь к детям, Филиппу и Кэсси. Теперь близнецам было по девятнадцать, и они вполне могли принять горькую правду. Но с некоторых пор разводу мешало другое: забота о жене. Эвелине нужно время, чтобы привыкнуть к новой ситуации, и если Миранда наберется терпения, если будет любить его так, как он любит ее, то рано или поздно все как-нибудь уладится, сложится…

О да. Сложилось, да? Ну разве не чудесно?

Миранда горько усмехнулась. Подняла голову, посмотрела на море. И рассмеялась – не истерично, а свободно и легко. Она вдруг ощутила себя так, словно очнулась после долгого лихорадочного сна, вынырнула из тяжкого забытья с ясной головой и взглянула на мир незамутненным взглядом. Туман приятно освежал лицо, холодок чистил душу. Вот чего ей недоставало, этого очищения! Чувство вины откладывалось месяцами, слой за слоем, пока не спеклось в грязную корку, из-под которой едва проступала настоящая Миранда.

Теперь все кончилось. Кончилось по-настоящему, всерьез.

Миранда улыбнулась морю. *Моя душа снова принадлежит только мне.* Покой и безмятежность снизошли на нее. Она поднялась и пошла домой.

В двух кварталах от дома, неподалеку от перекрестка Уиллоу-стрит и Спринг-стрит, Миранда заметила припаркованный у тротуара синий «пежо». Значит, он еще здесь. Ждет ее. Она задержалась на секунду у машины, пробежала взглядом по черным кожаным сиденьям под мягкими чехлами – все такое знакомое. *Место преступления. Первый поцелуй. Я заплатила за него… болью. Теперь его очередь.*

Миранда отвернулась от машины и решительно зашагала к дому. Поднялась по ступенькам – передняя дверь была не заперта, но она ее и не запирала. Свет еще горел. В гостиной – никого.

– Ричард?

Тишина.

Из кухни потянуло ароматом кофе. Заглянув, Миранда увидела на плите кастрюльку, а на столе недопитую чашку. Один из ящичков наполовину выдвинут. Она сердито задвинула его. *Вот, значит, как. Заявился и чувствуешь себя как дома, да?* Она схватила чашку и выплеснула содержимое в раковину, облив при этом пальцы. Кофе успел остыть и был чуть теплым.

Выйдя из кухни, Миранда прошла по коридору мимо ванной. Там тоже горел свет, из крана вытекала тонкая струйка. Она завернула кран и выключила свет.

– Тебе нечего здесь делать! Ты не имеешь никакого права здесь находиться! Я вызову полицию, и тебя арестуют за незаконное вторжение.

Тишина.

Миранда повернула к спальне, но, еще не дойдя до двери, поняла, что ее ждет, с чем придется иметь дело. Небось разлегся на кровати, голый, да еще с этой своей улыбочкой. Именно так он встретил ее в прошлый раз. Но теперь все будет по-другому. Она выставит его за порог – голого или в одежде. На этот раз его ждет сюрприз.

В спальне было темно. Миранда подняла руку и щелкнула выключателем.

Он и впрямь лежал на кровати – руки раскинуты, ноги запутались в простынях. Голый. Все так, как она и представляла. Вот только ухмылка затерялась – вместо нее на лице гримаса ужаса, рот распахнут в немом крике, в глазах жуткая неподвижность вечности. Пропитанный кровью угол простыни свисает к полу над медленно растекающейся алой лужицей. И тишина. Мертвая, если не считать редкого, чуть слышного *кап… кап… кап…*

Миранда даже сделала пару шагов в комнату, прежде чем к горлу подступила тошнота. В следующий момент она упала на колени, хватая ртом воздух. Ее вырвало. И только потом, с трудом подняв голову, увидела лежащий рядом на полу кухонный нож. Увидела и узнала с

первого взгляда – знакомая рукоятка, двенадцатидюймовое стальное лезвие. Ее нож. Из ее кухни. Из того ящичка.

И конечно, на рукоятке будут отпечатки ее пальцев.

Только кровь на лезвии не ее.

Чейз Тримейн провел за рулем всю ночь, а на востоке уже брезжила утренняя заря. Ритм проносящейся под колесами дороги, мерцание приборов на панельной доске, мелодичный шелест радио – все отступало, сливаясь в неясный фон. Единственной реальностью оставалось то, о чем он напоминал себе снова и снова, вглядываясь в темную автостраду.

Ричард мертв. Ричард мертв.

Он вздрогнул, поймав себя на том, что произнес это вслух. На несколько секунд прозвучавшие в темном салоне слова вывели его из близкого к трансу состояния. Чейз взглянул на часы. Начало пятого утра. Он в дороге четыре часа. Впереди граница между Нью-Гемпширом и Мэном. Сколько еще осталось? Холодно ли снаружи? И пахнет ли воздух морем? Машина превратилась в некое подобие камеры сенсорной депривации, автономного чистилища с мерцающими зелеными огоньками и фоновой музыкой. Чейз выключил радио.

Ричард мертв.

Слова эти звучали в ушах так, словно память воспроизводила тот короткий телефонный разговор. Эвелина даже не попыталась смягчить удар. Услышав новость, он не сразу понял, что ее принес голос невестки. Страшный этот факт она подала сразу, без вступлений, без околичностей. Просто сообщила информацию: *Ричард мертв. Убит какой-то женщиной…*

И потом, на следующем выдохе: *Ты нужен мне, Чейз* .

Этого он никак не ожидал. Не ожидал, потому что был посторонним, тем Тримейном, о котором не вспоминали, которому никто не звонил, тем, кто однажды взял и уехал, оставив семью навсегда. Он был братом с сомнительным прошлым. Изгнанником. Черной овцой.

Чейз качнул головой, стряхивая обволакивающую паутину усталости. Опустил стекло, подставил лицо порыву холодного воздуха, вдохнул свежий запах сосен и моря. Запах Мэна. Запах, возвращавший, как ничто другое, воспоминания далекого детства. Облепленные водорослями прибрежные камни. Свежесобранные мидии в ведерке. Натужный стон

сирены в тумане. Все вернулось с глотком воздуха, этим запахом прошлого, счастливых, безмятежных деньков. Тогда он еще считал Ричарда самым смелым, самым умным, самым лучшим. Братом, о котором только можно мечтать. Тогда он еще не понимал истинную натуру Ричарда.

Убит какой-то женщиной…

А вот это его совсем не удивило.

Кто она? И что так разъярило ее, что довело до такого состояния, что заставило ударить его брата ножом в грудь? Ответ напрашивался сам собой. Незадавшийся роман. Ревность из-за новой любовницы. Неизбежное расставание. И ярость, пришедшая с пониманием, что тебя обманули, что тобой пользовались, что тебе лгали. Ярость, отметающая логику здравого смысла и заглушающая даже инстинкт самосохранения. Пожалуй, Чейз мог бы набросать примерный сценарий. Мог бы даже описать женщину, похожую на всех тех, других, что прошли через жизнь его брата. Она, конечно, привлекательная. У Ричарда это обязательное условие. Но есть в ней какая-то отчаянность, надрывность. Может быть, слишком громкий смех, слишком скорая улыбка или морщинки у глаз, выдающие женщину, чья жизнь пошла под уклон. Да, Чейз видел ее ясно, и образ вызывал одновременно жалость и отвращение.

И еще гнев. Какие бы чувства он ни питал к Ричарду, это не отменяло того факта, что они оставались братьями. У них были общие воспоминания, они вместе валялись на озере жаркими летними деньками, бегали по волнолому, хихикали в темноте. В конце концов они серьезно разругались, но пережили и это, а время сгладило разногласия. Чейз всегда думал, что рано или поздно отношения наладятся, и они снова станут друзьями.

Думал до того телефонного звонка от Эвелины.

Ярость поднялась в нем, как приливная волна в полнолуние. Теперь они уже не помирятся. Он никогда не скажет брату: *Привет* . Никогда не спросит: *А ты помнишь?* Дорога задрожала и стала расплываться. Чейз моргнул и крепче сжал руль.

К десяти он был в Басс-Харбор. В одиннадцать поднялся на борт «Дженни Б» и встал у поручня, лицом к ветру. Вдалеке из тумана вырастал Шефердс-Айленд, напоминающий невысокий зеленый горб. Паром зарылся носом в волны, и Чейз ощутил знакомый позыв к рвоте. В семье моряков он единственный страдал морской болезнью и всегда предпочитал держаться суши. Все морские трофеи доставались Ричарду. Во всех гонках он неизменно приходил первым. Поставить парус, взять

галс – никто не делал этого лучше. Поднять спинакер, свернуть спинакер. Чейзу это все представлялось бессмысленной чепухой. Да еще проклятая тошнота…

Он глубоко вдохнул. Паром подходил к причалу, и желудок понемногу успокаивался. Чейз вернулся в машину – ждать очереди к трапу. Перед ним стояли еще восемь автомобилей, все с номерами других штатов. Похоже, этим летом на север устремилась добрая половина Массачусетса, и бедный Мэн дрожал и прогибался под тяжестью нагрянувших машин.

Паромщик махнул рукой. Чейз выжал сцепление, взъехал по трапу и оказался на Шефердс-Айленд.

Его поразило, как мало изменилось здесь за столько лет. Те же старые здания на Си-стрит: пекарня «Айленд-Бейкери», банк, кафе «Фицдже-ральд», универмаг «Лэппин», магазин «Полезные мелочи». Кое-где на старых домах красовались новые вывески: «Горэм букс» превратился в «Воуг-бьюти-шоп», «Вилидж хардвер» уступил место «Кантри антикс» и риелторской конторе. Боже, какие перемены приносят туристы!

Чейз свернул на Лаймрок-стрит. Слева, в том же, что и раньше, здании, помещалась «Айленд геральд». Интересно, изменилось ли что-то внутри? Ему запомнились декоративный потолок, разбитые столы, стена с портретами издателей – все Тримейны. Он и сейчас мог бы описать кабинет редактора, вплоть до старенького «ремингтона» на отцовском столе. Печатной машинки, конечно, давно нет, ее наверняка сменили компьютеры, тонкие, изящные, безликие мониторы. Именно так и должен был руководить газетой Ричард – долой старое, да здравствует новое!

И да здравствует следующий Тримейн!

Проехав дальше, Чейз повернул еще раз, к Чеснат-Хилл. Полмили вверх и там, едва ли не на самой высшей точке острова, особняк Тримейнов. Викторианские башенки, безвкусный, вычурный орнамент… Больше всего особняк напоминал ему чудовищный желтый свадебный торт. С тех пор дом перекрасили в благородные цвета, серый и белый, и он выглядел скромнее, сдержаннее. В нем даже проступила какая-то увядшая красота. Бедный желтый свадебный торт…

Припарковавшись, Чейз достал из багажника чемодан, прошел по дорожке к дому и только шагнул на первую ступеньку, как дверь открылась, – его ждали.

– Чейз! – воскликнула Эвелина. – О, Чейз, наконец-то. Слава богу, ты приехал.

Она тут же упала в его объятия, и ему ничего не оставалось, как прижать ее, почувствовать, как она дрожит, ощутить ее теплое дыхание на своей шее.

Наконец она отстранилась и посмотрела на него пристальным, ищущим взглядом. Ее чудесные зеленые глаза остались все теми же необыкновенно ясными. Роскошные, цвета меда, волосы заплетены во французскую косу. Лицо чуть припухлое, нос красноватый. Она пыталась скрыть это макияжем – на ноздре осталось пятнышко спекшейся розоватой пудры, на щеке выделялся грязноватый след от подтекшей туши. Что стало с его красавицей невесткой? Неужели она и впрямь так глубоко скорбит по мужу?

– Я знала, что ты приедешь, – прошептала Эвелина.

– Выехал сразу, как только ты позвонила.

– Спасибо, Чейз. Я уж и не знала, к кому обратиться. – Она отступила и еще раз посмотрела на него. – Бедняжка, ты, должно быть, совсем вымотался. Идем же, я приготовлю кофе.

Они вошли в холл, и Чейз словно ступил в детство – здесь почти все осталось нетронутым. Тот же дубовый пол, тот же свет, те же запахи. Казалось, повернись, загляни в гостиную и увидишь сидящую за столом мать. Она всегда писала от руки, никогда не пользовалась печатной машинкой и свято верила, что если «раздел светских новостей», как завуалированно называлась колонка сплетен, достаточно пикантен, то редактор примет его и на суахили. Редактор принял не только колонку, но и ее саму. Такой вот брак по расчету.

Печатать мать так и не научилась.

– Привет, дядя Чейз.

Он поднял голову – на верхней ступеньке стояли молодые мужчина и женщина. Неужели близнецы? Не может быть. Чейз изумленно смотрел на спускающуюся пару. Филипп шел первым. Когда они виделись последний раз, племянник и племянница были неуклюжими подростками. А теперь… Оба высокие, подтянутые, светловолосые. На этом сходство и заканчивалось. Филипп двигался с легкой, уверенной грацией танцора, но если он и напоминал элегантного Фреда Астера, то его парой определенно была не Джинджер Роджерс. Спускавшаяся за ним молодая женщина топала, как лошадь.

– Глазам своим не верю – Кэсси и Филипп!

– Ты просто давно не приезжал, – напомнила Эвелина.

Подойдя ближе, Филипп протянул руку – жест скорее незнакомца, чем племянника. Ладонь у него была узкая, изящная, пальцы длинные и тонкие. Рука джентльмена. От матери ему достались и другие аристократичные черты: прямой нос, четкие линии лица, зеленые глаза.

– Причина для приезда ужасная, но я все же рад, что вы здесь, – серьезным тоном произнес он.

Чейз перевел взгляд на Кэсси, которую помнил живой обезьянкой, засыпавшей его вопросами. Как же могло случиться, что она выросла и превратилась в угрюмую молодую женщину? Волосы убраны назад и стянуты так сильно, что лицо как будто состоит из одних только выступающих углов: большой нос, глубокий прикус, голый квадратный лоб. И только в глазах пряталось что-то знакомое, что-то от той десятилетней неугомонной проказницы. Что? Прямота, проницательность, ум?

– Привет, дядя Чейз. – Тон сухой, деловитый. Слишком деловитый для девушки, только что потерявшей отца.

– Кэсси, – обратилась к ней Эвелина, – почему бы тебе не поцеловать своего дядю? Он проделал долгий путь, чтобы быть с нами.

Кэсси спустилась на пару ступенек, приложилась губами к его щеке и тут же торопливо отступила, словно смущенная этой фальшивой демонстрацией чувства.

– Ты определенно выросла. – Это было лучшее из того, что пришло ему на ум.

– Да. Такое случается.

– Сколько тебе?

– Почти двадцать.

– Так вы оба, должно быть, в колледже.

Кэсси кивнула, и ее губы впервые тронула улыбка.

– Я изучаю журналистику в университете Южного Мэна. Решила, что когда-нибудь нашей газете потребуется…

– Филипп учится в Гарварде, – вставила Эвелина. – Как и его отец.

Улыбка увяла, не успев распуститься. Девушка раздраженно взглянула на мать, повернулась и пошла вверх по ступенькам.

– Кэсси, ты куда?

– У меня стирка.

– Но здесь же твой дядя. Он только что приехал. Вернись и посиди с нами.

– Зачем, мама? – бросила девушка через плечо. – Ты и без меня прекрасно его развлечешь.

– Кэсси!

– Что?

– Ты ставишь меня в неловкое положение.

– Не впервые.

Эвелина повернулась к Чейзу:

– Теперь ты видишь? – Голос ее предательски дрогнул. – Я не могу рассчитывать даже на собственных детей. А одной мне со всем не справиться. – Она всхлипнула и торопливо скрылась в гостиной.

Близнецы переглянулись.

– Опять ты все испортила, – укоризненно сказал Филипп. – Сейчас не самое лучшее время спорить и ругаться. Неужели тебе ее не жаль? Неужели нельзя постараться и как-нибудь наладить отношения? Хотя бы на несколько ближайших дней.

– А разве я не стараюсь? – буркнула недовольно Кэсси. – Но она же постоянно выводит меня из себя.

– Не обращай внимания и, по крайней мере, будь повежливей. – Филипп помолчал, потом добавил: – Ты же знаешь, этого бы и отец хотел.

Кэсси вздохнула, потом с обреченным видом спустилась и пошла за матерью в гостиную.

– Наверное. Ладно, попробуем хотя бы ради него.

Филипп покачал головой и повернулся к Чейзу:

– Ну вот. Еще один показательный эпизод из жизни счастливой семьи Тримейн.

– И давно у вас так?

– Уже несколько лет. Просто вы застали нас не в самый легкий момент. Казалось бы, отец только-только умер, и всем надо собраться, поддерживать друг друга. А мы вместо этого расходимся в разные стороны.

Они вошли вслед за Кэсси в гостиную. Мать и дочь сидели в противоположных углах комнаты. Обе уже немного успокоились и взяли себя в руки. Филипп сел между ними, как бы подчеркивая, что готов и намерен сыграть роль буфера. Чейз устроился в угловом кресле – на нейтральной территории, что вполне его устраивало.

Солнце повисло за эркерным окном, и деревянный пол сиял под его лучами. Установившуюся тишину заполняло тиканье будильника на каминной полке.

Все как раньше, думал Чейз. Все те же столы в стиле хепплуайт и стулья эпохи королевы Анны. Именно такой он и помнил гостиную. Эвелина не изменила в ней ничего и уже за это заслужила благодарность.

Первым наливающееся грозой молчание попытался разрушить Чейз.

– Проезжал утром мимо редакции. Похоже, там все осталось по-прежнему.

– Город тоже не изменился, – сказал Филипп.

– Да, жизнь здесь так и бьет ключом, – бесстрастно заметила его сестра.

– Какие планы насчет газеты? – поинтересовался Чейз.

– Газетой будет заниматься Филипп, – твердо, как будто решение уже было принято, объявила Эвелина. – В любом случае ему пора за это взяться. Теперь, когда Ричарда нет, мне хотелось бы… – Она перевела дыхание и опустила голову. – Он уже готов к этой работе.

– А вот я не уверен, – не согласился Филипп. – В колледже я только два года пробыл. Да и заниматься хотелось бы кое-чем другим.

– Твоему отцу было двадцать, когда дедушка Тримейн назначил его редактором. Разве не так, Чейз?

Чейз кивнул.

– Я не вижу никаких причин, почему ты не можешь встать у руля.

Филипп пожал плечами:

– Джил Виккери и без меня прекрасно справляется.

– Джил – человек посторонний, а «Геральд» требуется настоящий, свой капитан.

Кэсси подалась вперед.

– Есть и другие, – сказала она. – Почему газетой обязательно должен управлять Филипп?

– Так хотел твой отец, – ответила Эвелина. – А уж он-то лучше других знал, что лучше для «Геральд».

В наступившей тишине сухо щелкали стоящие на каминной полке часы.

Эвелина устало выдохнула и закрыла лицо руками:

– Боже, о чем мы тут говорим. Обсуждаем, кто займет его место. Как будто ничего не случилось. Какие же мы черствые!

– Говорить об этом рано или поздно придется, – пожала плечами Кэсси. – И не только об этом, но и о многом другом.

Эвелина кивнула и отвернулась.

В другой комнате зазвонил телефон.

– Я возьму трубку, – сказал Филипп и вышел.

Эвелина потерла виски:

– У меня сейчас голова не работает. Я просто не могу ни о чем думать.

– Шок проходит не сразу, – мягко напомнил Чейз, – а ведь это произошло всего лишь прошлым вечером.

– Нужно заниматься похоронами, а мне даже не говорят, когда отдадут… – Эвелина поежилась. – Не понимаю, почему все так

затягивается. Что еще нужно этим экспертам? Неужели они не видят, что случилось? Разве это не очевидно?

– Очевидное не всегда истинное, – вставила Кэсси.

Эвелина посмотрела на дочь:

– Что ты хочешь этим сказать?

В гостиную вернулся Филипп:

– Мама, звонит Лорн Тиббетс.

– Тиббетс? О господи… – Эвелина неуверенно поднялась. – Сейчас подойду.

– Ему нужно, чтобы ты приехала туда.

Она нахмурилась:

– Прямо сейчас? Это не может подождать?

– Почему бы тебе не съездить к нему сейчас? Рано или поздно это придется сделать.

Эвелина повернулась и посмотрела на Чейза:

– Одна я не смогу. Ты не съездишь со мной?

Куда нужно ехать и кто такой Лорн Тиббетс, об этом Чейз не имел ни малейшего понятия. С куда большим удовольствием он принял бы сейчас горячий душ, а потом как следует выспался. Но похоже, с этим придется подождать.

– Конечно. – Он неохотно встал и потянулся – усталость сковала спину, отложилась свинцом в руках и ногах.

Эвелина взяла со стола сумочку, достала ключи и передала их Чейзу:

– Боюсь, я не смогу сосредоточиться. Сядешь за руль?

Он кивнул:

– Куда мы едем?

Эвелина надела солнцезащитные очки, и припухлые глаза скрылись за темными стеклами. Чейз заметил, что руки у нее дрожат.

– В полицию.

Глава 2

Полицейский участок Шефердс-Айленд располагался в здании бывшего универсального магазина, поделенного за последние годы на несколько десятков крохотных офисов. В памяти Чейза сохранилось смутное впечатление о чем-то гораздо более внушительном, но, с другой стороны, последний раз он бывал здесь много лет назад, еще мальчишкой, непоседой и озорником, воспринимавшим полицейский участок как прямую и явную угрозу. В тот день, когда его притащили сюда за «причинение ущерба» цветнику миссис Гордимер – деянию совершенно неумышленному, – потолок казался выше, помещения просторнее, и каждая дверь – воротами, за которыми таится неведомый ужас.

Теперь Чейз видел это здание таким, каким оно и было на самом деле – старым, обшарпанным, усталым.

Лорн Тиббетс, шеф полиции, выглядел так, словно его вырастили специально, с учетом тесноты помещений. Если для полицейских существовали какие-то требования по росту, то он еле-еле дотягивал до обязательного нижнего уровня. Плотный, широкоплечий, Тиббетс прекрасно вписался в летнюю форму, дополненную добавлявшей росту шляпой, призванной, как заподозрил Чейз, скрывать лысину. В целом начальник полиции напоминал Наполеона в хаки.

Недостаток роста Тиббетс компенсировал любезностью и учтивостью. Проскользнув между теснящимися столами и каталожными ящиками, он приветствовал Эвелину с преувеличенной уважительностью, положенной женщине ее социального статуса.

– Миссис Тримейн! Прошу извинить за то, что вынужден пригласить вас сюда. – Он взял ее за руку, но утешающий жест только напугал Эвелину, которая нервно попятилась. – Ужасная ночь, да? Просто ужасная. Представляю, как нелегко вам пришлось.

Эвелина пожала плечами – то ли отвечая на вопрос, то ли пытаясь высвободить руку из цепких пальцев.

– Вам сейчас, конечно, трудно. Не хотел беспокоить сегодня, но вы же понимаете… Столько бумаг, столько отчетов, и все нужно заполнять. – Тиббетс бросил обманчиво рассеянный взгляд на Чейза. Похоже, островной Наполеон был вовсе не прост, и от его внимания не ускользало ничто.

– Это Чейз, – сказала Эвелина, разглаживая рукав, на котором пальцы Тиббетса оставили одной лишь ей заметный след. – Брат Ричарда. Приехал сегодня утром из Коннектикута.

– Да, конечно. – В глазах у шефа полиции что-то мелькнуло. – Я видел вашу фотографию в школьном спортзале. – Он протянул руку. Пожатие было крепким, как часто бывает у мужчин, пытающихся компенсировать недостаток роста. – Ту, на которой вы в баскетбольной форме.

Чейз удивленно моргнул:

– Неужели она до сих пор там висит?

– Спортзал – это что-то вроде местного зала славы. Вы были в… дайте подумать… да, в выпуске семьдесят первого года. Лучший центровой университетской команды. Я прав?

– Удивительно, что вы все это знаете.

– Я и сам играл в баскетбол. Средняя школа Мэдисон, штат Висконсин. За мной рекорд по свободным броскам и набранным очкам.

Что ж, Чейз легко представил Лорна Тиббетса на баскетбольной площадке – этакий неистовый карлик. По крайней мере, такой образ вполне сочетался с могучим рукопожатием.

Дверь вдруг распахнулась.

– Эй, Лорн?

Тиббетс с усталым вздохом повернулся к молодой женщине, выглядевшей так, словно ее принесло сюда ветром с улицы.

– Вернулась, Энни?

– Ага, как плохой пенни. – Она перебросила потрепанную сумку с одного плеча на другое. – Так когда я получу официальное заявление, а?

– Когда оно у меня будет. А теперь проваливай.

Ничуть не убоявшись грозного требования шефа полиции, Энни повернулась к Эвелине. Две эти женщины вполне могли бы встретиться в разделе модного журнала, посвященного созданию нового имиджа. Энни – с растрепанными волосами, в бесформенном свитшоте и джинсах – определенно выступала бы под ярлыком «Прежде».

– Миссис Тримейн, – вежливо сказала она, – знаю, вам сейчас нелегко, но время поджимает, и мне нужно от вас хотя бы несколько слов для…

– Энни! Ради бога! – досадливо оборвал ее Тиббетс и повернулся к сидевшему за первым от двери столом сотруднику: – Эллис, выведи ее отсюда!

Эллис вскочил со стула, словно его подбросила пружинка.

– Идем, Энни. Давай шевелись, если не хочешь попасть за решетку.

– Ладно, иду. – Энни толкнула дверь. – Что творится, а! Девушке не дают выполнять свою работу.

– Это Энни Беренджер, – объяснила Чейзу Эвелина. – Ричард считал ее лучшим репортером. А теперь вот нам проходу не дает.

– Энни винить трудно, – вмешался Тиббетс. – Ей ведь именно за это и платят, разве нет? – Он взял Эвелину за руку. – Идемте, не будем терять время. Поговорим в моем кабинете. Во всем этом аквариуме единственное приватное место.

Кабинет Лорна находился в дальнем конце коридора, по обе стороны которого располагались тесные, как кладовки, комнатушки. Свободное пространство здесь съежилось до предела. Все занимала мебель: письменный стол, два стула, каталожные ящики. В углу, всеми забытый, увядал папоротник. Удивительно, но при такой тесноте кабинет выглядел аккуратным, четко организованным и чистым – на полках ни пылинки, папки сложены, бумаги рассортированы по двум подносам – «Входящие» и «Исходящие». На стене, на видном месте, красовалась табличка: *Чем мельче пес, тем крепче клыки* .

Тиббетс и Эвелина сели на стулья. Третий, принесенный из соседней комнаты, стул заняла секретарша-стенографистка. Чейз отошел в сторонку, с удовольствием разминая затекшие ноги.

Но удовольствия хватило минут на десять, а потом накатила усталость. Внимание растекалось, и ему приходилось делать над собой усилие, чтобы понимать, о чем идет речь. Чейз чувствовал себя тем самым чахнущим в углу папоротником.

Тиббетс задавал вопросы, а Эвелина отвечала своим обычным тихим, навевающим сон голосом. В ее изложении картина трагического вечера получалась довольно ясная и связанная. В шесть часов вся семья села обедать. Говядина со спаржей, на десерт – лимонное суфле. Ричард, как всегда, выпил бокал вина. Самый обычный разговор, обсуждали

последние городские сплетни. Говорили о снижении спроса, о росте производственных расходов. Ричард беспокоился из-за возможного иска по делу о клевете, поскольку последняя публикация огорчила Тони Граффама. Потом разговор перескочил на экзамены Филиппа и оценки Кэсси. Какие чудесные в этом году лилии… надо бы привести в порядок подъездную дорожку. Типичный семейный обед.

В девять Ричард ушел – поработать в офисе. По крайней мере, так он сказал. А Эвелина?

– Я отправилась спать.

– А Кэсси и Филипп?

– По-моему, они ушли в кино.

– Значит, все разбрелись по своим делам.

– Да. – Эвелина опустила голову. – Вот, собственно, и все. А в половине первого мне позвонили…

– Давайте вернемся к тому разговору за обедом…

Все началось сначала. Эвелина излагала тот же вариант, добавляя кое-где какую-то незначительную деталь или, наоборот, упуская ту или иную мелочь, но в целом ее рассказ не менялся. Собирая остатки сил, Чейз пребывал в некоем промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. Ноги немели, мысли замедляли ход, и уже даже пол представлялся вполне приемлемой заменой кровати. По крайней мере, в отсутствие других горизонтальных поверхностей. В какой-то момент он почувствовал, что соскальзывает по стене…

Чейз вздрогнул и открыл глаза – все с недоумением смотрели на него.

– Ты в порядке? – заботливо спросила Эвелина.

– Извините. – Он тряхнул головой. – Похоже, я устал сильнее, чем думал. Где тут можно выпить чашечку кофе?

– Пройдите по коридору, – сказал Тиббетс. – В конце найдете кофейник да еще диванчик. Почему бы вам не подождать там?

– Иди, – кивнула Эвелина. – Я скоро освобожусь.

Упрашивать его не пришлось. Выскользнув за дверь, Чейз направился на поиски кофейника. Проходя по коридору, он заглянул за первую попавшуюся дверь и обнаружил туалет. Следующая комната оказалась

запертой, а в третьей было темно. Присмотревшись, Чейз увидел кушетку, несколько стульев и сваленную в углу мебель. Его внимание привлекло окно на боковой стене – оно выходило не на улицу, а в соседнюю комнату, где за узким столом сидела незнакомая женщина.

Чейза она не видела, о том, что за ней наблюдают, не догадывалась и смотрела прямо перед собой. Что-то в ней – неподвижность, молчаливость – заставило его подойти ближе. Он вдруг ощутил себя охотником, неожиданно натолкнувшимся в лесу на замершую в напряженной позе косулю.

Чейз тихонько закрыл за собой дверь и, не включая света, шагнул к окну. Это было одностороннее зеркало, и женщина по ту сторону могла видеть только собственное отражение, а он мог видеть ее. Их разделяло лишь полудюймовое стекло. Подсматривать, конечно, неприлично, но Чейз ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал себя героем фантастического романа, мухой на стене, наблюдателем-невидимкой.

И еще эта женщина…

Она не блистала красотой, не выделялась умопомрачительным нарядом или какой-то особенной прической. Линялые джинсы, не по размеру широкая футболка с эмблемой «Бостон Ред Сокс». Каштановые волосы заплетены – явно наспех – в косичку. Парочка прядей выбились и висят у виска. Косметики – самая малость, а может, и нет совсем, но лицо из разряда тех, которые не нуждаются в макияже. Такие лица встречаются на страницах каталогов, где модели обнимают козленка или сгребают листья. Здоровый цвет кожи с легкой тенью загара. В общую картину не вписывались разве что глаза, серые или голубые. Чейз уже приметил припухлость вокруг век. Плакала? Догадка подтвердилась, когда женщина смахнула упавшую на щеку слезинку. Потом оглянулась и, не найдя ничего подходящего, наклонилась и вытерла лицо краем футболки. Жест получился беспомощный, какой-то детский, подчеркнувший ее беззащитность и уязвимость. Почему она сидит там, одна, такая несчастная? Кто она? Свидетельница? Жертва?

Женщина подняла голову и посмотрела прямо на него. Чейз инстинктивно подался назад, хотя и знал, что она видит не его, а лишь собственное отражение. На лице ее застыло выражение усталого безразличия. *Да,* – говорило оно, – *я выгляжу ужасно, и мне наплевать.*

В замке звякнул ключ. Женщина вздрогнула, выпрямилась и замерла на мгновение в напряженной позе. Потом еще раз вытерла лицо и гордо вскинула голову. Глаза ее опухли, на футболке темнели пятна от слез, но во взгляде светились твердость и даже дерзость. Она напоминала изготовившегося к битве, но и перепуганного до чертиков солдата.

Дверь открылась – в комнату вошел деловитый мужчина в сером костюме, без галстука. Незнакомец выдвинул стул. Ножки чиркнули по полу, и Чейз вздрогнул от удивления – звук получился неожиданно громкий. За стеклом, вероятно, стоял микрофон, и звук передавался на динамик в той комнате, где находился он сам.

– Мисс Вуд? – начал мужчина за стеклом. – Извините, что заставил ждать. Я – лейтенант Меррифилд, представляю полицию штата. – Он протянул руку и улыбнулся, как бы говоря: *Я твой приятель. Твой лучший друг. Я здесь только для того, чтобы все поправить.*

Женщина – пусть и после секундной паузы – пожала протянутую руку.

Лейтенант сел, устроился удобнее и сочувственно посмотрел на мисс Вуд.

– Вы, должно быть, устали, – голосом заботливого друга произнес он. – Все в порядке? Готовы продолжить?

Она кивнула.

– Вам зачитали ваши права?

Снова кивок.

– Насколько я понял, вы отказались от присутствия адвоката.

– У меня нет адвоката.

Ее голос прозвучал совсем не так, как ожидал Чейз. Мягкий, с легкой хрипотцой и дрожащей низкой ноткой, безотказно действующей на суровое мужское сердце.

– Если хотите, можем пригласить, – предложил Меррифилд. – Правда, это займет какое-то время, и вам придется еще немного потерпеть.

– Я только хочу рассказать, что случилось.

По губам лейтенанта скользнула тень победной улыбки.

– Что ж, пусть будет по-вашему. Давайте начнем. – Он поставил на стол кассетный магнитофон и нажал кнопку записи. – Пожалуйста, назовите ваше имя, адрес и место работы.

Женщина глубоко вдохнула.

– Меня зовут Миранда Вуд. Я живу на Уиллоу-стрит, дом 18. Работаю редактором в «Айленд геральд».

– То есть в газете мистера Тримейна?

– Да.

– Давайте перейдем к событиям прошлой ночи. Расскажите, что случилось. Постарайтесь ничего не упустить. Я хочу знать, какие события привели к смерти мистера Ричарда Тримейна.

Руки и ноги вдруг занемели. *К смерти мистера Ричарда Тримейна…* Чейз подался вперед, к холодному стеклу. Взгляд его не отрывался от лица Миранды Вуд. Что он видел? Невинность, мягкость. Какая милая маска! Какое отличное прикрытие!

А ведь это любовница моего брата , – внезапно дошло до Чейза, и он весь обратился в слух.

– Мисс Вуд, давайте вернемся на несколько месяцев назад. К тому времени, когда вы познакомились с мистером Тримейном. Расскажите о ваших отношениях.

Миранда посмотрела на свои сцепленные руки. Стол, на котором они лежали, представлял собой типичный образец офисной мебели. Кто-то выцарапал на нем инициалы – Д. М. К. Кто? Такой же бедолага, как она? Такой же ни в чем не повинный простак, ставший жертвой обстоятельств? Она даже ощутила какую-то почти мистическую связь с этим ее неведомым предшественником, также сидевшим здесь перед полицейским, также сражавшимся за свою жизнь и свободу.

– Мисс Вуд? Пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

Миранда подняла голову. Лейтенант вежливо ей улыбался. Улыбчивый палач.

– Извините, я не слышала… отвлеклась.

– Я спрашивал насчет мистера Тримейна. Как вы познакомились?

– Мы познакомились в редакции «Геральд». Я пришла туда около года назад. Мы вместе работали.

– И?…

– И… – Она перевела дыхание. – Ну и… сблизились.

– Кто был инициатором этого, как вы выразились, сближения?

– Он. Начал приглашать меня на ланч. Объяснял, что надо обсудить те или иные дела. Поговорить о газете… об изменении формата…

– По-вашему, это обычное явление, что издатель так тесно общается с редактором?

– В большой газете – может быть. Но «Геральд» – газета маленькая. В ней нет явно выраженного разделения. Все сотрудники занимаются всем… понемногу.

– Итак, вы познакомились с мистером Тримейном в редакции.

– Да.

– А когда вы начали спать с ним?

Вопрос прозвучал резко, и она вздрогнула, словно от пощечины, и выпрямилась:

– Все было не так!

– Вы с ним не спали?

– Нет… то есть да… Да, спала, но это случилось не сразу, а через несколько месяцев. Я не хочу, чтобы вы думали, будто мы пошли на ланч, а потом сразу оказались в постели!

– Понятно. Ваши отношения носили, так сказать, более романтический характер. Вы это пытаетесь сказать?

Она сглотнула. Молча кивнула. В его изложении ее история представала в каком-то ином свете и звучала глупо и банально. Романтический характер. В голой, неприветливой комнате сами эти слова казались до невозможности пошлыми. И вообще все выглядело ужасно.

– Я думала, что люблю его, – прошептала Миранда.

– Что вы сказали, мисс Вуд?

Она повторила громче:

– Я думала, что люблю его. Иначе бы не спала с ним. Отношения на одну ночь – это не мое. Я даже романов не завожу.

– Но в этот раз завели.

– Ричард был другим.

– Каким другим?

– Не таким, как все! Его не только машины да футбол волновали. Ему было интересно то же, что и мне. Наш остров, например. Прочтите статьи, которые он писал, и вы поймете, как он любил этот городок. Мы говорили об этом часами. И я не видела в наших разговорах ничего зазорного. – Она печально вздохнула, опустила глаза и чуть слышно добавила: – Я думала, он не такой… По крайней мере, он казался… особенным…

– А еще он был женат. Но об этом-то вы знали. Миранда понурилась:

– Да… знала…

– Знали, что у него двое детей.

Она кивнула с несчастным видом.

– Вы закрутили роман с женатым мужчиной. Неужели вам было наплевать, что три ни в чем не повинных человека…

– Неужели вы считаете, что я об этом не думала? – вскинулась Миранда. Глаза ее блеснули гневом. – Думала. Дня не проходило, чтобы не думала. Просыпалась и думала. Ложилась спать и думала. Я ненавидела себя. Думала о его семье. Об Эвелине. О близнецах. Я чувствовала себя… Не знаю… как будто попала в западню.

– В западню?

– Да. Любовь стала западней. Или то, что я принимала за любовь. – Она помолчала. Неуверенно пожала плечами. – Может быть, я и не любила его по-настоящему. То есть не любила настоящего Ричарда.

– И что же привело вас к столь удивительному прозрению?

– То, что я узнала о нем.

– А что вы узнали о нем?

– Как он обращается с людьми… как использует. Например, своих работников.

– Итак, вы увидели настоящего Ричарда и разлюбили его.

– Да. Я перестала с ним встречаться. – Миранда выдохнула, словно самое трудное, самое болезненное осталось позади. – Это было месяц назад.

– Вы злились на него?

– Скорее, чувствовала себя преданной. Обманутой. Все оказалось ложью.

– Так вы рассердились на него?

– Наверное.

– Получается, вы целый месяц злились на мистера Тримейна.

– Иногда. Но еще больше я злилась на себя. За то, что была такой дурой. И он не оставлял меня в покое. Постоянно звонил, говорил, что хочет все вернуть.

– Это вас тоже злило.

– Конечно.

– Злило так, что вы решили его убить?

Миранда вскинула голову:

– Нет.

– Злило так, что вы схватили кухонный нож?

– Нет!

– Злило так, что вошли в спальню – вашу спальню, где он лежал голый на кровати, – и ударили его ножом в грудь?

– Нет! Нет! Нет! – выкрикнула она и всхлипнула. Отраженный эхом звук собственного голоса в этой голой, холодной коробке показался ей чужим криком. Миранда уронила голову на руки. – Нет… – Она начала подниматься со стула – хватит с нее этих ужасных вопросов и…

– Сядьте, мисс Вуд. Мы еще не закончили. Миранда послушно опустилась на сиденье.

– Я не убивала его. – Голос предательски дрогнул. – Я же говорила, что нашла его на моей кровати. Вернулась домой, а он лежит…

– Мисс Вуд…

– Когда это случилось, я была на берегу. Сидела на скамейке. Я же говорила! Но никто не слушает. Никто не верит. Никто…

– Мисс Вуд, у меня есть еще несколько вопросов.

Ответить Миранда уже не могла – по ее щекам катились слезы, и лейтенант Меррифилд слышал только всхлипы. Подождав немного, он выключил магнитофон.

– Ладно. Сделаем перерыв на час. Потом продолжим.

Миранда не шелохнулась. Она слышала, как скрипнул стул, как Меррифилд вышел из комнаты, как закрылась дверь. Немного погодя дверь снова открылась.

– Мисс Вуд? Я отведу вас в камеру.

Миранда медленно поднялась и повернулась к выходу. Стоявший у порога молодой полицейский доброжелательно улыбнулся ей. Судя по нашивке, его фамилия была Снайп. Она смутно помнила, что видела его когда-то, в прошлой жизни… до тюрьмы. Да, точно. Однажды, на Рождество, он разорвал ее штрафной талон. Галантный жест. Интересно, что он думает о ней теперь, когда все считают ее убийцей.

Миранда послушно вышла за ним в коридор. В дальнем углу лейтенант Меррифилд вполголоса доказывал что-то шефу местной полиции Тиббетсу. Дабы не мешать им, вежливый Снайп повел задержанную в противоположную сторону. Но далеко она не ушла – сбилась с шагу, споткнулась и остановилась.

В другом конце коридора стоял и смотрел на нее незнакомый мужчина. Никогда раньше Миранда его не видела, потому что если бы видела, то наверняка бы запомнила. Засунув руки в карманы, он стоял неприступным препятствием, огромный, широкоплечий. Стоял прямо перед ней в тесном коридорчике. На полицейского незнакомец не походил. У копов стандартная внешность, а этот человек в их стандарты не вписывался – небритый, растрепанный, в мятой рубашке. Больше всего Миранду встревожило то, как он смотрит на нее. Не с равнодушным любопытством постороннего. Нет, куда враждебнее. Он смотрел на нее глазами судьи и присяжных, взвешивал факты и готовился объявить виновной.

– Идемте, мисс Вуд, – сказал Снайп. – Нам за угол.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы шагнуть вперед, к этому устрашающему препятствию. Он отступил, и, проходя мимо, она ощутила его обжигающий взгляд, услышала, как он затаил дыхание, словно не желая дышать одним с ней воздухом, словно одно лишь ее присутствие отравляло атмосферу.

Последние двенадцать часов с ней обращались как с преступницей – надели наручники, сняли отпечатки пальцев, обыскали, проверив даже самые интимные места. Ее допрашивали, называли убийцей, унижали. Но только сейчас, под взглядом этого незнакомца, она почувствовала себя мерзкой, презренной тварью. И тогда в ней вдруг вспыхнул гнев. Неукротимый, всепоглощающий.

Миранда остановилась и посмотрела на него. Их взгляды встретились. *Ну же, черт возьми! Кто бы ты ни был, посмотри на меня! Посмотри хорошенько. Ты смотришь на убийцу? Доволен?*

Смотревшие на нее сверху глаза были темны, как ночь. Но потом в глубине их что-то мелькнуло. Неуверенность? Растерянность? Как будто то, что он увидел, не совпадало с тем, что он представлял.

За спиной у нее открылась дверь. Быстрые шаги…

– Боже, – прошептал голос.

Миранда обернулась.

Эвелина стояла у двери туалета, замерев на полушаге.

– Чейз, это… это она…

Незнакомец быстро подошел к Эвелине и предложил руку. Она вцепилась в нее, словно в спасательный канат.

– Боже… – беспомощно прошептала вдова. – Я не могу… не могу ее видеть.

Миранда предпочла бы убежать, но ее парализовало чувство вины. То, что она сделала этой женщине, всей семье, было ужасно. Она принесла им горе. И пусть не она убила Ричарда, грех навсегда останется на ней. Как и вечная мука.

– Миссис Тримейн, – тихо сказала Миранда, – мне очень жаль.

Эвелина уткнулась лицом в плечо незнакомца.

– Чейз, пожалуйста… Убери ее отсюда.

– Он любил вас, – продолжала Миранда. – Я хочу, чтобы вы знали это. Он не переставал любить вас.

– Уберите ее отсюда! – крикнула Эвелина. Чейз повернулся к полицейскому.

– Пожалуйста, – спокойно сказал он. – Уведите ее.

Снайп взял Миранду за руку.

– Идемте, мисс.

– Я не убивала его, миссис Тримейн! – крикнула Миранда через плечо. – Вы должны поверить мне!

– Дрянь! – завопила Эвелина. – Грязная шлюха! Ты сломала мне жизнь!

В следующий момент вдова оттолкнула Чейза и шагнула к Миранде. Глаза ее горели, лицо, и без того бледное, стало белым как мел. Наверное, так мог бы выглядеть ангел мести.

– Ты сломала мне жизнь!

Эхо этого пронзительного крика звенело у Миранды в ушах до самой камеры.

Обессиленная, она переступила порог и остановилась. Дверь захлопнулась. Шаги Снайпа стихли вдалеке. Миранда осталась одна. В клетке.

Стены обступили ее с четырех сторон. Миранда попыталась перевести дыхание и поняла, что задыхается. Она проковыляла к окну и попробовала дотянуться до решетки, но не смогла. Миранда подтащила к стене матрас, свернула и встала на него, но и тогда ее роста хватило ровно настолько, чтобы заглянуть за подоконник и втянуть глоток свободы. Там, за окном, светило солнце. Она видела верхушки тополей за забором, пару крыш, парящих в небе чаек. Миранда вдохнула глубже и почти ощутила запах моря. Боже, какой же он сладкий! Она схватилась за решетки с такой силой, что они врезались в ладони. Прижала к подоконнику лицо. Зажмурилась. И приказала себе успокоиться и не паниковать.

Я невиновна. Они должны мне поверить.

А если не поверят?

Нет, черт возьми. Не думай так.

Соберись и сосредоточься на чем-то другом.

Тот мужчина в коридоре. Кто он? Эвелина называла его по имени. Как? Да, Чейз. В памяти что-то шевельнулось. Похоже, она уже слышала это имя.

Миранда ухватилась за ускользающую мысль. Чейз. Чейз. Кто-то произносил это имя в ее присутствии. Надо вспомнить голос, связать его с именем. Надо…

Память как будто распахнулась, и из ее хранилища зазвучал голос Ричарда. *Я не виделся с братом уже много лет. Мы разошлись после смерти отца. Впрочем, Чейз всегда был проблемным ребенком…*

Вот оно что. Миранда открыла глаза. Но возможно ли такое? Эти двое были абсолютно разные. Она представила Ричарда – голубоглазый, русые волосы, загорелое, обветренное лицо. И Чейз… темный, смуглый… Ни малейшего сходства. Братья? Трудно поверить. Но только это могло объяснить его холодный, презрительный взгляд. Он считал ее убийцей Ричарда и, столкнувшись с ней в коридоре, не смог скрыть отвращения и ненависти.

Миранда опустилась на матрас. Легла, устроившись так, чтобы видеть клочок голубого неба и облако. Август. День будет жаркий. Ее футболка уже пропиталась потом.

Она закрыла глаза и постаралась представить себя парящей в чистом небе чайкой… Интересно, как бы выглядел сверху остров?

Не получилось. Вместо острова она видела перед собой обвиняющие глаза Чейза Тримейна.

Глава 3

Что за ужасное создание!

Мисс Лила Сент-Джон смотрела на своего любимца со смешанным чувством нежности и жалости. Сэр Оскар Генри Сан-Анджело III, более известный как Оззи, был представителем редкой породы португальской водяной собаки, известной также как кан-диагуа. Каковы отличительные признаки этой породы, в этом мисс Сент-Джон так до конца и не разобралась. Иногда ей казалось, что данный экземпляр есть некий генетический выверт. Пса подарила племянница – *чтобы вы не скучали, тетушка* , – и с тех пор мисс Сент-Джон постоянно ломала голову, пытаясь вспомнить, чем могла так насолить родственнице. Нет, Оззи

вовсе не был начисто лишен достоинств. Пес не кусался, не проявлял интереса к кошке и даже исполнял – пусть и без особого рвения – обязанности сторожевой собаки. Но при этом он ел, как лошадь, дергал носом, как мышь, и становился абсолютно невыносимым, если его не выводили хотя бы на одну из двух обязательных дневных прогулок. Тогда он подходил к двери и начинал выть.

Вот так, как сейчас.

О да, мисс Сент-Джон знала этот взгляд. И пусть самих глаз не было видно из-за всей этой длиннющей шерсти, она понимала, чего он требует.

Стоило открыть дверь, как черный ком шерсти вылетел из дому, скатился по ступенькам и стремглав полетел к лесу. И мисс Сент-Джон не осталось ничего другого, как покорно последовать за ним туда же.

Вечер выдался теплый и тихий, и струившийся с неба мягкий свет обволакивал землю особенным, магическим сиянием. В такой вечер, думала мисс Сент-Джон, можно увидеть что-нибудь необычное. Косулю или оленя, лисенка или даже сову.

Проходя между деревьями, она заметила, что пес ведет ее прямиком к коттеджу Роуз-Хилл, летней резиденции Тримейнов. Какая трагедия, эта ужасная смерть Ричарда! Вообще-то большой симпатии он не вызывал, но они были соседями, и она видела его иногда в окне – сидящим за столом, сосредоточенным. При встрече Ричард всегда был неизменно вежлив, почтителен, но мисс Сент-Джон подозревала, что такое его поведение проистекало из воспитания и привычки, а не из искреннего уважения. Старушки не имели для него никакой практической ценности, и он просто терпел их.

Другое дело молодые женщины.

Вскрывшиеся недавно обстоятельства его смерти всерьез обеспокоили мисс Сент-Джон. Дело было, собственно, не в самом факте убийства, а в личности обвиняемой. Мисс Сент-Джон знала Миранду Вуд и несколько раз с ней разговаривала. В холодную зиму, при обледенелых дорогах только отчаянные фанатики зеленой природы посещали заседания местного клуба садоводов. Именно там они и познакомились, когда сидели на лекции о триплоидных ноготках, а потом разговорились о выращивании глоксинии. Миранда тоже была вежлива и почтительна, но у нее это шло от сердца. Милая девушка и глаза честные. Да и вообще, разве может быть убийцей человек, столь страстно увлеченный цветами и столь заботливо относящийся ко всему живому?

Все эти разлетавшиеся по городу нехорошие слухи серьезно ее беспокоили. Миранда Вуд – убийца? Нет. Интуиция подсказывала, что этого не может быть, а интуиция никогда еще мисс Сент-Джон не подводила.

Промчавшись через последнюю рощицу, Оззи стрелой устремился к коттеджу Роуз-Хилл. Мисс Сент-Джон покорно последовала за ним. Вот тогда-то она и увидела мелькающий за деревьями огонек. Огонек в окне коттеджа Тримейнов. Впрочем, едва вспыхнув, он тут же погас.

Мисс Сент-Джон застыла как вкопанная. Первая пришедшая в голову мысль была из разряда суеверных. *Привидение* ? Этим коттеджем пользовался один только Ричард Тримейн, но ведь он мертв, а значит…

Впрочем, уже в следующий момент к рулю управления встала рациональная половина мозга; та половина, что и руководила повседневным поведением мисс Сент-Джон. Конечно, в доме кто-то из Тримейнов. Может быть, Эвелина пришла забрать какие-то вещи мужа.

И все же мисс Сент-Джон не могла отделаться от неясного ощущения беспокойства.

Пройдя по подъездной дорожке, она поднялась по ступенькам и тихонько постучала.

– Здесь есть кто-нибудь? Эвелина? Кэсси?

Ответом была тишина.

Мисс Сент-Джон попыталась заглянуть в окно, но внутри было темно.

– Эй? – окликнула она уже громче, и на этот раз вроде бы услышала что-то. Какой-то приглушенный стук. И снова тишина.

Оззи залаял, запрыгал по крыльцу, колотя лапами по деревянному полу.

– Тихо! – скомандовала мисс Сент-Джон. – Сидеть!

Пес заскулил, сел и с явной обидой посмотрел на хозяйку.

Мисс Сент-Джон постояла еще немножко, прислушиваясь, но никаких других звуков из дома не доносилось, и только Оззи упрямо лупил хвостом по крыльцу.

Может, стоит позвонить в полицию? Она обдумывала этот шаг всю дорогу до дома, но там, в светлой, веселой кухоньке, сама эта мысль показалась ей глупой и даже панической. До северного побережья

полчаса на машине. Захочет ли шеф полиции посылать сюда своего человека? Ради чего и на каком основании? Только потому, что какая-то старушка якобы увидела какой-то огонек? Да и чем таким особенным мог привлечь вора Роуз-Хилл?

– Это только мое воображение. Или глаза подвели. Как-никак семьдесят четыре года. Трудно ожидать, что в таком возрасте у человека все работает как надо.

Оззи, повертевшись, разлегся на полу и быстро уснул.

– Господи, – вздохнула мисс Сент-Джон. – Я уже разговариваю с собакой. И чего ждать дальше?

Оззи, как обычно, свое мнение оставил при себе.

В зале суда не было свободных мест, да еще с десяток любопытных остались в коридоре, а ведь суд еще и не начинался, и на заседании всего лишь шла речь об освобождении под залог. По закону, этот вопрос должен быть рассмотрен в течение сорока восьми часов после ареста.

Чейз, сидевший во втором ряду вместе с Эвелиной и ее отцом, полагал, что дело не займет много времени. Факты очевидны, вина подозреваемой неоспорима. Судья сделает короткое заявление, ударит молоточком, и все разойдутся.

А убийцу вернут в тюремную камеру, где ей самое место.

– Цирк, вот что это такое, – проворчал отец Эвелины, Ноа Деболт. Крепкий, седовласый, с густым низким голосом, он и в шестьдесят шесть лет выглядел внушительно и грозно. В его присутствии Чейз невольно выпрямлял спину и благочинно складывал руки на коленях. Рядом с таким человеком никто не позволял себе вольностей, и все, даже взрослые, демонстрировали любезность и почтительность.

И даже начальник полиции, как заметил Чейз, не был исключением. Проходя мимо, Лорн Тиббетс остановился и вежливо приподнял шляпу.

Участники занимали положенные места. За своим столом, перебирая бумаги, устроился заместитель окружного прокурора из Басс-Харбор. Лорн и Эллис, представлявшие половину местной полиции, сидели слева – строгие, в форме, с аккуратно причесанными волосами и даже одинаковым пробором. Молоденький адвокат в костюме, выглядевшем на две его годовые зарплаты, возился с замком кожаного кейса.

– Лучше бы очистили зал, – фыркнул Ноа. – Какого черта делают тут все эти зрители? Я называю это вторжением в частную жизнь.

– Заседание открыто для публики, папа, – устало объяснила Эвелина.

– Публика бывает разная. Зевакам здесь не место. Их это не касается. – Ноа приподнялся и помахал Лорну, пытаясь привлечь его внимание, но намасленная голова шефа полиции не повернулась – он смотрел строго перед собой. Ноа перевел взгляд на судебного пристава, но тот выскользнул в боковую дверь. – Куда катится этот город? – раздраженно пробормотал старик, опускаясь на стул. – Столько приезжих. О приличиях никто и не вспоминает.

– Успокойся, папа, – пробормотала Эвелина и, оглядевшись, заговорила обеспокоенно: – Где близнецы? Почему их здесь нет? Я хочу, чтобы судья видел их. Бедняжки… остались без отца.

– Они уже не дети, – хмыкнул Ноа. – И впечатления ни на кого не произведут.

– Вон. Я их вижу. – Чейз заметил Кэсси и Филиппа на одном из задних рядов. Должно быть, они вошли позже, с другими зрителями.

Что ж, публика на месте. Теперь очередь за двумя главными актерами. Судьей. И обвиняемой.

И тут же, словно в ответ на его мысли, боковая дверь открылась, и в зал, ведя за руку хрупкую на вид женщину, вошел здоровенный пристав.

Произошедшая с ней перемена поразила Чейза – Миранда Вуд выглядела бледной тенью себя самой. Рядом с великаном бейлифом она казалась девочкой-подростком; ее голова едва доставала ему до плеча. Впечатление невинности усиливал скромный наряд – синяя юбка и простая белая блузка, – выбранный несомненно адвокатом. Роскошные каштановые волосы аккуратно зачесаны назад и собраны в незамысловатый хвостик. Вместо ленточки обычная резинка. Ничего дерзкого, вызывающего, эффектного. Никаких украшений, никакого макияжа. Даже бледность абсолютно естественная, достигнутая без помощи пудры.

По пути к своему месту женщина лишь однажды подняла голову и посмотрела в сторону зала. Взгляд скользнул по собравшимся и ненадолго задержался на Чейзе. Зрительный контакт продолжался считанные мгновения, и Чейз, как и все остальные, увидел хрупкую маску решительности и собранности. Как и все остальные, он увидел в ее лице гордость. Как и все остальные, прочел язык тела: прямая спина, задранный подбородок. Все остальные увидели эту демонстрацию гордости. Бесстыдница, подумали они. Наглая, не раскаявшаяся в

содеянном убийца. Чейз хотел бы разделить общее мнение – тогда ее вина выглядела бы бесспорной, а наказание заслуженным.

Но он видел то, что скрывала маска. Он видел это в ее глазах двумя днями раньше, когда она смотрела в одностороннее зеркало. Страх. Ей было страшно.

И гордость не позволяла ей показать это.

С первой секунды, едва Миранда вошла в зал суда, реальность как будто перестала существовать. Руки и ноги онемели. Если она не упала, то лишь благодаря бейлифу, крепко державшему ее за руку. Публика – если можно назвать так битком набитый зрителями зал – предстала калейдоскопом лиц. Люди пришли на спектакль, пришли посмотреть ее представление. Одна половина собралась повесить ее, другая – поглазеть. Проходя по залу взглядом, Миранда замечала знакомые лица. Здесь были ее коллеги из «Геральд»: главный редактор, Джил Виккери – олицетворение профессионализма и штатные репортеры, Энни Беренджер и Тай Вейнгардт – обе в классическом образе помятого писаки. Обе подруги – если они и были таковыми когда-то – старательно демонстрировали беспристрастность и полный нейтралитет.

Во всем собрании она наткнулась лишь на одно дружеское лицо – мистера Ланцо, ее соседа. *Я с тобой, милая* , – прокричал он одними губами, и Миранда невольно улыбнулась в ответ.

И тут же взгляд зацепился за каменный лик Чейза Тримейна, и улыбка на ее губах моментально увяла. Из всех присутствующих он, более других, вызвал желание спрятаться, заползти в какую-нибудь темную расщелину или куда угодно еще, чтобы только укрыться от этих суровых глаз. Рядом с ним сидели Эвелина Тримейн – в черном вдовьем платье, с бледным, как маска смерти, лицом – и ее отец, городской патриарх, Ноа Деболт, одним лишь стальным взглядом умевший обескуражить любого, кто смел перечить ему. Сейчас его глаза сверлили Миранду.

Потянув за руку, бейлиф подвел Миранду к столу защиты. Она робко опустилась на стул справа от адвоката, приветствовавшего ее сдержанным кивком. Выпускник «Лиги плюща», Рэндалл Пэлам оделся в строгом соответствии со своей ролью, но, глядя на него, Миранда думала лишь о том, как молодо он выглядит. Рядом с ним она, в свои двадцать девять, чувствовала себя женщиной среднего возраста. Однако выбирать не приходилось. На Шефердс-Айленд было всего два практикующих адвоката. Второй, Лес Харди, человек опытный, с хорошей репутацией и соответствующими оной гонорарами, к сожалению, защищать ее не мог, поскольку в списке его клиентов фигурировали имена Деболта и Тримейна.

В случае с Рэндаллом Пэламом никакого конфликта интересов не было. Не страдал он и от избытка клиентов. Человек в городе новый, Пэлам был готов защищать любого, даже местную убийцу.

– У нас ведь все хорошо, правда, мистер Пэлам? – тихонько спросила Миранда.

– Говорить буду я. Ваше дело сидеть и показывать, что вы невиновны.

– Я невиновна.

На это заявление ответа от защитника не последовало.

– Его честь Герберт Клименко – прошу всех встать, – объявил бейлиф.

Неторопливое шарканье возвестило появление судьи Клименко. Протиснувшись за стол, он тяжело, мешком, опустился в кресло, порылся в карманах и, в конце концов, водрузил на переносицу бифокальные очки в роговой оправе.

– Старик ведь уже в отставке, – прошептал кто-то в переднем ряду. – И вот, вытащили. У него ведь, говорят, слабоумие.

– А еще говорят, что он глух! – бросил в зал Клименко и ударил молоточком по дощечке. – Объявляю заседание открытым.

Слушание началось. Миранда помалкивала, предоставив адвокату делать то, что он считает нужным. За те сорок пять минут, что двое мужчин, одного из которых Миранда едва знала, а другого не знала вовсе, решали вопрос о ее свободе, она не произнесла ни слова. Речь не шла о ее виновности или невиновности – это предстояло определить в ходе суда. Сейчас, на предварительном слушании, предстояло решить другой, неотложный вопрос: можно ли отпустить обвиняемую на свободу до начала процесса?

Заместитель окружного прокурора зачитал список причин, исходя из которых ее следовало оставить за решеткой. Тяжесть улик. Опасность для общества. Несомненный риск, поскольку обвиняемая может сбежать. Жестокий характер преступления, подчеркнул он, указывает на брутальность натуры обвиняемой. Миранда слушала и не верила своим ушам: чудовищем, на которое постоянно указывал заместитель прокурора, была *она. Неужели они считают меня монстром? Неужели верят, что я – зло? Неужели думают, что я убью еще кого-то?* Вопросы вертелись в голове, а спину жгли неприязненные взгляды собравшихся в зале горожан.

К происходящему Миранда вернулась только после того, как ее попросили, повторно, встать, чтобы выслушать решение судьи Клименко. Едва сдерживая нервную дрожь, она поднялась. Клименко смотрел на нее поверх сдвинутых на кончик носа очков.

– Суд устанавливает залог в сумме сто тысяч долларов наличными или двести тысяч в виде обеспеченной собственности. – Молоток опустился. – Заседание закончено.

Миранда как будто остолбенела. За спиной у нее поднимались и тянулись к выходу зрители, а она стояла, скованная отчаянием.

– Это лучшее, чего я смог добиться, – прошептал Пэлам.

С таким же успехом они могли назначить и миллион. У нее не было не только таких денег, но и каких-либо возможностей собрать их.

– Идемте, мисс Вуд, – сказал бейлиф. – Пора возвращаться.

Покорно, не говоря ни слова, она прошла за ним через зал под любопытными взглядами и лишь у двери задержала шаг и, обернувшись, посмотрела на Чейза Тримейна. Он тоже смотрел на нее, и в какой-то момент в его глазах мелькнуло что-то, чего Миранда не видела раньше. Сочувствие. Мелькнуло и ушло.

Она сморгнула подступившие слезы и вышла вслед за приставом.

Пора возвращаться. В тюрьму.

– Теперь ей не выбраться, – сказала Эвелина.

– Сто тысяч долларов? – Чейз покачал головой. – Не такая уж нереальная сумма.

– Для нас – может быть. Но только не для такой, как она, – фыркнула презрительно Эвелина, и ее красивое, ухоженное лицо омрачила гримаса злобного удовлетворения. – Нет, нет, думаю, мисс Миранда Вуд останется там, где ей и надлежит быть – за решеткой.

– Уперлась и стоит на своем. – Лорн Тиббетс развел руками. – Мы допрашиваем ее уже целую неделю, но слышим одно и то же. Держится за свою версию и не отходит от нее ни на дюйм.

– Не важно. – Эвелина пожала плечами. – Факты ведь остаются фактами, и с ними не поспоришь.

Они сидели на веранде, куда их выгнала жара. Солнце лишь недавно заглянуло в окна, но уже превратило комнаты в духовки. Чейз успел забыть, какими невыносимо душными бывают здесь августовские дни. В его памяти Мэн остался вечно прохладным, отгороженным от тягот лета. Вот тебе и детские воспоминания. Он налил себе второй стакан чаю со льдом и протянул кувшин Тиббетсу.

– Итак, Лорн, что вы сами-то думаете? – поинтересовался Чейз. – Считаете, имеющихся доказательств достаточно для вынесения обвинительного приговора?

– Может быть. Но в доказательной базе есть пробелы.

– Какие пробелы? – строго спросила Эвелина.

Ну вот , – подумал Чейз, – *теперь моя невестка больше похожа на себя. Полный самоконтроль и никаких истерик. Не то что в тот первый день, в участке.* Собранная, уверенная, такой он и помнил ее со школьных времен. Эвелина, Снежная королева.

– Есть проблема с отпечатками, – ответил Тиббетс.

– Что вы имеете в виду? – удивился Чейз. – Разве их не было на ноже?

– В том-то и дело. Рукоятку начисто вытерли. Честно говоря, я этого не понимаю. Мы ведь говорим о преступлении на почве страсти, понимаете? Женщина пользуется собственным ножом. Импульсивно. Не думая о последствиях. Так зачем же стирать затем отпечатки?

– Должно быть, она смышленее, чем вы предполагаете, – усмехнулась Эвелина. – Вот уже и вас смутила.

– И все же в стандартную модель непреднамеренного убийства этот факт вписывается плохо.

– Есть что-то еще? – спросил Чейз. – Какие-то другие проблемы?

– Сама подозреваемая, – вздохнул Тиббетс. – Крепкий орешек.

– Разумеется, она будет стоять на своем, – пожала плечами Эвелина. – На кону ее жизнь.

– Мисс Вуд прошла проверку на полиграфе.

– Вы проверяли ее на детекторе лжи? – удивился Чейз.

– Она сама на этом настояла. Но даже если бы и не прошла, для нее это ничего бы не значило. Результат такой проверки не принимается судом в качестве улики.

– Тогда почему это на вас так подействовало? – Эвелина даже повысила голос. – Почему вы переменили свое мнение?

– Не переменил. Просто меня это беспокоит. Чейз отвел глаза. Его тоже кое-что беспокоило. Но не факты – интуиция.

Логика, здравый смысл, имеющиеся улики – все указывало на то, что брата убила Миранда Вуд. Но почему ему так трудно в это поверить?

Первые сомнения зародились еще неделю назад, в полицейском участке, когда он случайно увидел ее на допросе. Он слышал вопросы, слышал ответы, невнятные, невразумительные объяснения. Его уверенности в виновности мисс Вуд они не поколебали. Но потом, когда они столкнулись лицом к лицу в коридоре и она посмотрела ему в глаза, Чейз почувствовал, как в нем зашевелились сомнения. Разве убийца смогла бы смотреть так твердо? Разве достало бы виновной смелости предстать перед обвинителем? И даже когда появилась Эвелина, Миранда не стала убегать, прятаться. Вместо этого она сказала нечто совершенно неожиданное. *Он любил вас. Я хочу, чтобы вы знали это* . Такого от убийцы никто не ждал. Она искренне пыталась утешить вдову. Зачем? Это не принесло ей никаких дополнительных баллов. Ни в глазах полицейских, ни на слушании. Она могла бы просто пройти мимо, сделав вид, что не заметила Эвелину, оставив несчастную женщину со своим горем. Но Миранда поступила иначе, проявив доброту и сострадание.

Этого Чейз не понимал.

– Прямых улик нет, косвенных более чем достаточно, – продолжал Тиббетс. – И судья, очевидно, принял это во внимание. Посмотрите, какой назначен залог. Клименко прекрасно понимал, что таких денег ей не собрать. Так что в ближайшее время мисс Вуд на свободу не выйдет. Если только у нее нет в запасе богатенького дядюшки.

– Вряд ли, – сказала Эвелина. – Она ведь нам не чета. Из тех, бедняков.

Нам не чета , – подумал Чейз. Но и не белая шваль, как говорили в старину. Он сам убедился в этом, наблюдая за ней через стекло. Шваль – это дешевка, те, кого легко согнуть и легко купить. Миранда Вуд – женщина другой породы.

На подъездной дорожке появилась полицейская машина.

Тиббетс вздохнул:

– Ну вот. Не дают человеку покоя. Даже в выходной.

Из машины вышел Эллис Снайп – подтянутый, в новенькой форме. Похрустывая ботинками по гравию, он пересек поворотный круг и подошел к веранде.

– Привет, Лорн. Так и подумал, что найду тебя здесь.

– Эллис, сегодня воскресенье. Не забыл?

– Да, помню. Но у нас как бы проблема.

– Если опять с туалетом, то просто вызови сантехника. Наряд я подпишу.

– Дело не в этом… – Эллис неуверенно посмотрел на Эвелину. – Просто та женщина, Миранда Вуд…

Тиббетс поднялся из-за стола и шагнул к перилам.

– Что еще такое?

– Ей ведь назначили залог, да? Сто тысяч долларов.

– Да, верно.

– Ну вот, кто-то заплатил.

– Что?

– Кто-то внес за нее залог. Мы только что получили судебный приказ отпустить Миранду Вуд.

Пауза растянулась едва ли не на минуту, и оборвал ее низкий, сочащийся злобой голос Эвелины.

– Кто внес залог?

Эллис покачал головой:

– Не знаю, мэм. В суде сказали, что деньги поступили от неизвестного через посредника, какого-то бостонского адвоката. Что делать будем, а, Лорн?

Тиббетс устало вздохнул, потер затылок, переступил с ноги на ногу и, наконец, обернулся:

– Мне очень жаль, Эвелина. Извините.

– Лорн, вы не сделаете этого! – воскликнула она.

– У меня нет выбора. – Он посмотрел на стоящего внизу Снайпа: – Ты получил распоряжение суда? Выполняй. Отпусти ее.

– Не понимаю, – пробормотала Миранда, растерянно глядя на адвоката. – Кто мог это сделать?

– Наверное, какой-то друг, – сухо ответил Рэндалл Пэлам. – Очень *хороший* друг.

– Но у меня нет друзей с такими деньгами. Ни у кого из них не нашлось бы лишних ста тысяч долларов.

– Тем не менее залог кто-то внес. Вот вам совет: дареному коню в зубы не смотрят.

– Мне бы только узнать кто…

– Делом занимался один адвокат в Бостоне. По его словам, клиент пожелал сохранить анонимность.

– Но почему?

– Может быть, ваш благодетель не хочет *такой* известности.

Не хочет, чтобы люди узнали, что он помогает убийце?

– Он – или она – имеет полное право не называть себя. Я бы рекомендовал воспользоваться предоставленным шансом. Альтернатива – остаться в тюрьме. Не самое уютное местечко.

Миранда согласно кивнула:

– Да уж, не самое. – Это мягко говоря. Всю неделю она с тоской смотрела в окно, мечтая о таких простых, привычных удовольствиях, как прогулка у моря или приличная еда. Снова вдохнуть соленый воздух, подставить лицо теплым солнечным лучам… Теперь все это было так близко – надо лишь сделать шаг. – Я хотела бы узнать, кого могу поблагодарить, – тихо сказала она.

– Невозможно. Послушайте меня и просто примите как благодеяние. – Пэлам захлопнул кейс.

Жест этот отозвался вдруг раздражением к напыщенному юнцу, молокососу, такому чистенькому, деловитому, в дорогом сером костюме. Рэндалл Пэлам, эсквайр.

– Я обо всем уже договорился. Вы можете выйти во второй половине дня. Вернетесь домой?

Миранда ответила не сразу. Перед глазами снова встала ужасная картина: раскинувшийся на ее кровати Ричард и окровавленный нож на полу. В доме потом убрали – спасибо службе помощи на дому. Об этом позаботился сосед, мистер Ланцо. По его словам, теперь все выглядит так, будто ничего и не случилось. Ничто не напомнит ей о разыгравшейся в спальне трагедии. Никаких следов.

Кроме тех, что остались в ее памяти.

Но больше идти некуда.

Миранда кивнула:

– Я… Да, наверное, вернусь домой.

– Правила вы знаете, да? Из округа не выезжать. Можете съездить в Басс-Харбор, не дальше. Постоянно оставаться на связи. И ни с кем, повторяю, ни с кем не обсуждать это дело. Мне и без того предстоит нелегкая работа, так что постарайтесь ее не осложнять.

– И мы ведь не хотим, чтобы вы теряли заработок? – пробормотала она.

Пэлам то ли не услышал, то ли сделал вид, что не услышал. Повернулся, шагнул к двери, но вдруг остановился и посмотрел на нее через плечо.

– Мы еще можем заключить сделку.

Глядя ему в глаза, она твердо произнесла одно лишь слово:

– Нет.

– Заключив сделку, мы смогли бы исключить худшее. Вместо двадцати пяти лет вы получили бы всего десять.

– Я не убивала его.

Секунду или две Пэлам молча и бесстрастно смотрел на нее, потом нетерпеливо пожал плечами и отвернулся.

– Пойдите на сделку. Признайте себя виновной. Это мой профессиональный совет. Подумайте.

Советом Миранда воспользовалась. Сидя в унылой, сумрачной камере в ожидании бумаг об освобождении, она думала об этом несколько часов. Но когда вышла из здания на залитую солнцем улицу, все мысли о торге, в результате которого из жизни пришлось бы вычеркнуть десять лет, вылетели из головы. Теперь такой вариант представлялся абсолютно неприемлемым. Миранда постояла немного на тротуаре, глядя в безоблачное голубое небо, вдыхая воздух, которым дышала всю жизнь, а потом повернулась и пешком направилась к дому.

Прогулка длиной в милю пошла на пользу: щеки порозовели, отвыкшие от работы мышцы приятно ныли. Дом выглядел как всегда: крытый дранкой коттедж, аккуратная лужайка – кто-то поливал ее все эти дни, – выложенная кирпичом дорожка, живая изгородь из кустов гортензии с пушистыми белыми цветками, сливающимися издалека в висящее над землей облако. Скромное жилище, но оно – ее дом.

Миранда прошла по дорожке, поднялась по ступенькам к веранде и только лишь тогда увидела написанные мылом на переднем окне злые, несправедливые слова. Она замерла и сжалась, уязвленная жестокостью послания.

Убийца .

В порыве внезапной ярости Миранда шагнула к окну и вытерла стекло рукавом. Оскорбительная надпись расползлась в мыльных потеках. Кто мог сделать такое? Определенно не соседи. Дети. Должно быть, дети. Кучка хулиганов. Или приезжие.

Но разве от этого легче?

Конечно, что думали приезжие, то никого не интересовало. Значение имело только мнение проживающих на острове постоянно и круглогодично. Тех, кого встречаешь каждый день.

У двери Миранда замешкалась, но, преодолев непонятную робость, повернула ручку и вошла.

Внутри, к ее огромному облегчению, все было в порядке. На столике лежал счет от компании «Добросовестные уборщики», которая провела в доме, согласно записи в наряде, «полную уборку с удалением пятен в спальне». Наряд подписал сосед, мистер Ланцо.

Первым делом Миранда прошлась по дому: заглянула в кухню, в ванную, во вторую спальню, оставив свою напоследок. На пороге она остановилась. В комнате царили порядок и чистота: натертый до блеска пол, аккуратно застеленная кровать, коврик без единого пятнышка. Ни намека на убийство, ни малейшего следа смерти. Обычная спальня, светлая, с окнами на солнечной стороне и непритязательной мебелью.

Миранда не шелохнулась, даже когда зазвонил телефон. Впрочем, трезвонил он недолго и скоро умолк.

Она вошла. Села на кровать. То, что случилось здесь, казалось теперь плохим сном. *Я могу очнуться, если только хорошенько постараюсь. Я проснусь и пойму, что все было кошмаром и теперь закончилось.* И тут взгляд ее зацепился за бурое пятнышко на дубовом полу.

Миранда вскочила и выбежала из комнаты.

В гостиную она вошла ровно в тот момент, когда там зазвонил телефон, и машинально взяла трубку.

– Да?

– Лиз Борден топорик схватила,

Мамаше башку раскроила,

Потом, порезвившися всласть,

За папочку Лиз принялась![1]

Трубка выскользнула из пальцев и повисла, покачиваясь, на шнуре. Миранда в ужасе попятилась. Из микрофона доносились смешки, злобные и пронзительные, как будто хихикал ребенок. Она схватила трубку, швырнула на рычаг.

Телефон снова зазвонил.

Миранда снова взяла трубку.

– Лиззи Борден…

– Прекратите! Оставьте меня в покое!

Она снова бросила трубку. И телефон снова зазвонил.

На этот раз Миранда не стала отвечать, а повернулась, выбежала через кухонную дверь и упала на лужайке. Над головой чирикали птички. В

воздухе держался запах теплой земли и сладковатый аромат цветов. Она уткнулась лицом в траву и дала волю слезам.

В доме все звонил и звонил телефон.

Глава 4

Одна, никем не замеченная, Миранда стояла за кладбищенскими воротами. Через кованую решетку ограды она видела людей в траурных одеждах, собравшихся у свежевыкопанной могилы. Народу собралось много, в чем не было ничего удивительного, поскольку городок прощался с уважаемым членом общества. *Уважаемым? Возможно. Но любил Ричарда кто-нибудь из присутствующих, включая его жену?* Миранда вздохнула. *Да. Я думала, что любила. Когда-то…*

Голос преподобного Марринера доносился едва различимым бормотанием. Слова терялись в шорохе веток сирени над головой. Миранда прислушалась. «Любящий муж… будет недоставать… страшная трагедия… прости, Господи…»

Прости .

Она повторила слово как спасительную молитву, сила которой могла вырвать ее из тисков вины. Но кто простит ее?

Уж точно никто из тех, кто пришел проститься с Ричардом Тримейном.

Миранда знала почти всех. Среди них были ее соседи, коллеги по газете, друзья. *Бывшие друзья* , – добавила она с горечью. Были и те, кто никогда бы не снизошел до знакомства с ней; те, кто вращался в тех сферах, куда Миранду никогда бы не допустили.

Вот Ноа Деболт, отец Эвелины, мрачный, но сдержанный. Вот Форест Мейхью, президент местного банка, в положенном случаю сером костюме. Вот мисс Лила Сент-Джон, помешанная на цветах и сама похожая на цветок, засушенный в семьдесят четыре года. И разумеется, все Тримейны. Собравшись у могилы, они являли трагическую сцену. Эвелина стояла между сыном и деверем, словно не доверяла собственным силам и рассчитывала на поддержку мужчин. Чуть в стороне от них, будто демонстрируя независимость, замерла Кэсси. Ее яркое, желто-оранжевое платье дерзко контрастировало с общим серо-черным фоном.

Да, Миранда знала их всех. И они знали ее.

Она имела полное право стоять рядом с ними, потому что была другом Ричарда. Она пришла проститься с ним и должна была поступить так, как велело сердце, не думая о последствиях.

Но ей недостало смелости.

И в результате она осталась вне круга скорбящих, одинокая и бессловесная, наблюдая издалека за тем, как предают земле человека, бывшего еще недавно ее любовником.

Осталась и тогда, когда церемония закончилась и процессия медленно двинулась к выходу. Она ловила их недоуменные взгляды, видела, как некоторые качают головой, как бы говоря: *Вы только посмотрите, это же она* . Миранда не прятала глаза, не отворачивалась, не пыталась убежать. Бегство было бы трусостью. *Я, может быть, не такая уж смелая,* – говорила она себе*, – но и не трусиха*. Большинство, проходя мимо, первыми отводили глаза и прибавляли шагу. Только мисс Лила Сент-Джон задержала взгляд, и в какой-то момент Миранде показалось, что за внешним равнодушием старушка прячет усмешку.

Чей-то вздох заставил ее обернуться.

Четверо Тримейнов остановились у ворот, и Эвелина, медленно подняв руку, указала на Миранду.

– Вам нечего здесь делать, – прошипела она. – Вы не имеете права…

– Мама, перестань. – Филипп взял ее за руку и потянул. – Идем домой.

– Ей здесь не место.

– Мама…

– *Убирайся отсюда!* – Выставив руки с согнутыми, как когти, пальцами, Эвелина шагнула к Миранде.

И тут же между двумя женщинами встал Чейз. Притянув невестку к себе, он крепко ее обнял и, наклонившись, внятно произнес:

– Не надо, Эвелина! Я все улажу, ладно? Поговорю с ней. Возвращайся домой, хорошо? – Он посмотрел на близнецов: – Филипп, Кэсси! Позаботьтесь о матери. Отвезите ее домой. Я скоро буду.

Близнецы взяли Эвелину под руки и повели к машине, но в последний момент, перед тем как сесть, она обернулась и крикнула:

– Не дай этой дряни одурачить тебя, Чейз! Она будет вертеть тобой, как вертела Ричардом!

Не ожидавшая столь яростного выпада, Миранда отшатнулась, будто от удара, и, наткнувшись на ворота, схватилась за них, чтобы не упасть. Никакой другой опоры, кроме вот этого холодного железа, у нее, похоже, не осталось. Ржавые петли жалобно скрипнули. Миранда вздрогнула, тряхнула головой и обнаружила, что стоит на полянке с маргаритками, что все уже уехали и что на кладбище никого не осталось, кроме нее и Чейза Тримейна.

Он посматривал на нее настороженно, но приближаться не спешил, словно не зная, чего от нее ожидать. Как будто она была опасным диким зверем. В темных глазах Миранда видела сомнение, в неподвижной позе – напряжение. В дорогом сером костюме Чейз выглядел настоящим аристократом, холодным и неприступным, с широкими плечами и узкой талией. Костюм, разумеется, пошит на заказ – обычный, с магазинной вешалки, не для настоящего Тримейна.

И все же, глядя на этого высокого мужчину с темными цыганскими глазами и черными как вороново крыло волосами, с трудом верилось, что он – Тримейн.

Работая в «Геральд», она целый год видела портреты представителей этой семьи в здании редакции. Портреты висели на стене, напротив ее стола, – пять поколений мужчин, все розовощекие и голубоглазые. Именно таким был Ричард, прекрасно вписывавшийся в общий ряд. Повесь на ту же стену портрет Чейза Тримейна, и он будет выглядеть чужаком.

– Зачем вы пришли сюда, мисс Вуд?

Миранда гордо вскинула голову:

– А почему мне нельзя приходить?

– Потому что это, мягко говоря, неуместно.

– Очень даже уместно. Ричард мне не чужой, мы были друзьями.

– Друзьями? – усмехнулся он. – Так вот как это теперь называется.

– Вы же ничего не знаете, а беретесь судить.

– Я знаю, что вы были не просто друзьями. И как нам называть ваши отношения, а, мисс Вуд? Связью? Увлечением? Романом?

– Прекратите.

– Может, вам просто нравилось кувыркаться с боссом на его диване?

– Прекратите же! Все было совсем не так!

– Ну конечно. Вы были просто друзьями.

– Ладно. Хорошо… – Миранда отвернулась, чтобы он не видел ее слез, и с трудом выдавила: – Мы были любовниками.

– Наконец-то вы нашли подходящее слово.

– Но и друзьями тоже. В первую очередь друзьями. Как бы я хотела, чтобы все так и оставалось.

– И я тоже. По крайней мере, мой брат был бы жив.

Она напряглась и, снова повернувшись к нему, вздохнула:

– Я его не убивала.

Чейз вздохнул:

– Разумеется, вы не убивали.

– Ричард уже был мертв, когда я нашла его…

– Нашли в вашем доме. В вашей постели.

– Да. В моей постели.

– Послушайте, мисс Вуд. Я не судья и не жюри присяжных. Не старайтесь в чем-то меня убедить. Я хочу сказать вам только одно: держитесь подальше от нашей семьи. Эвелина прошла через настоящий ад. С нее хватит. Ей не нужны постоянные напоминания о трагедии. Имейте в виду, если понадобится, мы добьемся судебного запрета, чтобы вы и близко к нам не подходили. Один неверный шаг – и вы вернетесь за решетку. Туда, где вам и положено быть.

– Вы все одинаковые. – Миранда с горечью покачала головой. – Тримейны и Деболты. Одного поля ягода. Мы же вам не ровня, нас можно и отодвинуть. На положенное место.

– Дело не в том, что мы какие-то особенные. Дело в хладнокровном, предумышленном убийстве. – Чейз шагнул к ней. Миранда не отступила. Впрочем, отступать было некуда – она уперлась спиной в железные

ворота. – Так что же все-таки случилось? Ричард нарушил какое-то обещание? Отказался уйти из семьи, бросить детей? Или просто образумился и решил расстаться с вами?

– Все было не так.

– А как?

– Это я решила расстаться с ним!

Чейз с сомнением посмотрел на нее сверху вниз:

– Почему?

– Потому что все закончилось. Потому что все между нами пошло не так. Я решила расстаться и уже ушла из газеты.

– Он выгнал вас?

– Я ушла сама. Можете проверить по документам, мистер Тримейн. Там есть мое заявление двухнедельной давности. Я собиралась уехать с острова. Куда-нибудь, где не буду видеть его каждый день. Где ничто не будет напоминать о горе, которое я принесла другим.

– И куда же вы намеревались податься?

– Не важно. Просто подальше отсюда. – Миранда отвела глаза. Там, за кладбищем, лежало море. Она даже видела его в просвете между деревьями. – Я выросла в пятидесяти милях отсюда. Этот залив – мой дом. Я всегда его любила. Но тогда думала лишь о том, как уехать отсюда.

Она снова посмотрела на Чейза.

– Я уже освободилась от Ричарда и была на полпути к счастью. Зачем же мне убивать его?

– Как он оказался у вас дома?

– Ричард хотел встретиться со мной. А я не хотела его видеть. И ушла из дому. Прогулялась до берега, а когда вернулась, нашла его.

– Да, я слышал вашу версию. По крайней мере, вы от нее не отступаете.

– Это правда.

– Правда, выдумка… – Чейз пожал плечами. – В вашем случае одно переплелось с другим. – Он резко повернулся и зашагал прочь.

– А если все – правда? – крикнула она вслед.

– Держитесь подальше от семьи, мисс Вуд! – бросил Чейз плечо. – В противном случае мне придется позвонить Лорну Тиббетсу.

– А вы постарайтесь рассмотреть другой вариант. Представьте, что я его не убивала! Что это сделал кто-то еще?

Он не оглянулся.

– Может быть, это кто-то, кого вы знаете! Подумайте! Или вы это уже знаете и просто хотите свалить вину на меня? Ответьте, мистер Тримейн? Кто же на самом деле убил вашего брата?

И Чейз вдруг остановился. Он знал, что не должен останавливаться. Знал, что не должен разговаривать с этой женщиной. Это безумие. Или она сама сумасшедшая. Но и уйти уже не мог. Если то, что она сказала, правда...

Он медленно повернулся. Она стояла на том же месте и пристально смотрела на него. Волосы ее в послеполуденном солнце отливали медью. Худенькая, в черном платье, она выглядела на удивление хрупкой и беззащитной. Казалось, вот налетит сейчас порыв ветра, подхватит ее и унесет.

Возможно ли, чтобы эта женщина убила Ричарда? Занесла над ним нож и ударила? Ударила с такой силой, что лезвие пронзило грудную клетку до спины?

Чейз осторожно подошел к ней.

– Если вы его не убивали, то кто?

– Не знаю.

– Не очень-то обнадеживающий ответ.

– У него были враги.

– И у них были причины, чтобы убить Ричарда?

– Он же владел газетой. Знал кое-что кое о ком. И не боялся писать правду. В городе есть люди, которые его опасались.

– Какие люди? О каком скандале идет речь?

Она взглянула на него исподлобья и отвела глаза.

Что это? Понятная нерешительность? Или эта женщина сочиняет очередную ложь?

– Ричард готовил статью, – заговорила Миранда. – О местном девелопере по имени Тони Граффам. У него своя компания, называется «Стоун коуст траст». Ричард упоминал, что располагает доказательствами мошенничества…

– Мой брат держал в штате двух репортеров. С какой стати ему самому заниматься статьей?

– Ричард считал это своим личным делом и твердо вознамерился утопить «Стоун коуст». Для завершения работы не хватало последнего доказательства. Получив его, Ричард собирался отдать статью в печать.

– И отдал?

– Нет. Статья должна была выйти две недели назад, но так и не вышла.

– Кто ее снял?

– Не знаю. Поговорите с Джил Виккери.

– Главным редактором?

Миранда кивнула:

– Джил знала о готовящейся статье и была от нее не в восторге. Вся работа лежала на Ричарде. Он в одиночку тащил этот проект и был готов рискнуть. Его не останавливало даже возможное обвинение в клевете, которым угрожал Тони Граффам.

– Значит, один подозреваемый у нас есть. Тони Граффам. Кто еще?

Она замялась.

– Ричард не пользовался особой популярностью.

– Ричард? – Чейз недоверчиво покачал головой. – Сомневаюсь. Если у кого-то из нас и были проблемы с популярностью, то уж точно не у него.

– Два месяца назад Ричард срезал зарплаты сотрудникам газеты. И сократил на треть штат.

– Подозреваемых становится больше.

– Он умел доставлять людям неприятности.

– В том числе собственной семье.

– Вы не представляете, как трудно здесь получить работу. Люди готовы на все. Да, говорить Ричард умел. Как ему жаль, что приходится принимать жесткие меры. Что их боль есть и его боль. Но это все было ложью. Я сама слышала его разговор с бухгалтером. Он сказал: *Я сбросил балласт, как вы и советовали* . Те люди проработали в «Геральд» по многу лет. Деньги у Ричарда были, и он мог бы обойтись без увольнений.

– Ричард – бизнесмен.

– Верно. Именно бизнесменом он и был в первую очередь.

Ветер тронул ее волосы, и они зашевелились, словно танцующие язычки пламени. Пламя это разгоралось, питаясь ее злостью – на него, на Ричарда, на Тримейнов.

– Теперь у нас целая куча подозреваемых, – сказал он. – Все те бедняги, которых уволил мой брат. Их семьи. Может быть, добавить его детей? Тестя? Жену?

– Да. А почему бы и нет?

Чейз фыркнул и развел руками.

– Знаете, а у вас хорошо получается. Очень хорошо. Вам бы с фокусами выступать… дым, зеркала… Но меня вы не убедили. Надеюсь, и с присяжными ваши трюки не пройдут. Думаю, они увидят вас насквозь, и вы заплатите за все.

Она обожгла его взглядом, готовая вот-вот взорваться, выплеснуть на него весь свой гнев, но потом вдруг поникла и съежилась, как проколотый воздушный шарик.

– Я уже заплатила, – прошептала Миранда. – И буду платить до конца жизни. Потому что виновата. Не в убийстве – я его не убивала. – Она сглотнула, отвернулась. Теперь Чейз не видел ее лица, но хорошо слышал звучавшую в голосе боль. – Виновата в том, что вела себя глупо. Была наивна. Думала, что люблю вашего брата. Потом, узнав его лучше, я попыталась отступить. Хотела, чтобы мы остались… просто друзьями.

Миранда убрала упавшую на лицо прядь, а он, наблюдая за ней, вдруг подумал, что она ведь очень смелая. Не дерзкая, не наглая, как ему вначале показалось, а по-настоящему смелая.

Она снова подняла голову. На ресницах еще блестели слезы, и у Чейза вдруг возникло безумное желание дотронуться до ее лица, вытереть

слезы. И вместе с этим желанием пришло другое, столь же сумасшедшее: узнать вкус ее губ, нежность ее волос. Он моментально отступил, словно от полыхнувшего жаром огня. *Теперь понятно, почему ты запал на нее, Ричард. В других обстоятельствах я бы и сам не устоял* .

– Черт, – пробормотала с горечью Миранда. – Кому теперь какое дело до моих чувств? Ни вас, ни других это не касается. – Она даже не посмотрела на него – повернулась и зашагала по дорожке. Странно, но в какой-то момент Чейз как будто остался в пустоте.

– Мисс Вуд! – крикнул он. Она не остановилась. – Миранда! – Теперь она остановилась. – Только один вопрос. Кто внес за вас залог?

Миранда обернулась, посмотрела на него и покачала головой:

– Я не знаю.

И ушла.

Дорога к редакции оказалась непривычно долгой. Миранда шла обычным маршрутом, по знакомым улицам, мимо знакомых фасадов. Хуже всего было то, что по пути попадались знакомые люди. Они смотрели на нее из-за стекол витрин, собирались группками, перешептывались. Никто не вышел, никто ничего не сказал ей в лицо. Да и зачем? *Чего мне недостает* , – думала Миранда, – *так это красной буквы на груди: «У» – убийца* .

Глядя строго перед собой, она повернула на Лаймрок-стрит, к зданию, в котором помещалась редакция «Геральд», ее убежище от любопытных взглядов. Проскользнув в двойную стеклянную дверь, Миранда выдохнула с облегчением и нырнула в отдел новостей.

На несколько секунд жизнь в комнате остановилась. Взгляды всех присутствующих устремились в одном направлении.

– Привет, Миранда, – прозвучал невозмутимый голос.

Она повернулась. Из кабинета выплыла главный редактор Джил Виккери, еще не успевшая переодеться после похорон и выглядевшая весьма элегантно в траурном платье. Короткая юбка соблазнительно шуршала по шелковым чулкам.

– Чем могу помочь? – вежливо осведомилась она.

– Я… я пришла за своими вещами.

– Да, конечно. – Джил неодобрительно взглянула на своих замерших с открытыми ртами подчиненных. – Нам что, делать больше нечего?

Работа нашлась сразу. Все опустили головы.

Джил перенесла внимание на Миранду:

– Я позволила себе очистить твой стол. Все лежит в ящике, в подвале.

Признательность за проявленную любезность перевесила недовольство бесцеремонным поведением Джил, выбросившей ее вещи.

– У меня еще в шкафчике кое-что оставалось.

– Если оставалось, то там и лежит. Никто ничего не трогал. – Больше тем не нашлось, и в комнате повисло молчание. – Ну, – произнесла Джил, торопясь подвести черту под неловкой ситуацией. – Желаю удачи. Что бы ни случилось. – С этими словами она шагнула к выходу.

– Джил? – окликнула ее Миранда.

– Да?

– Хотела спросить… Та статья насчет Тони Граффама, почему ее не напечатали?

Джил уставилась на бывшую сотрудницу с искренним недоумением:

– А почему ты спрашиваешь? Разве это важно?

– Да.

Джил пожала плечами:

– Так решил Ричард. Он снял ее из плана.

– Ричард? Снял? Но он же работал над ней несколько месяцев.

– Наверное, были какие-то причины, но я их не знаю. Просто снял, и все. И, честно говоря, думаю, он ее и не написал.

– Как? Ричард ведь почти закончил ее.

– Я просматривала его бумаги. – Джил продолжила короткий путь к двери. – Сомневаюсь, что его энтузиазма хватило надолго. Ты же знаешь, каким он был. Мастер преувеличения. Много слов и мало дела.

Миранда в полной растерянности смотрела ей вслед. Мастер преувеличения? Слышать такое было больно, но да, в целом заявление соответствовало действительности.

Люди в комнате снова смотрели на нее.

Не говоря ни слова, она спустилась по лестнице и заглянула в комнату отдыха, где обнаружила Энни Беренджер, которая как раз зашнуровывала кроссовки. Верная избранному стилю, Энни была в мешковатых штанах и мятой рубашке. Содержимое ее шкафчика демонстрировало то же отсутствие порядка: кучки скомканной одежды, полотенца, книги.

Услышав, как скрипнула дверь, Энни подняла голову и тряхнула тронутыми ранней сединой волосами.

– Вернулась.

– Только чтобы забрать вещи. – Оглядевшись, Миранда заметила картонную коробку под одной из скамеек, вытащила ее и отнесла к своему шкафчику.

– Видела тебя на похоронах. Нервы у тебя крепкие. – Энни захлопнула дверцу шкафчика и шумно выдохнула. – Наконец-то переоделась. До чего ж удобно. Не понимаю, как люди ходят на высоких каблуках. Я в них даже думать не могу, как будто приток крови в мозг прекращается. – Она зашнуровала второй кроссовок. – И что дальше? Я имею в виду тебя.

– Не знаю. Дальше, чем на день-другой, и заглядывать не хочу. – Миранда открыла шкафчик и стала бросать вещи в коробку.

– Ходят слухи, у тебя друзья в высоких сферах.

– Что?

– Ну, из тюрьмы-то тебя кто-то вытащил, верно?

– Я и сама не знаю кто.

– Догадаться-то можно. Или это адвокат тебе так насоветовал? Мол, делай вид, что ты ни сном ни духом.

Миранда сжала ручку шкафчика.

– Не надо, Энни. Пожалуйста.

Энни подняла голову и посмотрела сверху вниз, отчего на лице у нее проступили мелкие морщинки и веснушки.

– Что, наступила на мозоль? Ладно. Извини. И не думай, что мне нравится размазывать коллегу по первой полосе. Просто Джил свалила это дело на меня. – Она помолчала, наблюдая за Мирандой. – Ну, я могу получить от тебя какое-нибудь заявление?

– Я этого не делала.

– Это все уже слышали.

– Хочешь Пулитцеровскую премию заработать? – Миранда повернулась и посмотрела коллеге в глаза. – Помоги найти того, кто его убил.

– Сначала дай мне какую-нибудь ниточку.

– Ниточек у меня нет.

Энни вздохнула:

– В том-то и загвоздка. Кто бы его ни убил, главный подозреваемый – ты.

Миранда подняла коробку и, держа ее обеими руками, направилась к лестнице. Энни потащилась за ней.

– А я-то думала, что настоящим репортерам нужна правда.

– Тот, кого ты имеешь в виду, изначально ленив и уже подумывает, как бы уйти на покой.

– В твоем-то возрасте?

– Мне, между прочим, в следующем месяце сорок семь стукнет. По-моему, самое время выходить в отставку. Если бы только Ирвинг сделал предложение, я бы остаток жизни и с дивана не вставала – смотрела бы себе мыльные оперы да конфетки жевала.

– Ты бы от такой жизни на стенку полезла.

– О да, – рассмеялась Энни. – Радости мало.

Они вернулись в отдел новостей, и Миранда снова почувствовала себя в центре внимания. Энни же, ничего не замечая, прошла к своему столу, бросила в ящик ключи и достала пачку сигарет.

– Зажигалки не найдется? – обратилась она к Миранде.

– Нет, сколько раз тебе говорить.

Энни обернулась:

– Майлз!

Сидевший неподалеку практикант устало вздохнул и бросил ей зажигалку.

– Вернуть только не забудь, – напомнил он.

– Ты все равно еще слишком молод, чтобы курить, – отрезала Энни.

– Ты тоже была когда-то молодой, Беренджер.

Энни усмехнулась и подмигнула Миранде:

– Люблю вундеркиндов. Они такие дерзкие.

Миранда невольно улыбнулась и, присев на краешек стола, посмотрела на подругу. Дымила Энни постоянно. Сигареты были и привычкой, и частью созданного ею образа, своего рода атрибутом профессии. Раньше она работала в отделе новостей одной бостонской газеты, где, как поговаривали, пол утопал в окурках.

– Ты ведь веришь мне? – спросила вполголоса Миранда. – Ты же не веришь, что я...

Энни посмотрела ей в глаза:

– Нет. Не верю. И насчет лени я просто пошутила. Я уже копаю и, надеюсь, скоро кое-что покажу. Дело тут не в какой-то дружбе или еще чем. Это я к тому, что находки не всегда бывают приятные. Может, раскопаю что-то такое, что и тебе придется не по вкусу. Но я должна это сделать.

Миранда кивнула.

– Тогда начни вот с этого.

– С чего?

– Узнай, кто внес за меня залог.

– Для первого шага неплохо, – согласилась Энни.

Задняя дверь распахнулась. Джил Виккери переступила порог и оглядела комнату.

– Служба спасения приняла сигнал бедствия. В заливе тонет яхта. Кто возьмется?

Энни пригнулась к столу.

– Я возьмусь! – вскочил со стула Майлз.

– Береговая охрана уже в пути, так что придется взять катер. Отправляйся, да поживее. Ты же не хочешь пропустить момент спасения. – Джил повернулась и посмотрела на Энни: – Ты сейчас занята?

Энни пожала плечами.

– Я всегда занята.

Джил кивком указала на Майлза.

– Ему понадобится помощь. Отправляйся с парнишкой. – Она повернулась.

– Не могу.

Джил остановилась и внимательно посмотрела на Энни:

– То есть отказываешься выполнять мое задание?

– Да. Типа того.

– На каком основании?

Энни выпустила в воздух длинную струйку дыма.

– По причине морской болезни.

– Я так и знала, что она тебя запутает. Так и думала. Ты не знаешь ее так хорошо, как я.

Чейз повернулся. Последний час он просидел на веранде, предаваясь невеселым мыслям. Эвелина за это время переоделась, сменив черное траурное платье на неприлично яркое, лимонно-зеленое. Наверное, ему бы следовало проявить к невестке больше сочувствия и снисходительности, но в данный момент она выглядела так, словно напрашивалась не на жалость, а на стаканчик доброго бренди. Не в

первый уже раз он невольно сравнил ее с Мирандой Вуд. В простеньком черном платье, с растревоженными ветром волосами, она выглядела там, на кладбище, такой беззащитной и одинокой. Понимал ли Ричард, сколько горя он принес ей? Задумывался ли вообще об этом?

– Ты, как вернулся, так ни слова и не сказал, – пожаловалась Эвелина. – Что происходит?

– Скажи, ты хорошо ее знаешь? Миранду Вуд? – спросил он.

Она села рядом, аккуратно расправила складки зеленого платья.

– Только понаслышке. Знаю, что она выросла в Басс-Харбор. Потом уезжала, училась в каком-то местном университете. Жила на стипендию. Иначе бы не протянула. Не из самой хорошей семьи.

– То есть?

– Ее родители работали на фабрике.

– А, понятно. Не нашего поля ягода.

– Да что с тобой, Чейз?

Он поднялся:

– Надо прогуляться.

– О! Тогда и я с тобой. – Она торопливо вскочила, отчего тщательно разглаженное платье снова пошло складками.

– Нет, не надо. Хочу побыть один. Если не возражаешь.

На лицо ее набежала тень недовольства, но уже в следующий момент Эвелина взяла себя в руки и мило улыбнулась:

– Конечно, Чейз. Я понимаю. Каждый скорбит по-своему.

Сойдя с веранды, он с облегчением выдохнул. Дом действовал угнетающе, словно сама атмосфера его, наполненная не самыми счастливыми воспоминаниями, давила на плечи. С полчаса Чейз просто шел по дороге куда глаза глядят, но чем ближе к городу, тем яснее формировалась в сознании некая цель.

Он повернул к редакции.

Главный редактор Джил Виккери встретила гостя любезно. Ричард всегда старался окружать себя роскошными женщинами, и Джил не была исключением. Чейз познакомился с ней утром, на похоронах. Там, как и здесь, она старательно и с успехом выступала в роли профессионала до мозга костей.

– Мистер Тримейн. – Джил протянула руку. – Для меня удовольствие видеть вас снова. Чем могу помочь?

– Я просто подумал… – Чейз огляделся. Несколько сотрудников… свободные столы… За одним какой-то мужчина раскладывал рекламные объявления, за другим его коллега всматривался в монитор компьютера. Неряшливо одетая женщина, попыхивая сигаретой, разговаривала по телефону.

– Да?

– Я хотел бы, если возможно, просмотреть бумаги брата.

– Личные записи или документы?

– И то и другое.

Она на секунду замешкалась, потом предложила пройти в офис, на двери которого красовалась табличка: «Ричард Тримейн. Владелец и издатель».

– Здесь, разумеется, не все. Основные документы ваш брат держал тут, но кое-что хранил также в доме или коттедже.

– Вы имеете в виду Роуз-Хилл?

– Да. Ему нравилось работать там изредка. – Она указала на стол. – Ключ в верхнем ящике. Если возьмете что-то с собой, предупредите, пожалуйста, меня.

– Пока не собираюсь.

Джил Виккери постояла еще немного, словно не зная, стоит ли оставлять его одного. Но что она могла сделать? Он был как-никак братом хозяина газеты. И Джил ничего не оставалось, как повернуться и выйти.

Подождав, пока дверь закроется, Чейз взял ключ, открыл каталожный ящик и сразу перешел к разделу на букву «В», в котором быстро отыскал папку Миранды Вуд.

Перейдя за стол, он бегло просмотрел имеющиеся документы. Ничего особенного, самые обычные бумаги. Заявление о приеме на работу с годичной давности датой, когда Миранде было двадцать восемь. Адрес – дом номер 18 по Уиллоу-стрит. На приложенной фотографии улыбающееся лицо молодой женщины, у которой вся жизнь еще впереди. Какая счастливая, подумал он почти с болью. Ее университетские оценки впечатляли. Пожалуй, она могла бы претендовать на большее, чем должность литературного редактора. В анкете, отвечая на вопрос «Почему вы хотите получить эту работу?», она написала: «Я выросла рядом с Пенобскот-Бей и больше всего на свете хочу жить и работать в том месте, которое всегда называла домом». Чейз перелистал страницы, пробежал глазами результаты полугодовых аттестаций, заполненные Джил Виккери. Все отлично. Он перевернул последнюю страницу.

Заявление об уходе. Судя по дате, написано две недели назад.

Мистеру Ричарду Тримейну, издателю «Айленд геральд».

Уважаемый мистер Тримейн,

Уведомляю вас о своем уходе с должности литературного редактора по личным причинам. Буду признательна, если вы дадите мне рекомендательное письмо, поскольку я планирую искать работу в другом месте.

И все. Ни объяснений, ни сожалений, ни обвинений. Ничего.

Значит, она сказала мне правду. Она и впрямь ушла с работы.

– Мистер Тримейн? – На пороге стояла Джил Виккери. – Вы ищете что-то конкретное? Может быть, я сумею помочь?

– Может быть.

Она вошла и элегантно опустилась в кресло напротив. Взгляд сразу же нашел папку на столе.

– Вижу, вы просматриваете личное дело Миранды.

– Да. Пытаюсь понять, что случилось. Почему она сделала это.

– Думаю, вам следует знать, что она заходила сюда некоторое время назад.

– Сюда? В редакцию?

– Да. Приходила за вещами. Хорошо, что вам удалось избежать… э… не самой приятной встречи.

Он кивнул:

– Да, повезло.

– Позвольте сказать вам следующее, мистер Тримейн. Я очень сожалею, что с вашим братом случилось такое. Он был замечательным человеком, исключительным издателем и по-настоящему верил в силу печатного слова. Нам всем будет недоставать его.

Формальные, загодя приготовленные слова, но она произнесла их с такой искренностью, что он почти поверил им. Джил Виккери и впрямь была профессионалом до мозга костей.

– Насколько я понял, Ричард готовил какую-то публикацию. Кажется, речь шла о компании «Стоун коуст траст». Вам что-нибудь известно?

Джил вздохнула:

– И почему эта статья так всех интересует?

– А что, кто-то еще спрашивал?

– Миранда Вуд. Спрашивала, когда заходила сегодня. Я ответила, что, насколько мне известно, мистер Тримейн так ее и не написал. По крайней мере, я такой статьи не видела.

– Но она ведь уже стояла в графике публикаций?

– Пока Ричард сам ее не снял.

– Почему?

Она выпрямилась, убрала упавшие на глаза волосы и вздохнула:

– Не знаю. Могу лишь предположить, что ему не удалось собрать достаточно доказательств.

– А что это вообще за история?

– Ничего особенного. Самая обычная для такого городка, как наш. Никакого интереса для посторонних не представляет.

– И все же расскажите. Может быть, мне будет интересно.

– Речь идет в первую очередь о правах девелоперов. «Стоун коуст» скупала собственность на северном берегу. В частности, в районе коттеджа Роуз-Хилл. Вы же знаете, какие там красивые места. Нетронутая береговая линия, лес. Тони Граффам, президент компании, заверял, что сохранит все в наилучшем виде. Потом появились слухи о каком-то дорогом проекте. А примерно месяц назад изменился вдруг статус зонирования: участки перевели из заповедных в рекреационные. То есть открыли дорогу строительству.

– И статья была об этом?

– В общем, да. Позвольте спросить, а почему вы интересуетесь?

– О статье упомянула Миранда Вуд. В том смысле, что и у других были мотивы для убийства.

– Ну, это притянуто за уши. – Джил поднялась. – Но винить ее я бы не стала. Когда тонешь, хватаешься и за соломинку.

– Полагаете, ее признают виновной?

– Не хотелось бы гадать, но, если верить тому, что рассказывают мои сотрудники, такой исход весьма вероятен.

– Ваши сотрудники… Вы имеете в виду Энни…

– Энни Беренджер. Освещать ход дела поручено ей.

– Я могу с ней поговорить?

Джил нахмурилась:

– Зачем?

Чейз покачал головой:

– Еще не знаю. Наверное, я хочу понять, что представляет собой Миранда Вуд. Может ли она убить. – Он откинулся на спинку кресла, пригладил волосы. – На мой взгляд, что-то здесь не складывается. Я думал, что, может быть, кто-то, внимательно наблюдавший за расследованием, знавший ее лично…

– Конечно. Понимаю. – Прозвучало это сочувственно, но глаза остались холодными, безразличными. – Я пришлю Энни, и вы сможете с ней поговорить.

Она вышла. И почти сразу же на пороге появилась Энни Беренджер.

– Проходите, – пригласил ее Чейз. – Садитесь, пожалуйста.

Энни закрыла дверь и села в кресло напротив. Выглядела она типичным репортером: рыжие, тронутые сединой кудряшки, острый взгляд, мятые слаксы, сильный запах сигарет. Чейзу она напомнила отца. Ей бы еще глоток виски для полного комплекта. *Добрый старый репортерский дух* .

Энни смотрела на него с нескрываемым недоверием.

– Джил сказала, вы хотите поговорить о Миранде.

– Да. Вы ведь хорошо ее знали?

– *Знаю* , – поправила она. – Да, хорошо.

– Что вы думаете о ней?

– Ведете частное расследование? – криво усмехнулась Энни.

– Скажем так, хочу докопаться до истины. Миранда Вуд свою вину отрицает. А вы как считаете?

Она достала из кармана сигарету. Щелкнула зажигалкой.

– Знаете, в Бостоне мне приходилось писать о полиции.

– Значит, с убийствами вы знакомы.

– Можно и так сказать. – Откинувшись на спинку кресла, Энни задумчиво выдохнула облачко дыма. – Мотив у Миранды был. Да, об их романе тут все знали. В редакции такое не скроешь. Я пробовала ее отговорить. Но Миранда, она, знаете ли, идет туда, куда зовет сердце. Вот оно и привело. Я не к тому, что она убила Ричарда. – Энни стряхнула пепел. – Думаю, Миранда этого не делала.

– Тогда кто?

Она пожала плечами.

– Считаете, убийство как-то связано с Тони Граффамом?

Энни вскинула брови:

– А вы быстро копаете. Это у вас, должно быть, семейное. Репортерский нюх.

– По словам Миранды Вуд, Ричард готовил о нем статью. Это правда?

– Он говорил, что готовит. Я даже знаю, что он ее писал. Но прежде чем печатать, хотел проверить кое-какие детали.

– Какие детали?

– Финансовые. То, что касалось «Стоун коуст траст». Ричард как раз раздобыл какие-то бухгалтерские отчеты.

– Почему же статья так и не появилась?

– Хотите знать мое мнение? – фыркнула Энни. – Потому что Джил Виккери не желала рисковать. Обвинение в клевете – дело серьезное.

Чейз нахмурился:

– Но Джил утверждает, что статьи нет. Что Ричард ее так и не написал.

Энни выдохнула клочки сизого дыма и раздавила окурок в пепельнице.

– Вот вам совет, мистер Тримейн. – Она посмотрела ему в глаза. – Никогда не верьте своему редактору.

Так существовала статья или нет?

Чейз еще час копался в бумагах брата, но так ничего и не нашел. Ни под литерой «Г» – Граффам. Ни под литерой «С» – «Стоун коуст траст». Он заглянул кое-куда еще, но никаких материалов, имеющих пусть даже косвенное отношение к теме статьи, не обнаружил. Может быть, Ричард работал над ней дома?

На Чеснат-стрит Чейз вернулся уже к вечеру. Ему повезло – Эвелины и близнецов дома не оказалось. Он сразу же прошел в кабинет Ричарда и приступил к поискам материалов на Граффама.

Ничего. Однако же Миранда утверждала, что материалы были. То же говорила и Энни Беренджер.

Здесь творилось что-то странное, что-то такое, отчего сомнения в виновности Миранды только усиливались. Чейз еще раз мысленно прошелся по слабым пунктам обвинения. Отсутствие отпечатков на орудии убийства. Отрицательный результат проверки на детекторе лжи. И наконец, личность самой обвиняемой – гордая, неуступчивая, твердая в отрицании вины женщина.

Чейз отказался от попыток отговорить себя от следующего шага. Если он хочет докопаться до истины, если хочет избавиться от сомнений, по-другому не получится.

Нужно поговорить с Мирандой Вуд.

Он накинул ветровку и вышел из дому.

Пройдя пять кварталов, Чейз свернул на Уиллоу-стрит. Район остался таким, каким запомнился с детства: аккуратные, чистенькие дома с приятными взгляду верандами и ухоженными лужайками. В меркнущем свете дня он с трудом разбирал номера. Еще немного…

В доме вверх по улице хлопнула сетчатая дверь. Женщина спустилась по ступенькам и направилась ему навстречу по тротуару. Чейз узнал силуэт: густая копна волос, тонкая фигурка в джинсах. Едва сделав несколько шагов, она увидела его и остановилась как вкопанная.

– Мне нужно поговорить с вами.

– Я дала обещание, помните? Не приближаться к вам и вашей семье. Так вот, я свое обещание сдержу. – Она повернулась и быстро зашагала прочь.

– Но это же совсем другое. Мне нужно поговорить с вами о Ричарде.

Миранда не остановилась.

– Выслушайте меня!

– Так все и началось! – бросила она через плечо. – С того, что я слушала Тримейна!

Миранда удалялась, и догонять ее было бесполезно. Их уже разделял целый квартал, и, судя по всему, останавливаться она не собиралась. Более того, Миранда сошла с тротуара и переходила на другую сторону улицы.

Забудь ее , – сказал он себе. – *Раз уж она такая упрямица, что не желает и послушать, то пусть отправляется за решетку* .

Чейз развернулся и пошел назад, когда мимо проехала машина. Он и не обратил бы на нее внимания, если бы она не шла с выключенными фарами. Сознание зарегистрировало этот факт не сразу, а когда зарегистрировало, Чейз остановился и обернулся. Вдалеке Миранда переходила улицу. Машина с выключенными фарами уже миновала полквартала.

Водитель в любом случае успеет увидеть ее вовремя. Должен увидеть.

Автомобиль взревел, как изготовившийся к прыжку зверь. Пронзительно взвизгнули покрышки. В следующее мгновение стальное пятно рвануло через сумрак вечера.

Словно стрела, нацеленная в Миранду.

Глава 5

Фары вспыхнули, ухватив жертву щупальцами света.

– Берегись! – крикнул Чейз.

Миранда оглянулась и…

Ужасный, ослепительный свет ударил в глаза. Автомобиль приближался, а она застыла, парализованная страхом, и не могла шевельнуться. Все происходило как будто не с ней, как будто не наяву. Рассуждать было уже некогда. За мгновение до того, как тонна стали врезалась бы в нее и смяла в кровавую лепешку, в ситуацию вмешался инстинкт самосохранения. Миранда метнулась в сторону, с траектории мчащихся огней.

Она вдруг поняла, что летит в темень, а мимо ревущим и сияющим вихрем проносится смерть.

Миранда очнулась на траве.

Она не знала, сколько пролежала там, но чувствовала, что трава сырая, что у нее болит голова и что чьи-то заботливые руки гладят ее по лицу. Кто-то звал ее по имени снова и снова. Голос был знакомый, и в этот сумбурный миг ей показалось, что она знает его всю жизнь. Голос обволакивал теплом, укрывал от тревог и бед.

Вот он снова позвал ее, и теперь она услышала в голосе панику. *Боится? Почему?*

Миранда открыла глаза и попыталась сосредоточиться, но когда размытые черты обрели резкость, иллюзия безопасности рассыпалась.

– Нет, – пробормотала она и отвела его руку. – Не прикасайтесь ко мне.

– Лежите смирно.

– Без вас обойдусь! – Миранда попыталась сесть, но не смогла даже пошевелиться. Он взял ее за плечи и прижал к траве.

– Послушайте. – Он говорил с той раздражающей убедительностью, с которой учитель урезонивает непослушного подростка. – Вы упали. Вы могли сломать что-то. Могли…

– Я сказала, не трогайте меня! – Миранда оттолкнула его и села. Злость даже помогла ей встать на колени, но тут ночь поплыла перед глазами, голова закружилась, и она со стоном опустилась на землю. – О господи… Ну почему вы не можете просто уйти и оставить меня в покое.

– Ни за что, – хмуро и твердо ответил он.

В следующий момент некая волшебная сила подняла ее и понесла, и Миранда поймала себя на том, что это совсем даже не плохо, когда тебя несут на руках, пусть даже руки эти Чейза Тримейна. Словно перышко, подхваченное ветерком, она плыла сквозь тьму…

Куда?

– Хватит. Достаточно, – запротестовала Миранда. – Опустите меня.

– Потерпите еще немного.

– Надеюсь, вы заработаете грыжу.

– Будете вертеться, точно заработаю.

Он поднялся по ступенькам, толкнул входную дверь и, руководствуясь каким-то шестым чувством, внес в спальню и даже ухитрился щелкнуть выключателем.

Ее взгляд уперся в кровать. Ту самую, на которой она нашла Ричарда. Кровь отмыли, матрас сменили, белье перестелили, но Миранда уже знала – эта комната всегда будет напоминать о смерти. Она не спала здесь с той ночи, не могла здесь больше спать.

– Пожалуйста, – прошептала она, отворачиваясь и сжимаясь, чтобы удержать дрожь. – Пожалуйста… не здесь…

Секунду-другую Чейз стоял в растерянности, не понимая, в чем дело, потом кивнул:

– Как скажете.

Он перенес ее в гостиную, положил на диван и сам опустился рядом. Миранда почувствовала, как просели под ним подушки.

– Что-нибудь болит? Спина? Шея?

– Плечо… немного. Я, кажется, на него упала.

Она вздрогнула от его прикосновения. Он осторожно поводил ее рукой вправо-влево и вверх-вниз. Было ли больно? Миранда не знала – все внимание отнимало его лицо. Не в первый уже раз ее поразило несходство между Чейзом и Ричардом. И дело было не только в цвете волос и глаз, но и в том спокойствии, в том полном контроле над эмоциями, которое он демонстрировал. Этот человек был не из тех, кто легко раскрывается перед другими.

– Похоже, все в порядке, – сказал Чейз, выпрямляясь. – И все же я вызвал бы врача. Кто вас обслуживает?

– Доктор Стейнер.

– Стейнер? Этот старый осел еще работает?

– Послушайте, я в порядке. И врач мне не нужен.

– На всякий случай не помешает. – Чейз потянулся к телефону.

– Но доктор Стейнер никогда не ходит на вызовы, – возразила Миранда. – И никогда не ходил.

– Сегодня придет, – мрачно заверил ее Чейз, набирая номер. – Похоже, мы пишем историю.

Лорн Тиббетс налил себе кофе и повернулся к Чейзу:

– Я только хочу знать, какого черта вы здесь делаете?

Чейз облокотился о кухонный стол и устало потер лицо.

– Сказать по правде, Лорн, я и сам не знаю.

– Вот как.

– Наверное, думал, что смогу разобраться во всем сам. Понять, что же случилось.

– Это наша забота, а не ваша.

– Да, знаю. Но…

– Думаете, я не справлюсь?

– Просто у меня было такое чувство, что здесь не все так просто, как кажется. Теперь же я не сомневаюсь.

– Имеете в виду ту машину? – Лорн пожал плечами. – Это ничего не доказывает.

– Повторяю, он намеревался ее сбить. Я сам видел. Как только мисс Вуд сошла с тротуара, он дал газ.

– Он?

– Он или она. Водителя я не видел. Только номерные знаки. И задние огни. Машина большая. Американская. В этом я уверен.

– Цвет?

– Темный. Черный. Может быть, синий.

Тиббетс кивнул:

– А вы неплохой свидетель.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я отправил Эллиса проверить номера. Под ваше описание подходит коричневый «линкольн» восемьдесят восьмого года. Зарегистрирован на имя человека, постоянно проживающего на острове.

– И кто же это?

– Мистер Эдди Ланцо. Сосед мисс Вуд.

Чейз недоверчиво уставился на полицейского:

– Сосед? Вы его взяли?

– Машина украдена. Вы же сами знаете, как это здесь делается. Люди оставляют ключи в замке зажигания. Автомобиль нашли у пирса.

Ошеломленный, Чейз несколько секунд молчал.

– Значит, водителя не найти. Тогда вероятность того, что ее хотели убить, только возрастает.

– Машину мог украсть какой-нибудь мальчишка. Так, для забавы. Сел за руль, разогнался, не справился с управлением или слишком сильно надавил на газ.

– Лорн, говорю вам, он пытался ее убить.

Полицейский внимательно посмотрел на него:

– И что вы намерены делать?

– Я хочу докопаться до правды.

– Не верите, что она убила вашего брата?

– Я кое-что узнал. Услышал кое-какие имена. Например, Тони Граффам.

– Эту версию мы отрабатывали. В то время, когда вашего брата убили, Тони Граффама на острове не было. И это готовы подтвердить добрый десяток свидетелей.

– Он мог нанять кого-то.

– У Граффама и без того куча проблем из-за строительства на северном берегу. Его обвиняют в подкупе членов земельной комиссии. Публикация была бы для него последним гвоздем в крышку гроба. А потом… Как это увязывается с сегодняшним случаем? Зачем ему охотиться на Миранду Вуд?

Чейз не знал, что ответить. Он тоже не видел мотива. Возможно, кто-то в городе и недолюбливал Миранду, но не настолько же, чтобы убивать ее?

– Может быть, поискать в другом направлении? Попробуем найти ответ на главный вопрос. Кто внес залог? Кто не пожалел ста тысяч долларов только для того, чтобы мисс Вуд вышла на свободу?

– Тайный поклонник?

– В тюрьме она была в безопасности. На свободе стала легкой добычей. Лорн, у вас есть какие-либо предположения относительно личности благодетеля?

– Нет.

– Деньги можно отследить.

– Переводом занимался какой-то адвокат. Всю сумму внесли наличными. Поступили они с некоего бостонского счета. Личность владельца счета знают только в банке. С нами они и разговаривать не станут.

– А если заставить? Решением суда?

– На это уйдет слишком много времени.

– Займитесь этим, Лорн. Пока не поздно.

Лорн поднялся, отошел к раковине, ополоснул чашку.

– И все-таки я не понимаю, зачем вы во все это вмешиваетесь.

Чейз и сам не знал ответа. Еще утром он хотел засадить Миранду Вуд в тюрьму. А чего хотел теперь? Это невинное лицо, это искреннее отрицание вины… он пребывал в полном смятении.

Чейз обвел взглядом кухню, совсем не походившую на кухню убийцы. У окна – горшочки с зеленью. Обои – с полевыми цветами на бледно-желтом фоне. На дверце холодильника – фотографии с двумя светловолосыми мальчишками – племянники? – расписание заседаний местного клуба садоводов и список покупок. В самом низу списка – «чай с корицей». Излюбленный напиток убийцы? Он попытался представить Миранду с ножом в одной руке и чашкой коричного чая в другой. И не смог.

Дверь открылась, и в кухню вошел доктор Стейнер. Старый брюзга ничуть, казалось, не изменился с того времени, когда Чейз видел его последний раз – тот же помятый коричневый костюм, тот же саквояж из кожи аллигатора, – а ведь сколько лет пролетело. Похоже, доктор был живым доказательством того, что многое на острове осталось прежним.

– Столько суеты по пустякам, – недовольно проворчал он. – Обычное растяжение связок.

– Вы уверены? – спросил Чейз. – Знаете, у нее кружилась голова. В течение примерно минуты после падения.

– Я хорошо ее осмотрел. С точки зрения неврологии она в порядке. Но вам, молодой человек, придется присмотреть за ней сегодня. Следите за симптомами. Головная боль, спутанность сознания…

– Я не могу. Я…

– Не можете что?

– Не могу остаться и понаблюдать за ней. Это неудобно. Учитывая…

– Дело серьезное, – вставил Лорн.

– Но я же за нее не отвечаю, – запротестовал Чейз. – И что мне делать?

Доктор Стейнер хмыкнул и повернулся к двери.

– Разберетесь, – бросил он и, уже переступив порог, добавил: – Между прочим, я вызовов на дом не принимаю.

Дверь захлопнулась.

Повернувшись, Чейз наткнулся на насмешливый взгляд Тиббетса.

– Что?

– Ничего. – Полицейский нахлобучил шляпу. – Я тоже ухожу. Домой.

– Но мне-то, черт возьми, что делать?

– А это уже вам решать, – изрек Тиббетс и развел руками, как бы говоря: я же вас предупреждал.

* * *

Миранда лежала на диване в гостиной и смотрела в потолок. Из кухни доносились мужские голоса, открывалась и закрывалась дверь. Что сказал им Чейз? Поверил ли ему Тиббетс? В случившееся не верилось и ей самой. Но стоило лишь закрыть глаза, как все возвращалось: рев могучего мотора, бьющий в глаза ослепляющий свет…

Кто ненавидит меня настолько, что готов убить?

Ответ лежал на поверхности. Тримейны. Эвелина. Филипп и Кэсси…

Чейз.

Нет. Это невозможно. Он спас ей жизнь. Если бы не его крик, она лежала бы сейчас в морге.

От одной лишь этой мысли ее бросило в дрожь. Обхватив себя руками, она еще теснее прижалась к спинке диване. Дверь кухни снова открылась и закрылась… шаги через гостиную… ближе… ближе… Она подняла голову – над ней стоял Чейз.

В его глазах Миранда увидела усталость и что-то еще, какую-то нерешительность, словно он не определился, что делать дальше. Или что сказать. Под ветровкой – ее он, наверное, оставил в прихожей – на нем была тонкая хлопчатобумажная рубашка, изрядно поношенная и полинявшая. Рубашка напомнила ей об отце. Он носил такую же, и, прижимаясь к его плечу, она неизменно вдыхала один и тот же запах,

чудесный домашний запах хозяйственного мыла, трубочного табака, уюта и покоя.

Ничего этого она никогда не найдет в Чейзе.

Он опустился в кресло. *На безопасном расстоянии* , – отметила про себя Миранда.

– Как самочувствие? Лучше?

– Да, все будет хорошо, – нарочито бесстрастным тоном ответила она. – Вы можете идти, если хотите.

– Нет. Пока еще нет. Подожду еще немного, если вы не против. Пока Энни приедет.

– Энни?

– Я не знал, кому еще позвонить. Энни пообещала приехать и посидеть с вами. Доктор сказал, что вас нельзя оставлять без наблюдения. Еще впадете в кому.

Миранда устало усмехнулась:

– Не такой уж плохой вариант.

– Это не смешно.

Она уставилась в потолок.

– Вы правы. Не смешно.

Помолчали.

– Это не было случайностью, – сказал наконец Чейз. – Он пытался убить вас.

Миранда не ответила. К горлу подступали рыдания, и она едва сдерживалась. *Вам-то какое до всего этого дело? Что вам до меня?*

– Вы, может быть, не слышали. Машина принадлежит вашему соседу, мистеру Ланцо.

Она метнула в него возмущенный взгляд.

– Эдди Ланцо никогда бы не сделал мне ничего плохого. Он единственный оставался все это время на моей стороне. Он мой единственный друг в городе.

– Я не сказал, что за рулем сидел он. Лорн считает, что машину угнали. Полиция нашла ее возле пирса.

– Бедный Эдди, – прошептала Миранда. – Надеюсь, он в последний раз оставил ключи в машине.

– Если не Эдди, то кто может желать вам смерти?

– Я могу только гадать. – Она посмотрела на Чейза. – И вы тоже.

– Грешите на Эвелину?

– Она ненавидит меня. И имеет на то полное право. Она и ее дети. – Миранда вздохнула. – И вы тоже.

Он промолчал.

– Вы все еще думаете, что это я убила вашего брата?

Чейз вздохнул. Провел рукой по волосам.

– Я уже не знаю, что думать. Но я знаю, что видел сегодня. Все как-то связано. Должно быть связано.

Он устал , – подумала она. – *Растерян. Сбит с толку. Почти как я.*

– Может, вам стоит уехать отсюда на несколько дней? Пока ситуация не прояснится.

– И куда я уеду?

– У вас ведь есть друзья.

– Были. – Миранда отвернулась. – По крайней мере, я так думала. Но все изменилось. Я встречаю их на улице, и они проходят мимо не здороваясь. Или перебегают на другую сторону улицы. Или делают вид, что не замечают. – Она посмотрела на него. – Городок слишком маленький. Вы либо вписываетесь в него, либо становитесь чужаком. А убийце вписаться невозможно. – Она откинулась на подушки и снова уставилась в потолок. – К тому же здесь мой дом. *Мой* дом. Я так долго экономила, откладывала, копила, чтобы собрать на первоначальный взнос. Я не брошу его. Он все, что у меня есть.

– Понимаю. Милый дом.

Прозвучало вполне искренне, но ее задело. Надо же, владелец имения нашел доброе слово для лачуги пастуха.

Раздосадованная, Миранда резко села. И комната тут же закачалась. Она схватилась за голову.

– Послушайте, давайте начистоту. Это обычный коттедж с двумя спальнями. Сырой подвал. Ржавые трубы. На кухне протекает потолок. Это не Чеснат-стрит.

– Сказать по правде, – спокойно сказал он, – я никогда не чувствовал себя дома на Чеснат-стрит.

– Почему? Вы же там выросли?

– Да, вырос. Но мне не было там так же уютно, как здесь.

Странно. Миранда недоуменно посмотрела на него. Да, этот человек определенно не соответствовал стандартам Чеснат-стрит. Она могла представить его в доке или на продуваемой ветром палубе рыбацкой шхуны, но никак не в душной, заставленной антикварной мебелью викторианской гостиной.

– Хотите, чтобы я поверила, будто вы предпочли бы коттедж на Уиллоу-стрит фамильному особняку?

– Понимаю, звучит… как это сказать… фальшиво. Но так оно и есть. Знаете, где я чаще всего пропадал в детстве? В башне. Играл среди всяких сундуков и старой мебели. Только там и чувствовал себя уютно. Больше туда никто и не заглядывал.

– Вас послушать, так получается, что вы были каким-то отверженным в собственной семье.

– В некотором смысле – да.

Она рассмеялась:

– А я-то думала, все Тримейны на одно лицо.

– Можно быть Тримейном и не быть частью семьи. Разве вы ничего подобного не испытывали?

– Никогда. Я всегда ощущала себя частью семьи. Того, что от нее осталось. – Взгляд ее сам собой скользнул к пианино, на котором стояла

фотография отца. Не очень качественная, зернистая, сделанная старbeньким «кодаком». Он улыбался ей из-за капота своего «шевроле», словно лысый гном в синем комбинезоне.

– Отец? – спросил, перехватив ее взгляд, Чейз.

– Да. Вернее, отчим. Но для меня он был все равно что настоящий отец.

– Я слышал, он работал на фабрике.

Миранда нахмурилась. Похоже, Чейз наводил о ней справки, интересовался какими-то подробностями ее биографии. Но какое ему дело до его жизни?

– Да. Мои родители работали на фабрике. Оба. Что еще вы обо мне слышали?

– Я не наводил справки, если вы это имеете в виду.

– Просто проверяли, да? Прогнали мою фамилию через какой-нибудь компьютер. Не числится ли за мной уголовных преступлений. Нет ли чего на родителей. Кредитная история…

– Ничего подобного.

– Личная жизнь. Это так интересно. Всякие там сомнительные моменты, жареные факты.

– И где бы я все это искал?

– В полицейских архивах. – Закипая от возмущения, Миранда поднялась с дивана и прошла к камину. Остановилась. Посмотрела выразительно на часы. – Уже поздно, мистер Тримейн. Энни будет с минуты на минуту. Вы можете уходить.

– Почему бы вам не сесть? Мне не по себе оттого, что вы то садитесь, то встаете.

– Вам не по себе? У вас же все козыри. Вы все обо мне знаете. Чем зарабатывали на жизнь мои родители. Где я училась. С кем спала. Мне это не нравится.

– И много их было?

Реплика застала ее врасплох. В бессильной ярости Миранда открыла и, не произнеся ни слова, закрыла рот.

– Не отвечайте. Меня это не интересует. Ваша личная жизнь – не мое дело.

– Вы правы. Не ваше. – Она сердито отвернулась. – Что бы вы ни узнали обо мне, это ведь вполне соответствует вашему представлению о дочери фабричного рабочего, не так ли? Так вот, мне стыдиться нечего. Мои родители жили честно, никакого трастового фонда у них не было, так что икру они ложками не ели. Как некоторые, – добавила она язвительно, чтобы не оставлять сомнений насчет того, о ком идет речь.

Он ответил на выпад короткой паузой.

– Знаете, меня удивляет, что вы сошлись с Ричардом. Учитывая ваше отношение к траст-фондам.

– До знакомства с Ричардом у меня никаких проблем с этим не возникало. Потом я узнала его лучше. Увидела, что сделали с ним деньги. Ему ведь ни за что не пришлось бороться. Деньги всегда его защищали. Они сделали его небрежным, невнимательным. Он перестал чувствовать чужую боль. – Она гордо вскинула голову. – Как и вы.

– По-моему, вы не настолько хорошо меня знаете, чтобы делать такие выводы.

– Вы – Тримейн.

– Но я такой же, как вы. У меня есть работа. Я работаю.

– Ричард тоже работал. Его это развлекало.

– Ладно. Насчет Ричарда вы, может быть, и правы. Ему работать было не обязательно. «Геральд» была для него хобби, ради которого стоило вставать по утрам. И ему доставляло удовольствие в разговоре с друзьями в Бостоне называть себя издателем. Но то Ричард. Не пытайтесь навесить на меня ярлык богатенького бездельника. Не получится. Меня изгнали из семьи много лет назад. У меня нет трастового фонда и нет особняка. Но есть работа, которая меня кормит. И которая, между прочим, мне интересна.

Он сказал это сдержанно, но под внешним спокойствием закипала злость. *Задела за живое* , – подумала Миранда. Какой чувствительный. Смягчившись, она опустилась в кресло у камина.

– Наверное, я сказала немного лишнего.

Чейз кивнул:

– Мы оба перебрали.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга через комнату. Перемирие, пусть и непрочное, похоже, все-таки установилось.

– Вы сказали, что вас изгнали из семьи. За что? – спросила она.

– Причина простая. Я женился.

Миранда удивленно взглянула на него. Чейз произнес это спокойно, без всяких эмоций, словно речь шла о погоде.

– Я так понимаю, что невеста была неподходящая.

– Она не устраивала моего отца.

– Недотягивала до стандартов?

– В некотором смысле. Мой отец относился к такого рода вещам очень ревниво.

Разумеется , – подумала она.

– И что же? Ваш отец оказался прав?

– Мы развелись, но не поэтому.

– А почему же?

– Кристина была слишком… амбициозной.

– Честолюбие трудно считать недостатком.

– В нашем случае оно проявилось в том, что я оказался ступенькой социальной лестницы, по которой она пыталась подняться.

– Вон оно что.

– Мы прожили несколько нелегких лет. Я постоянно работал и… – Он пожал плечами. Между ними снова пролегло молчание.

– Ричард никогда не рассказывал, чем вы занимаетесь.

Чейз откинулся на спинку кресла и неожиданно рассмеялся:

– Может быть, потому, что то, чем я занимаюсь, казалось ему слишком скучным. Мы проектируем офисные помещения.

– Так вы архитектор?

– Я – инженер-строитель. Креативной частью проектов занимаются мои коллеги-архитекторы. Мое дело – заботиться о том, чтобы стены не рушились.

Инженер. Карьера не самая блестящая, но работа честная, настоящая. Как и у ее отца. Миранда покачала головой:

– Странно. Вот смотрю на вас, и мне как-то трудно поверить, что вы – братья. Я всегда думала…

– Что мы должны быть одинаковыми. Нет, мы определенно разные. Вы даже не представляете насколько.

Да, чем больше она узнавала Чейза, тем меньше он напоминал ей Тримейна. И тем больше превращался в человека, который мог ей понравиться.

– Что вы нашли в моем брате? – спросил вдруг Чейз.

Спросил негромко, но попал в больное место. Напомнил о призраках, все еще прячущихся в этом доме.

Она вздохнула:

– Я видела то, что хотела увидеть.

– И что же?

– Видела человека, которому я нужна. Человека, которого я могла спасти.

– *Ричарда?*

– Со стороны казалось, что у него все складывается наилучшим образом. Но в нем была… была какая-то уязвимость… беззащитность. И я считала, что вот это и нужно спасать. От чего? Не знаю. Может быть, от него самого.

– И вы вознамерились спасти его.

Миранда горько усмехнулась:

– Не знаю. Об этом ведь не думаешь. Это просто чувствуешь. И…

– Другими словами, вы следовали зову сердца.

Она взглянула на него как будто виновато и прошептала:

– Да.

– Вы верили, что поступаете правильно?

– Конечно!

– Но?…

Она поникла, словно ощутила вдруг все бремя своего несчастья.

– Я не видела выхода. Я хотела быть с ним, заботиться о нем. А он меня обманывал. Говорил, что все наладится, все переменится к лучшему, надо только верить. – Она опустила глаза. – Наверное, я разуверилась первой.

– В нем? Или во всей ситуации?

– В нем. Стала замечать какие-то недостатки. Увидела, как он манипулирует людьми, использует их. Если кто-то становился ему не нужен, он просто переставал замечать этого человека. Вот уж кто умел заставлять людей делать то, что ему требовалось.

– Вы прекратили отношения. Как он отреагировал?

– Не верил, что это серьезно. Наверное, его никто раньше не бросал. Постоянно звонил мне, не давал проходу. А ведь мы сталкивались на работе каждый день. И каждый день мне приходилось притворяться, будто ничего не происходит.

– Хотя все знали.

Она пожала плечами:

– Наверное. Я не очень-то и старалась скрывать наши отношения. Энни знала, потому что я сама ей рассказала. Остальные, должно быть, догадывались. – Миранда вздохнула. Сказать по правде, в то время ей было не до этого. Сначала любовь, потом боль… общественное мнение ее просто не интересовало.

Минуту или две оба молчали. *Что он думает обо мне теперь?* – спрашивала себя Миранда. – *А разве это важно?* И, поставив перед собой этот вопрос, она вдруг поняла – да, важно. Пусть он чужак, пусть почти незнакомец, пусть даже настроен в отношении ее враждебно, но его мнение почему-то важно для нее.

– Знаете, вы ведь не первая, – нарушил молчание Чейз. – У него были другие женщины.

Она вздрогнула и сжалась, словно от удара. Чейз понимал, что обошелся с ней жестоко, но не понимал, почему так поступил. Он только знал, что Миранде требуется хорошая встряска. Чтобы окончательно избавить ее от розовых иллюзий в отношении Ричарда. Она, конечно, говорит, что чувства ушли, но ведь в глубине души еще могут ютиться теплые воспоминания?

По ее глазам Чейз понял, что его слова возымели должный эффект, и тут же пожалел о сказанном. Но разве она не должна знать факты? Разве не должна понимать, какой наивной была?

– Много? – тихо спросила Миранда.

– Да.

Она отвернулась, не желая показывать, как ей больно.

– Я… Наверное, я это знала. Да, знала.

– Таким уж был Ричард. Ему нравилось, что все им восхищаются. Он и мальчишкой был таким же.

Миранда кивнула, и Чейз понял, что да, она знала эту правду о Ричарде, чувствовала его неутолимую жажду восхищения и пыталась ее утолить.

Он смотрел на нее, оскорбленную, униженную, растерянную. *Ей и без того крепко досталось, а тут я еще сыплю соль на рану. Надо уходить. Пусть побудет одна, успокоится* .

Но где же, черт возьми, Энни Беренджер?

Миранда встряхнулась, словно выходя из забытья. Убрала с лица волосы, выпрямилась и посмотрела на него. Сколько боли в ее глазах, подумал он. И сколько смелости.

– Вы так и не сказали, почему вы здесь.

– Доктор считает, что за вами нужно понаблюдать…

– Нет, я о другом. Зачем вы сюда пришли?

– А… – Он устало кивнул. – Я побывал сего дня в «Геральд». Поговорил с Джил Виккери. В частности, о той статье, которую вы упоминали. Джил утверждает, что Ричард так и не взялся за нее толком.

Миранда покачала головой:

– Не понимаю. Я прекрасно знаю, что по меньшей мере несколько страниц уже были написаны. Я видела их на его столе в офисе.

– А вот я ничего не нашел. И подумал, что, может быть, вы знаете, где искать. Или даже держите материалы у себя.

– С какой стати? – удивилась Миранда.

– Ну, Ричард ведь часто здесь бывал.

– Да, но никакие документы он сюда не приносил. А дома вы посмотрели?

– Там ничего нет.

Она ненадолго задумалась.

– Иногда Ричард уезжал работать на северный берег. У него там коттедж и…

– Вы говорите о Роуз-Хилл? Да, я собираюсь съездить туда завтра.

Их взгляды встретились, и на этот раз никто не отвел глаза.

– Вы начинаете мне верить?

Он услышал в ее голосе надежду, пусть еще и слабую, неокрепшую. И поймал себя на том, что для него важно поддержать ее, показать, что такое возможно. В общем-то поверить ей было нетрудно, особенно когда она смотрела вот так пристально, в упор. У нее были большие глаза, серые и влажные. Такие глаза способны свести мужчину с ума, увлечь, заставить забыть обо всем на свете. Они пробуждали и другие, беспокойные чувства. Их разделяло полкомнаты, но и на этом расстоянии ее присутствие ощущалось так же сильно, как пьянящий аромат духов. Аромат, не замечать который невозможно.

– Вы верите мне? – повторила она.

Он вдруг поднялся, решив стряхнуть опасную паутину чар, которой она столь искусно обвивала его.

– Нет. Этого я сказать не могу.

– Но неужели вы не видите, что здесь что-то большее, что это не просто банальное преступление страсти?

– Согласен, кое-что не сходится, и некоторые детали настораживают. Но все же поверить вам я пока не готов.

В дверь постучали. Чейз вздрогнул от неожиданности и обернулся – на пороге уже стояла Энни Беренджер.

– Привет, а вот и кавалерия подоспела. – Энни была в старой футболке и тренировочных брюках. К кроссовкам прилипли влажные стебельки травы. – Как дела?

– Все хорошо, – ответила Миранда.

– За ней нужно присмотреть, – вмешался Чейз. – Если будут проблемы, вот здесь, на листке, номер телефона доктора Стейнера.

– Уже уходите?

– Да, меня ждут дома. – Чейз направился к двери, но у порога задержался и, обернувшись, посмотрел на Миранду.

Она не сдвинулась с места, осталась в той же позе. Ему вдруг захотелось сказать что-то утешительное, как-то ободрить. Ведь, откровенно говоря, он немножко слукавил. Начал верить ей, но признаться в этом не смог. Даже самому себе. К тому же теперь здесь была Энни, зорко, как и подобает репортеру, следившая за ними обоими.

– Спокойной ночи, Миранда. Надеюсь, к утру вам станет лучше. Энни, спасибо. – Он повернулся и вышел.

Глаза не сразу привыкли к темноте, и только сделав несколько шагов вслепую, Чейз разглядел дорожку под ногами. Проходя через передний дворик, он увидел впереди, на тротуаре, неясную фигуру и остановился.

– Она в порядке? – спросил незнакомец.

– Кто вы?

– Я мог бы спросить о том же и вас, – последовал ответ.

– Я… я навещал мисс Вуд.

– Так Мо в порядке или как?

– Мо? А, вы имеете в виду Миранду. Да, в полном порядке, мистер…

– Эдди Ланцо. Живу по-соседству, вот и приглядываю за ней. Нехорошо, когда симпатичная молодая женщина живет совсем одна. Сумасшедших

хватает, бегают тут, заглядывают в окна. В наше время быть женщиной небезопасно.

– Сегодня мисс Вуд не одна, так что не беспокойтесь.

– Хорошо. Тогда и беспокоить не стану. – Эдди Ланцо покачал головой и повернулся к дому. – И что только творится вокруг. Мир рушится, вот что я вам скажу. Слишком много больных на голову. Уже и ключи в машине нельзя оставить.

– Мистер Ланцо! – окликнул его Чейз.

– Да?

– Один вопрос, если можно. Вы были дома в ту ночь, когда убили Ричарда Тримейна?

– Я? – фыркнул Эдди. – Я всегда дома.

– И вы ничего не слышали и никого не видели?

– Я уже говорил Лорну Тиббетсу. Лег ровно в девять вечера и проспал до самого утра.

– То есть бессонницей вы не страдаете. И ничего не слышали?

– Как я могу что-то слышать, если слуховой аппарат отключен?

– Понятно.

Старик медленно поплелся к дому, бормоча что-то насчет угонщиков и «больных на голову» любителей заглядывать в чужие окна. Чейза немного удивило, что такой старый чудак, как Эдди Ланцо, выказывает сочувствие Миранде Вуд. *Симпатичная молодая женщина*. Надо же.

Но что он знает? Что мы вообще знаем о других? Секреты есть у каждого. *У меня – свои, у Миранды Вуд – свои* .

Он повернулся и направился в сторону Чеснат-стрит.

Двадцатиминутная прогулка на свежем воздухе разогнала усталость и добавила бодрости. Поднимаясь по ступенькам к двери, Чейз заметил, что света в окнах, за исключением прихожей, нет. Неужели никто еще не вернулся домой?

И тут его окликнула Эвелина.

Вдова сидела одна в темной гостиной, и только благодаря просачивавшемуся в комнату тусклому свету уличного фонаря Чейз, присмотревшись, смог разглядеть ее силуэт в кресле-качалке.

– Наконец-то, – вздохнула Эвелина.

Он шагнул к лампе.

– Я включу свет.

– Нет, не надо. Мне нравится, когда темно. Всегда нравилось.

Чейз остановился в нерешительности, не зная, что сказать и что делать.

– Я ждала тебя, – негромко сказала она. – Где ты был, Чейз?

Он замялся на секунду.

– Ходил к Миранде Вуд.

Первой реакцией было холодное, мертвое молчание. Даже кресло как будто перестало поскрипывать.

– Она и тебя поймала в свои сети, да? – прошептала наконец Эвелина.

– Нет никаких сетей. У меня было к ней несколько вопросов насчет Ричарда. – Он вздохнул. – Послушай, день был долгий и трудный. Почему бы тебе не подняться и не поспать?

Женщина в кресле не шелохнулась. На фоне окна она напоминала черную каменную статую.

– В ту ночь, когда он умер, я позвонила тебе… я надеялась…

– Да?

Снова пауза. Потом:

– Ты всегда нравился мне, Чейз. Еще когда мы были детьми. Я всегда надеялась, что ты сделаешь мне предложение. Не Ричард – ты. – Кресло тихонько скрипнуло. – Но ты так ничего и не сделал.

– Я был влюблен в Кристину. Помнишь?

– О, Кристина… – прошипела с ненавистью Эвелина. – Она была недостаточно хороша для тебя. Но ты ведь и сам это понял.

– У нас не получилось, вот и все.

– Как и у нас с Ричардом.

Чейз не знал, что сказать. Он понимал, к чему клонит она, и это направление разговора ему никак не нравилось. Зная Эвелину давно, он никогда не представлял себя с ней как пару. Конечно, она была красива, но Чейз уже тогда разглядел в ней склонность манипулировать людьми, играть чужими сердцами. Тем же талантом обладал и Ричард.

И все же Чейзу было жаль ее.

– Ты просто устала. Неделя выдалась ужасная. Но теперь самое плохое уже позади.

Она покачала головой:

– Нет, самое плохое только начинается. Одиночество.

– С тобой дети.

– Они скоро уедут. А ты?

– Задержусь на несколько дней. Но мне нужно возвращаться. У меня работа в Гринвиче.

– Мог бы и остаться. Взял бы «Геральд». Филипп еще слишком молод, чтобы руководить газетой.

– Какой я издатель? Ты же знаешь, это не мое. Да и на острове мне делать нечего.

Какое-то время они смотрели друг на друга в темноте.

– Значит, так, – прошептала она. – Все кончено. Для нас.

– Боюсь, что да.

Она печально кивнула.

– Ты в порядке?

– Да, все хорошо. – Эвелина негромко рассмеялась. – Все будет хорошо.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Чейз.

Она осталась в кресле у окна. Чейз вышел и, только подходя к лестнице, обратил внимание на какой-то запах в холле. На стеклянном столике

возле телефона стоял пустой стакан. Он взял его, поднес к носу, принюхался.

Виски.

У каждого свои секреты. У Эвелины тоже.

Чейз поставил стакан и медленно поднялся по лестнице.

Глава 6

– Так где вы были прошлой ночью? – спросил Чейз.

Близнецы, только что энергично принявшиеся за поданную на завтрак яичницу с колбасой, как по команде одновременно посмотрели на него.

– Я был у Зака Бруэра, – ответил Филипп. – Помнишь «Бруэрс»? Заведение на Перл-стрит.

– Малыш Фил хочет сказать, что заходил проведать сестру Зака, – пояснила Кэсси.

– Я, по крайней мере, не брожу по барам и не пристаю к парням, чтобы пригласили на свидание.

– Я ни по каким барам не ходила. Я была занята.

– Ну конечно, – хмыкнул Филипп.

– Занята? Чем же? – поинтересовался Чейз.

– Ходила в «Геральд», смотрела что и как. Знаешь, после папы там такой беспорядок. Никаких планов, разработок. Совершенно непонятно, в каком направлении он хотел двигать дело дальше. Редакторская политика совершенно не просматривается.

– Пусть этим занимается Джил Виккери, – пожал плечами Филипп. – За это мы ей и платим.

– Мог бы проявить побольше интереса. Ты ведь уже видишь себя полноправным наследником.

– Такого рода дела быстро не делаются, – беззаботно заметил Филипп, отправляя в рот очередной кусочек яичницы.

– А «Геральд» тем временем будет болтаться, как корабль без руля. Я не хочу, чтобы газета превратилась в еще один банальный бульварный

листок. Мы должны превратить ее в остросоциальную газету. Проводить расследования, разоблачать. Чтобы люди встряхнулись. Мы должны задевать за живое. Как сделал отец несколько месяцев назад.

– И кого же он задел? – поинтересовался Чейз.

– Тех марионеток в отделе планирования.

Тех, кто голосовал за изменение статуса северного берега. Он показал их гнилое нутро. Представляю, как нервничала Джил Виккери. Она же больше всего на свете боялась обвинения в клевете.

– А ты, похоже, в курсе редакционных дел, – заметил Чейз.

– Конечно. Второй всегда старается больше первого.

Она произнесла это легко, но Чейз все же уловил нотку недовольства. Он хорошо понимал Кэсси, потому что и сам когда-то был в подобном положении. Он тоже был вторым и тоже бился за первенство. Но все впустую. Первым назначили Ричарда, и решение не подлежало пересмотру. Как и теперь в отношении Филиппа.

В дверь позвонили.

– Дедушка, – сказал Филипп. – Что-то рановато сегодня.

Чейз поднялся:

– Я открою.

На пороге стоял Ноа Деболт:

– Доброе утро, Чейз. Эвелина готова?

– Думаю, что да. Проходите, сэр.

«Сэр» слетело с языка машинально – просто никому и в голову бы не пришло назвать Деболта по имени. Гость прошел в дом, а Чейз, глядя ему в спину, подумал, что годы не властны над стариком: они не согнули его плечи и не смягчили холодный блеск серых глаз.

Остановившись посреди холла, Ноа критически огляделся:

– Пожалуй, здесь пора кое-что поменять. Новые кресла, новый диван. Хватит Эвелине мучиться с этой рухлядью.

– Но это же антиквариат, – возразил Чейз. – Моя мать сама...

– Я знаю, что это такое! Хлам! – отрезал Ноа и посмотрел на близнецов, растерянно вытаращившихся на него из-под арки. – Вы что, еще завтракаете? Собирайтесь, уже полдевятого. Опаздывать нельзя, эти проходимцы-адвокаты дерут с три шкуры.

– Послушайте, мистер Деболт, – вмешался Чейз. – К адвокату и я всех отвезу. Вы могли не беспокоиться.

– Меня Эвелина попросила приехать, – проворчал Ноа, – а я всегда делаю то, о чем просит моя девочка. – Он посмотрел на лестницу, где только что появилась хозяйка: – Доброе утро, милая.

Неторопливо, с гордо поднятой головой, Эвелина сошла по ступенькам вниз. Спокойная, сдержанная, уверенная в себе, она разительно отличалась от той, вчерашней Эвелины, несчастной, разбитой, жалкой.

– Привет, папа.

Ноа нежно обнял дочь.

– А теперь давай покончим с нашим неприятным делом.

Все разместились в «мерседесе» Ноа: Эвелина с отцом впереди, Чейз с близнецами сзади. И как только Ричард выдержал столько лет, живя в одном городе с тираном-тестем, спрашивал себя он. Не слишком ли высокую цену заплатил брат, женившись на единственной дочери Ноа Деболта? Бесконечная критика, придирки, необходимость угождать.

Теперь, когда Ричард умер, контроль за жизнью Эвелины перешел к ее отцу. Подъехав к офису Леса Харди, Ноа предложил дочери руку, и они вместе поднялись по ступенькам и прошествовали в приемную.

– Миссис Тримейн к Лесу, – объявил Ноа. – Мы здесь по поводу завещания.

Секретарша посмотрела на них как-то странно – Чейзу показалось, что в глазах ее промелькнула паника, – и торопливо нажала кнопку интеркома.

– Мистер Харди, они здесь.

В следующую секунду – словно он ждал прямо за дверью – из кабинета вылетел и сам Лес Харди. Галстук и костюм выдавали щеголя, образу которого плохо соответствовало потное, раскрасневшееся лицо.

– Мистер Деболт, миссис Тримейн, – заговорил он почти умоляющим тоном. – Я бы позвонил раньше, но сам только что… В том смысле… –

Адвокат с болезненным усилием сглотнул. – Прошу извинить, но с завещанием возникла проблема.

– Надеюсь, ничего такого, что нельзя исправить, – проворчал Ноа.

– Вообще-то… – Харди открыл дверь конференц-зала. – Думаю, нам всем нужно сесть.

В комнате уже находился мужчина, которого Харди представил как Вернона Фицхью, адвоката из Басс-Харбор. Фицхью вполне мог сойти за упрощенную, грубоватую копию Харди. Манеры и речь выдавали человека, которому, вполне возможно, пришлось в свое время поработать руками, чтобы пройти юридическую школу. Все устроились за большим круглым столом, причем Харди и Фицхью сели друг против друга.

– Так что там за проблема с завещанием Ричарда? – спросил Ноа. – И какое отношение ко всему этому имеет мистер Фицхью?

Фицхью осторожно откашлялся.

– Боюсь, я принес не самые приятные новости. Точнее, новое завещание.

– Что? – Ноа повернулся к Харди: – Что еще за чушь, Лес? Поверенным Ричарда был ты.

– Я тоже так думал, – с каменным лицом ответил Харди.

– Тогда откуда взялось это новое завещание?

Все посмотрели на Фицхью.

– Несколько недель назад, – объяснил гость из Басс-Харбор, – ко мне в офис пришел мистер Тримейн. Сказал, что хочет составить новое завещание, отменяющее прежнее, составленное при участии мистера Харди. Я посоветовал ему обратиться к мистеру Харди, но мистер Тримейн стоял на своем. Мне ничего не оставалось, как исполнить его пожелание. Я бы известил вас ранее, но меня не было в городе три недели. О кончине мистера Тримейна мне стало известно лишь накануне вечером.

– Невероятно. – Эвелина покачала головой. – Зачем Ричарду понадобилось составлять новое завещание? И откуда нам знать, что это действительно был он?

– Он, – подтвердил Харди. – Я хорошо знаю его подпись.

В комнате повисло долгое молчание.

– Что ж, – сказала наконец Эвелина, – давайте послушаем. Лес, какие появились изменения?

Харди водрузил на нос очки и, взяв бумагу, начал читать вслух:

– «Я, Ричард Д. Тримейн, находясь в здравом уме и твердой памяти…»

– Ох, избавь нас от этой юридической белиберды, – поморщился Ноа. – Переходи к делу. Что нового в документе?

Харди оторвался от бумаги.

– В основном все осталось нетронутым. Дом, общие счета – все переходит к миссис Тримейн. Доверительные счета на детей, кое-какие личные вещи брату.

– А коттедж? – спросил Ноа.

Харди заерзал:

– Я, пожалуй, прочитаю. – Он пролистал шесть страниц и прочистил горло. – «Земельный участок на северном берегу площадью приблизительно в сорок акров с подъездной дорогой, а также строение, известное как Роуз-Хилл, завещаю…» – Здесь адвокат остановился.

– Так что там с Роуз-Хилл? – подала голос Эвелина.

Харди глубоко вздохнул:

– «Завещаю моему дорогому другу, Миранде Вуд».

– Черта с два, – прорычал Ноа.

В «мерседес» отец и дочь сели вместе. Никто не обронил ни слова. Но и молчание не принесло облегчения. Остальные предпочли отправиться домой пешком. Ноа это устроило; ему нужно было побыть наедине с Эвелиной.

– Хочешь что-нибудь сказать, милая?

– Что ты имеешь в виду, папа?

– Что угодно. Насчет Ричарда.

Она посмотрела на отца:

– Разве я должна что-то сказать?

– Если есть что. Мы – семья, а это самое главное. Семья сильна тем, что держится вместе. Если потребуется, против всего мира.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Ноа заглянул дочери в глаза. Такие же зеленые, как и у ее матери. Теперь только она, Эвелина, связывала его с дорогой Сюзанной. Единственный во всем свете близкий и дорогой человек. Она ответила ему спокойным, без малейшего намека на тревогу взглядом. Хорошо, подумал он. Это хорошо. Значит, держится. Значит, устоит против любого. В этом отношении Эвелина была истинной представительницей Деболтов.

– Дорогая, я сделаю для тебя все. Все. Ты только попроси.

Она смотрела прямо перед собой.

– Отвези меня домой, папа.

Он повернул ключ, и «мерседес» покатил в сторону Чеснат-стрит. Пока ехали, Эвелина не произнесла ни слова. Гордая девочка. Его дочь. Она не просила о помощи, но нуждалась в ней. Он знал это.

Все, что потребуется. Я сделаю все.

Как бы там ни было, Эвелина – его плоть и кровь, и Ноа не мог допустить, чтобы его родная дочь оказалась за решеткой.

Даже если она виновна.

Сад всегда был ее убежищем, ее святилищем. Здесь Миранда высаживала розовый алтей и шпорник, гиацинт и водосбор. Ее не занимали цветовые сочетания и ландшафтные изыски. Она просто втыкала растения в землю и разбрасывала семена, а дальше зеленые джунгли расползались по ее заднему дворику сами. Прошлую неделю бедняжки оставались без присмотра. Несколько дней без воды, и цветочки уже увяли. Но теперь она вернулась, и ее малыши заметно повеселели. Странно, но и она сама была счастлива. Солнце в спину, руки в черноземе, а больше ничего и не надо. Свежий воздух и свобода. *Только вот надолго ли?*

Она решительно отодвинула эту мысль подальше и вонзила мотыгу в спекшуюся землю. Сегодня ей предстояло подготовить под посадку небольшой участок. Оставив мотыгу у стены, она опустилась на колени – размять комья и выбрать камни.

Солнце припекало, навевая сонливость.

В конце концов, не в силах противостоять дремоте, Миранда растянулась на лужайке – с грязными коленками и локтями, облепленными травой лодыжками, в мятых шортах. Чудесный летний день. День, каких было много в детстве. Она закрыла глаза, вспоминая ту далекую пору, когда еще была жива мать, когда отец жарил гамбургеры на гриле, когда…

– И что за игру вы затеяли? – произнес знакомый голос.

Миранда резко села. За ее белым заборчиком стоял Чейз Тримейн. Не дождавшись ответа, он открыл калитку и прошел во двор. Только тут она спохватилась, что выглядит, должно быть, не слишком презентабельно в перепачканных землей садовых шортах и линялой футболке. В отличие от Чейза, чья фигура вырисовывалась на фоне яркого солнца и голубого неба. Она прищурилась, пытаясь разглядеть выражение его лица, но видела только темный овал с волнующимися под ветерком волосами.

– Вы ведь знали, да?

Миранда поднялась и отряхнула грязь с ладоней.

– Знала что?

– Как у вас это получилось, а? Пошептали на ушко? Мол, впиши меня в завещание и я буду вечно твоей?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Я только что от нашего адвоката. Сегодня огласили завещание Ричарда, и нас поджидал неприятный сюрприз. Две недели назад он составил новое, по которому вы получаете коттедж Роуз-Хилл.

Ошеломленная, она молча уставилась на него.

– Нечего сказать? Но вы и не отрицаете?

– Мне и голову не приходило…

– А я думаю, очень даже приходило.

– Нет! – Она отвернулась. – Я ничего не хотела…

– Ну конечно! – Он взял ее за локоть и повернул к себе. – Чем вы его взяли? Шантажом? Так он купил ваше молчание?

– Я ничего не знаю ни о каком завещании! И о коттедже тоже! Да и как он мог оставить его мне? Разве коттедж не отходит жене? Эвелина владеет половиной…

– Не владеет.

– Почему?

– Потому что Роуз-Хилл принадлежал семье моей матери и перешел по наследству непосредственно Ричарду. Никаких прав на него у Эвелины нет. Ричард сам решал, кому его передать. И выбрал вас.

Она покачала головой:

– Я не знаю, почему он так решил.

– Коттедж был единственным местом на острове, о котором он по-настоящему заботился. Это место было дорого нам обоим.

– Ладно! – крикнула Миранда. – Раз так, забирайте его! Оно ваше. Сегодня же напишу заявление. Мне ваш коттедж не нужен. Я хочу только одного: чтобы меня оставили в покое. – Она твердо посмотрела в его холодное, неподвижное лицо. – И чтобы мне никогда больше не видеть ни одного Тримейна.

Миранда повернулась, взбежала по ступенькам, захлопнула за собой дверь, влетела в кухню и остановилась. Дальше бежать было некуда. Она подошла к раковине, открыла кран и принялась оттирать въевшуюся в ладони грязь.

Через какое-то время дверь открылась и снова закрылась. Миранда знала, что он стоит за спиной и смотрит на нее. Прошло минуты две, прежде чем он подал наконец голос:

– Миранда.

Она сердито закрыла кран.

– Уходите.

– Я хочу услышать ваше объяснение.

– Зачем? Вы же все равно мне не поверите. Вы не хотите верить. Но знаете что? Мне наплевать. – Она схватила кухонное полотенце и вытерла руки. – Я сегодня же схожу к адвокату и напишу заявление об отказе или как это там называется. Коттедж я не приму. Не хочу пачкаться.

– Вы ошибаетесь, Миранда. Я хочу вам поверить.

Она стояла, боясь обернуться и посмотреть на него. Он пересек кухню и остановился в шаге от нее.

– Хотите, но не можете, да? – спросила она, глядя на комочки грязи в раковине.

– С фактами не поспоришь.

– А если я скажу, что факты указывают в неверном направлении? Уводят в сторону? – Миранда медленно повернулась и обнаружила, что Чейз стоит на расстоянии вытянутой руки и она может при желании дотронуться до его лица. – Что тогда?

– Тогда мне придется довериться интуиции. Хотя в данном случае моя интуиция дает сбой.

Миранда не ответила. Она вдруг поняла, что ее смущают и сбивают с толку те сигналы, что исходят от него. И еще те, что посылает ее собственное тело. Пути отступления были отрезаны, в спину упиралась кухонная раковина. Высокий, широкоплечий, он возвышался перед ней грозной преградой, но сердце гнало по венам совсем не страх. Оно пульсировало в ритме желания.

Скользнув в сторону, Миранда отошла от него на безопасное расстояние, но выходить из кухни не спешила.

– Я говорила серьезно. Насчет того, что откажусь от всех прав на коттедж. Вообще, было бы правильно сделать это прямо сейчас. Пойдемте к вашему адвокату.

– Вы и вправду этого хотите?

– Мне ничего от него не нужно. Ничего, что напоминало бы о нем.

– И вы просто возьмете и откажетесь от коттеджа?

– Для меня он ничего не значит. Я его даже не видела.

– Что? – удивился Чейз. – Ричард не показывал вам Роуз-Хилл?

– Нет. Хотя рассказывал о нем. Для него коттедж был чем-то вроде персонального убежища. Делить его со мной у него и в мыслях не было.

– Вы понимаете, что собираетесь отказаться от дорогой недвижимости, даже не взглянув на нее?

– Это не мое. Не было и не будет.

Он прищурился:

– Не могу вас понять. Каждый раз, когда думаю, что понял, вы преподносите сюрприз.

– Вы усложняете. На самом деле все проще.

– Вам удалось заинтриговать Ричарда.

– Похоже, я была не первой, кому это удалось.

– Но вы определенно были первой, кто ушел от него.

– И посмотрите, куда это меня привело. – Она горько рассмеялась. – Можете не верить, но я всегда считала себя высокоморальной особой. Платила налоги. Останавливалась на красный свет. Соблюдала правила. – Она отвернулась к окну. – А потом влюбилась в вашего брата. И вдруг обнаружила, что не знаю правил. Я попала на незнакомую территорию и жутко испугалась. И в то же время… мне еще никогда не было так хорошо. Это испугало меня еще больше. Я бы все отдала, чтобы перевести часы назад. Чтобы вернуть ощущение невинности.

Чейз медленно подошел к ней.

– Есть вещи, которые уходят безвозвратно.

– Да. – Она виновато опустила глаза. – Есть то, что мы теряем навсегда.

И тут он дотронулся до нее.

Это произошло так неожиданно, что Миранда вздрогнула. А ведь Чейз всего лишь коснулся ее щеки, нежно провел костяшками пальцев по изгибу скулы. Застигнутая врасплох, она вскинула голову и натолкнулась на взгляд, такой испытующий, такой проницательный, что от него невозможно было спрятаться. Под этим взглядом Миранда чувствовала себя ужасно неудобно, словно осталась без одежды, и, что хуже всего, она не могла увести глаза в сторону, не могла оборвать эту зрительную связь.

Ну вот, я уже готова угодить в ту же ловушку. С Ричардом я потеряла невинность, а что потеряю с Чейзом? Душу?

– Общение с вашим братом кое-чему меня научило. Я больше не легкая добыча. – Она повернулась и направилась в гостиную.

– Я – не Ричард.

Миранда оглянулась:

– Мне все равно, кто вы. Важно, что я уже не та наивная, доверчивая простушка, какой была прежде.

– А ведь он сильно вас обидел, да? – Чейз наблюдал за ней с порога, заполняя собой весь дверной проем.

Она не ответила, а только опустилась в кресло и уставилась на свои грязные коленки.

Чейз смотрел на Миранду через комнату. Вся злость к ней, копившаяся со времени встречи в офисе Леса Харди, внезапно рассеялась и улетучилась, а освободившееся место заняло негодование в адрес брата. Золотой мальчик, всегда получавший, что хотел. Истинный Тримейн, блондин с голубыми глазами, достигавший цели прежде всего остроумием и шармом и тут же терявший интерес к достигнутому.

По этой же модели строились и его отношения с женщинами. Когда-то Ричард возжелал Эвелину Деболт. Возжелал и завоевал. Потом, разумеется, пришлось жениться – с единственной дочерью Ноа Деболта иного варианта и быть не могло. Однако, заполучив приз, брат вскоре охладел к нему. Таков был Ричард, постоянно чего-то домогавшийся и никогда ничем не удовлетворявшийся.

И вот появилась женщина, приз, удержать который он не сумел. Такая скромная и непритязательная. В горле запершило. Что это, сочувствие или жалость? А какая между ними разница? Он сел в кресло напротив нее.

– Как вы чувствуете себя после вчерашнего? По-моему, сегодня вам лучше?

– Да, все в порядке. Только мышцы немного ноют. – Миранда пожала плечами, как будто знала, что на самом деле ее самочувствие его не интересует, а спрашивает он только из вежливости. Если ее и беспокоило что-то, она это не показывала. – Энни я отослала домой. Делать ей тут больше нечего.

– А о своей безопасности вы не подумали?

– Безопасности? Но что мне может угрожать?

– А если вчерашний инцидент не был простой случайностью?

Миранда вскинула голову:

– Не могу сказать, что пользуюсь в городе уж очень большой популярностью, но мне трудно представить, чтобы кто-то из наших добропорядочных граждан превратился вдруг в дорожного лихача.

– Но кто-то из них определенно угнал машину вашего соседа, мистера Ланцо.

– Бедняга Эдди, – вздохнула Миранда. – Теперь его паранойя только усилится, а к списку злодеев и сумасшеших добавятся автомобильные воры.

– Да, мистер Ланцо говорил о каких-то любителях заглядывать в чужие окна.

Она улыбнулась:

– Эдди вырос в Чикаго и до сих пор не отделался от страхов большого города. Ему постоянно что-то мерещится. В прошлом месяце клялся, что видел у моего дома какую-то подозрительную машину… – Она вдруг умолкла и нахмурилась. – Знаете, раньше я не придавала его историям большого значения, списывала на большое воображение. Но теперь…

– Когда он говорил о той машине?

– Не знаю… месяц или, может, два назад.

– То есть еще до убийства Ричарда.

– Да. Так что, вероятно, к делу это и не относится. Бедный Эдди. – Она поднялась. – Я переоденусь, нельзя же идти к адвокату в таком виде.

– Вы действительно хотите пойти туда прямо сейчас?

– Да. Так надо. У меня на душе будет неспокойно, пока я не разберусь с этим делом.

– Тогда я позвоню, чтобы нас ждали. – Чейз взглянул на часы. – Мы еще успеем на паром до Басс-Харбор.

– А зачем нам Басс-Харбор? Насколько мне известно, поверенным Ричарда был Лес Харди, разве нет?

– Вы не ошибаетесь, был. Но его последнее завещание составлено неким Верноном Фицхью. Знаете такого?

– Слава богу, нет. Иначе вы наверняка обвинили бы меня в том, что я состою в сговоре с мистером Фицхью. – Миранда повернулась, про шла через комнату и исчезла в спальне.

Чейз проводил ее задумчивым взглядом.

– Вообще-то, – пробормотал он себе под нос, – такая мысль приходила мне в голову.

Вернон Фицхью был на месте и уже ждал их. А вот изложенная Мирандой цель визита явно стала для него сюрпризом.

– Хорошо ли вы все обдумали, мисс Вуд? Отдаете ли вы себе отчет в том, что речь идет о первоклассном объекте недвижимости? Некоторое время назад северный берег перевели в другую категорию, и теперь эти территории открыты для девелоперов. По моим оценкам, ваш участок уже через два-три года будет стоить больше…

– Моим он не станет, – перебила его Миранда. – Этот участок принадлежит семье Тримейн.

Фицхью с некоторым беспокойством посмотрел на Чейза:

– Э, прошу извинить, мистер Тримейн, но, может быть, нам с мисс Вуд было бы удобно обсудить некоторые вопросы с глазу на глаз? Если вы подождете снаружи…

– Нет, – решительно вмешалась Миранда, – я хочу, чтобы он присутствовал при нашем разговоре и все слышал. – Она выразительно посмотрела на адвоката. – И чтобы не мог потом обвинить нас в сговоре.

– В сговоре? – забеспокоился Фицхью. – Неужели кто-то думает, что я взялся за это дело по собственному желанию? Ситуация весьма непростая, запутанная, чреватая конфликтами, и я с радостью бы ее избежал. Двое поверенных. Два завещания. Да еще смерть клиента при довольно неясных обстоятельствах. – Говоря это, Фицхью старательно отворачивался от Миранды и обращался исключительно к Чейзу. – Я всего лишь стараюсь исполнить волю моего клиента, мистера Ричарда Тримейна. А воля эта выражена достаточно ясно и недвусмысленно: коттедж Роуз-Хилл переходит мисс Вуд.

– Но я не желаю его принимать, – возразила Миранда, – и хочу вернуть Тримейнам.

Слова ее еще больше обеспокоили мистера Фицхью. Он снял очки, положил их на стол и неожиданно предстал в другой своей ипостаси. Теперь за столом сидел не профессиональный юрист, а человек, хорошо

знающий, что такое бедность и разговаривающий не языком отстраненного крючкотвора, а языком советчика и друга, пытающегося открыть глаза упрямой молодой женщине, не понимающей собственной выгоды.

– Ричард Тримейн, – начал он, – пришел ко мне с просьбой, и я намерен исполнить свой долг перед ним. Долг как профессиональный, так и человеческий. Я не вправе решать, виновны вы или нет. Я лишь намерен обеспечить исполнение его поручения. А поручение это состоит в том, чтобы передать землю вам. Если вас признают виновной, данный пункт завещания будет оспорен, и вы не сможете наследовать по нему. Но давайте допустим, что вас признают невиновной. В таком случае Роуз-Хилл переходит к вам. Это сомнению не подлежит. Мой вам совет, мисс Вуд: подождите несколько дней. Потом, если ваше желание не изменится, возвращайтесь, и я подготовлю все необходимые документы. Но сегодня я этого делать не стану. Я должен в первую очередь думать об исполнении последней воли мистера Тримейна. В конце концов, моим клиентом был он.

– Но почему он пришел к вам? – спросил Чейз. – Поверенным Ричарда многие годы был мистер Харди.

Фицхью пристально, словно желая понять, какие мотивы движут этим человеком, посмотрел на брата своего покойного клиента. Корысть? Желание оказать давление на молодую женщину? Такая богатая и влиятельная семья, как Тримейны, располагала немалыми возможностями, чтобы принудить ее отказаться от наследства. Если так, то долг адвоката стать на ее сторону и защитить ее права, даже если она сама отказывается это делать.

– Ричард Тримейн пришел ко мне, потому что не хотел вовлекать в это дело Леса Харди.

– Но почему?

– Потому что мистер Харди является также адвокатом Ноа Деболта. Думаю, мистер Тримейн опасался утечки информации.

– И того, что могло за этим последовать, – добавил Чейз.

– Познакомившись сегодня утром с мистером Ноа Деболтом, я могу представить, какой могла бы быть его реакция на распоряжение относительно участка Роуз-Хилл.

Чейз наклонился к адвокату:

– В тот день, когда Ричард приходил к вам, как он выглядел? В каком был состоянии? Может быть, вы заметили что-то необычное? Как-никак люди не каждый день принимают решение изменить завещание без веской причины.

Фицхью наморщил лоб:

– Ну, мне показалось, он чем-то расстроен. Нет, он не говорил, что чего-то боится. Сказал только, что должен привести в порядок дела… – Адвокат бросил взгляд на Миранду, которая покраснела, но глаз не отвела. *Хватит прятаться и самой наказывать себя за то, чего не совершала* .

– Вы сказали, Ричард был расстроен. А точнее? – продолжал Чейз.

– По-моему, его кто-то изрядно рассердил.

– Кто?

– Мы об этом не говорили. Он только сказал, что не хочет, чтобы коттедж достался миссис Тримейн.

– Он уточнил, что речь идет об Эвелине?

– Да, он назвал ее по имени. И подчеркнул, что желает изменить лишь пункт, касающийся Роуз-Хилл. Не банковских счетов, не других активов, находящихся в совместной собственности. Распоряжаться ими единолично мистер Тримейн не мог, но Роуз-Хилл достался ему по наследству, и он имел полное право поступать с ним как угодно. – Адвокат посмотрел на Миранду: – Мистер Тримейн ясно выразился в том смысле, что хочет, чтобы коттедж получили вы.

Она недоуменно покачала головой:

– Но почему?

– Полагаю, потому, что вы были дороги ему и, завещая вам Роуз-Хилл, он показывал насколько.

Миранда молча понурилась. Она знала, что оба мужчины смотрят на нее, и пыталась представить выражение на лице Чейза. Недоверие? Презрение? Насмешливый цинизм? *А почему бы вам не поверить, что ваш брат мог испытывать к такой женщине, как я, не только похотливое желание, но и что-то еще? Уважение. Любовь.*

– Итак, мисс Вуд? – Голос Фицхью отвлек ее от невеселых размышлений. – Теперь вы согласны, что поступаете не вполне благоразумно?

Миранда вскинула голову и твердо посмотрела на адвоката:

– Приготовьте бумаги. Я хочу сделать это сейчас.

– Может быть, спешить все же не следует, – негромко заметил Чейз.

– Что? – удивилась Миранда. – Я не…

– Мистер Фицхью обратил внимание на некоторые пункты, которые я, признаться, даже не принимал в расчет. Полагаю, вам действительно стоит взять несколько дней на раздумье. – Он взглянул на Миранду, и она поняла, что кое-что из услышанного здесь стало для него откровением.

– То есть вы хотите сказать, что мне следует сохранить за собой коттедж?

– Я лишь хочу сказать, что у Ричарда были причины для внесения изменений в завещание. Прежде чем возвращаться к исходной ситуации, давайте выясним, почему он принял такое решение.

Вернон Фицхью одобрительно кивнул:

– Полностью с вами согласен.

На пароме, возвращаясь на Шефердс-Айленд, они едва обменялись парой слов. И только когда Чейз съехал на пирс и повернул на Шор-Серкл-Роуд, Миранда нарушила затянувшееся молчание:

– Куда дальше?

– На северный берег.

– Зачем?

– Хочу показать вам Роуз-Хилл. Будете, по крайней мере, знать, что именно вы вознамерились возвращать Эвелине.

– А ведь вам это нравится, да? Водить меня кругами. Играть со мной в какие-то непонятные игры. То вы твердите, что я краду собственность Тримейнов, то вдруг подбиваете на ту же самую кражу. К чему это все?

– Меня немного обеспокоило сказанное Фицхью. Насчет того, что Ричард не хотел отдавать коттедж Эвелине.

– Но ведь коттедж должен достаться ей.

– Роуз-Хилл когда-то принадлежал моей матери. Ее девичья фамилия – Прюит. Эвелина не имеет на него никаких прав.

– Ричард мог бы оставить его вам.

Чейз рассмеялся:

– Вряд ли.

– Почему это?

– Мы были не в самых лучших отношениях. Ричард оставил мне свою коллекцию холодного оружия времен Гражданской войны, и это большее, на что я мог рассчитывать. Нет, он хотел отдать Роуз-Хилл человеку близкому и дорогому. Тому, кого любил. И выбрал вас. Может быть, вы были единственной кандидатурой.

– Он не любил меня, – сказала задумчиво Миранда.

Они ехали на север – мимо летних домиков, гранитных утесов, одиноких сосен, береговых утесов с взлетающей над ними белой пеной. В голубовато-сером небе кружили и камнем падали вниз крикливые чайки.

– Почему вы так говорите? Почему думаете, что Ричард не любил вас?

– Говорю, потому что знаю. Наверное, знала это всегда. Да, сам он, может быть, и думал, что любит меня. Но любовь в понимании Ричарда – это прежде всего луна, безумие, страсть. Горячка, которая рано или поздно проходит. Дело лишь во времени.

– Что ж, это действительно в духе Ричарда. Мальчишкой он всегда стремился к недосягаемому.

– Разве Тримейны не все такие?

– Нет, конечно. У моего отца, например, на первом месте стояла работа. Про него говорили, что он и женился на работе.

– А вы на чем женаты?

Он посмотрел на нее, и Миранда поразилась открытости его взгляда.

– Ни на чем и ни на ком. По крайней мере, сейчас. После Кристины у меня ничего подобного уже не случалось.

– Кристина – это ваша жена?

Чейз кивнул:

– Да. Продержались мы недолго. Я был юнцом, едва за двадцать, и еще, как говорится, не перегорел. Женитьба была подходящим, как тогда казалось, способом поквитаться с отцом.

– А что случилось с Кристиной?

– Узнала, что состояние Тримейнов достанется другому, и быстро потеряла ко мне всякий интерес. Ловкая особа. Из нас двоих она, по крайней мере, думала головой.

Он пожал плечами и снова сосредоточил внимание на дороге, которую, похоже, хорошо знал. Миранда уже заметила, как легко он проходит опасные повороты. Возможно, в молодости Чейз и отличался мятежным нравом и совершал глупости, но с тех пор он определенно научился обуздывать порывы. Мужчина, сидевший с ней рядом, явно не гонялся за призрачным и был неподвластен безумствам страсти.

Через двадцать минут асфальт закончился. Чейз свернул на проселок, обсаженный с обеих сторон березами и соснами. Поржавевшие знаки указывали на скрывающиеся в лесу летние лагеря. Тут и там от главной дороги отходили боковые ветки, которые вели к коттеджам известных местных семей, большинство которых владели ими на протяжении нескольких поколений.

Дорога пошла вверх и следующие полмили петляла между деревьями, повторяя контуры холма. Они миновали каменный знак с отметкой «Сент-Джон-Вуд» и, проехав еще немного, остановились у последнего указателя – «Роуз-Хилл». Последний поворот… роща… широкий, весь в цветах луг. Коттедж стоял почти на самой вершине холма – прокаленный солнцем, потрепанный ветрами, омытый дождями, дом, обращенный окнами к северу. Перила веранды нежно обвивали побеги пурпурного ломоноса. Под ступенями крыльца, припав к земле, словно бдительные часовые, отчаянно боролись с наступающими сорняками цветущие кусты роз.

Чейз остановил машину на засыпанном гравием поворотном круге, и они вышли в теплый, напоенный ароматами полевых трав полдень, на согретую солнцем травку. На мгновение Миранда замерла, подняв лицо к небу, голубизну которого не успели замарать ни облачко, ни дымок. И только чуть в стороне от вершины плыла, уносимая ветром, одинокая чайка.

– Идемте, посмотрите коттедж изнутри, – пригласил Чейз и, держа Миранду под локоть, направился к ступенькам. – Я и сам не был здесь лет десять. Честно говоря, немножко боязно.

– Боязно? И чего вы боитесь?

– Перемен. Того, что с ним могли сделать. Но так, наверное, бывает с каждым, кто возвращается в дом, где прошло его детство.

– Особенно если ты был там счастлив.

Чейз улыбнулся:

– Верно.

Они постояли еще немного, глядя на покачивающиеся на ветру и чуть слышно поскрипывающие качели.

– Ключ у вас есть?

– Должен быть здесь. Мама всегда оставляла запасной. – Чейз пошарил под ближайшим подоконником, вздохнул и выпрямился. – Увы, ничего. Что ж, если дверь заперта, попробуем найти открытое окно. – Он осторожно повернул ручку и рассмеялся. – Ну, как вам это нравится? Даже не заперта.

Дверь нехотя отворилась. За ней лежала прихожая – выцветший восточный ковер, камин, сосновый пол. Миранда перешагнула порог и ахнула.

Повсюду валялись бумаги. У стоящего в углу письменного стола выдвинуты все ящики, их содержимое разбросано по полу. Книги с ближайшей полки сметены и раскиданы по комнате.

Чейз вошел следом и остановился у нее за спиной. Дверь захлопнулась.

– Какого черта?…

Глава 7

Они молча огляделись, после чего Чейз, не говоря ни слова, быстро прошел в кухню.

Миранда последовала за ним. Здесь все было в порядке. Кастрюльки и сковородки висели на крючках, емкости с мукой, крупами и сахаром аккуратно выстроились на полке над разделочным столом.

Чейз взбежал по ступенькам на второй этаж. Миранда не отставала. Сначала заглянули в гостевую спальню – вроде бы все в порядке. Чейз быстро проверил ящики комода, пошарил по полкам встроенного шкафа.

– Что вы ищете?

Он не ответил, вышел в коридор, повернул к главной спальне.

Двойные окна с кружевными занавесками открывали вид на море. На широкой кровати лежало кремовое покрывало. В неподвижном, нагревшемся за день воздухе лениво плавали пылинки.

– Похоже, эту комнату тоже не тронули, – заметила Миранда.

Чейз шагнул к туалетному столику, поднял серебряную щетку, положил.

– Вроде бы нет.

– Но что здесь происходит?

Он огляделся, бессильно развел руками:

– Не понимаю. Картины остались на стенах. Мебель…

– Ничего не пропало?

– Ничего ценного. По крайней мере, ничего такого, на что позарился бы обычный вор. – Он выдвинул ящик комода, перебрал содержимое. Задвинул. Выдвинул второй. Постоял. Потом поднял дамские трусики – пара полосок черного шелка и кружев. За трусиками последовал бюстгальтер, явно из той же компании.

Чейз оглянулся. Взгляд его не выражал ничего, но за этой бесстрастностью скрывалось многое.

– Ваше?

– Я же говорила, что никогда раньше здесь не бывала. Должно быть, Эвелины.

Он покачал головой:

– Не думаю.

– Откуда вы знаете?

– Эвелина сюда не приходит. Как она сама утверждает, не переносит жизнь на природе.

– Ну и не мои тоже. Я такое не ношу.

– Здесь еще кое-что есть. Может, узнаете. Миранда пошла к комоду, взяла изумрудно-зеленый с кремовыми вставками бюстгальтер.

– Этот явно не мой.

– Почему?

– Размер. Этот – 36C, а мой… – Она смущенно откашлялась. – Не такой большой.

– А…

Миранда торопливо отвернулась, чтобы не дать ему повода произвести визуальное сравнение. Впрочем, разве он уже не видел то, что хотел увидеть? Глаза-то у него есть.

Слишком многое замечает, подумала она, глядя в окно и дожидаясь, пока сердце перестанет прыгать. Солнце опускалось за верхушки деревьев, и тени тянулись к дому. Долгий летний закат. На склоне вот-вот появятся светлячки, в траве застрекочут цикады. Повеет прохладой. Даже в августе вечерами с моря тянуло холодком. Она поежилась и обхватила себя за плечи.

Он подошел тихо, осторожно. Она не слышала шагов, но, не оглядываясь, поняла – Чейз за спиной.

Он стоял так близко, что чувствовал запах ее волос – чистый, глубокий, пьянящий. Гаснущий свет уходящего дня придавал им чудесный каштановый оттенок. Хотелось протянуть руку и зарыться пальцами в эти шелковистые пряди, прижаться к ним лицом, ощутить их пружинистую мягкость…

Нет… нет…

Он понял, что совершает ошибку, еще до того, как совершил ее, но уже не смог остановиться, не смог ничего с собой поделать.

Она поежилась под его прикосновением. Он ощутил и легчайшую дрожь, и беззвучно сорвавшийся с губ выдох.

Ладони скользнули по плечам, по прохладной, гладкой коже. Она не отстранилась. Наоборот, подалась назад, словно ища в нем опоры. Он обнял ее, заключил в теплый круг рук.

– В детстве я думал, – прошептал Чейз, – что здесь, на холме, водятся сказочные существа, что под мухоморами прячутся эльфы и феи. Я даже видел, как мелькают в сумерках их огоньки. Конечно, то были самые обычные светлячки. Но ребенок мог принимать их за что угодно. За фонари гномов или лампы драконов. Как бы мне хотелось…

– Чего бы вам хотелось?

Он вздохнул:

– Чтобы во мне осталось что-то от того мальчишки. Чтобы мы узнали друг друга тогда. До того, как все случилось. До…

– До Ричарда.

Чейз замолчал. Он знал – брат останется здесь навсегда, его жизнь и смерть будут всегда висеть над ними, как тьма надвигающейся ночи. Что может вырасти в такой тени? Дружба? Нет. Любовь? Тем более нет. Нет, то, что он чувствовал, обнимая сзади эту хрупкую, дрожащую женщину, скорее напоминало вожделение. *Да и какого черта. Может, у нас это в крови. Может, это наше проклятие. Неудержимая тяга к отчаянным, безнадежным романам. Она была в крови моей матери. В крови брата. Неужели теперь моя очередь уступить пагубной склонности?*

Миранда шевельнулась. Повернулась к нему лицом. Эти невинные глаза… эти манящие, приоткрытые губы…

Он даже не пытался устоять.

У нее был запах лета, тепла, сладкого цветочного меда. Их губы едва встретились, а он уже жаждал большего, как будто отведал волшебного нектара и теперь не мог жить без него. Пальцы запутались в шелковых нитях ее волос. Он услышал ее тихое «пожалуйста» и интерпретировал его как «еще». Лишь когда она повторила громче и требовательнее «Нет, Чейз, нет», он опустил руки и отступил.

Они смотрели друг на друга, и его смятение отражалось в ее глазах. Миранда отступила еще на шаг. Нервно убрала за уши волосы.

– Я не должна была допускать это. Мы совершили ошибку.

– Почему?

– Потому что вы… вы скажете потом, что это я во всем виновата. Вы ведь так скажете Эвелине, да? Вы уже думаете, что именно так я и взяла на крючок Ричарда. Соблазнила. Окрутила. В такой сценарий все готовы поверить.

– И что, так оно и было?

– Вы же сами только что опробовали. Мы оказались вдвоем в одной комнате – и вот. Еще один бедняжка Тримейн сражен коварной обольстительницей. – В ее голосе зазвенели ледяные нотки. – Хотелось бы мне знать, кто кого соблазняет?

Какая она непостоянная , – подумал он. – *Какая переменчивая*. Еще немного, и разлетится на кусочки – не соберешь.

– Никто никого не соблазнял и не обольщал. Так вышло. Само собой. Натура перебирает струны, и мы не всегда можем сдержаться.

– Я смогу. На этот раз – смогу. Теперь-то я умнее. Спасибо вашему брату – кое-чему я у него научилась. И самое главное: не быть доверчивой с мужчинами.

Последние слова еще висели в воздухе, когда с крыльца донеслись неловкие шаги. Кто-то постучал в дверь.

Чейз повернулся и вышел из комнаты.

Миранда прислонилась к подоконнику – ноги вдруг стали словно ватные, и по телу разлилась слабость. *Я слишком близко его подпустила. Слишком ослабила защиту, а он мгновенно этим воспользовался.*

Надо быть осторожнее. Не забывать, что Чейз и Ричард – братья, а значит, вариации одной и той же темы. Темы, уже превратившей однажды ее жизнь в хаос. Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, выпуская из себя смятение и панику. *Возьми себя в руки*. Она отступила от подоконника, выпрямилась, расправила плечи, усилием воли разгладила лицо и, натянув маску спокойствия, последовала за Чейзом вниз по ступенькам.

Он уже разговаривал с кем-то в прихожей, и Миранда, прислушавшись, узнала свою старую знакомую по клубу садоводов, мисс Лилу Сент-Джон, местного специалиста по части выращивания многолетних цветов. Узнать мисс Сент-Джон можно было также по черному платью. Летом и зимой, в праздники и будни старушка неизменно носила черное, позволяя себе смягчать общий траурный тон скромным присутствием

белого кружева. Сегодня на ней оказалось черное прогулочное платье из жатого ситца. Оно, правда, не очень хорошо сочеталось с соломенной шляпкой и коричневыми сапожками, но в целом мисс Сент-Джон выглядела вполне достойно.

Заслышав шаги, старушка подняла голову и повернулась, но если появление Миранды и удивило ее, она ничем этого не выдала и, ограничившись кивком, устремила взор пронзительных серых глаз на разгромленный письменный стол. На крыльце подала голос собака. Через сетчатую дверь Миранда увидела нечто, более всего походившее на большой черный мохнатый комок с красным языком.

– Знаете, это ведь я виновата, – горевала мисс Сент-Джон. – Надо же быть такой дурехой.

– И чем же вы так провинились? – спросил Чейз.

– На прошлой неделе мы с Оззи гуляли тут неподалеку. Обычно мы всегда прогуливаемся на закате. В это время можно увидеть косулю. Вредитель, конечно, но наблюдать за ней интересно. И в какой-то момент я заметила за деревьями что-то вроде огонька. Мы подошли к коттеджу, и я поднялась на крыльцо и постучала. Никто не ответил, и я ушла. – Мисс Сент-Джон покачала головой. – Надо было, конечно, заглянуть. Я уже тогда почувствовала, что здесь что-то не так.

– А машину вы видели?

– Если вы приехали за добычей, вы же не станете ставить машину перед домом, правильно? Конечно, никакой машины не было. Я бы на их месте оставила автомобиль на дороге, за деревьями. А уже к дому подобралась бы пешком, незаметно.

Представить мисс Сент-Джон крадущейся через лес в черном платье было нелегко.

– Хорошо, что вы не стали заходить, – сказал Чейз. – Вас ведь могли убить.

– В моем возрасте смерть не такая уж большая беда, чтобы из-за нее беспокоиться. – Старушка подняла палку с набалдашником в форме утиной головы и потыкала в разбросанные по полу бумаги. – Как думаете, что он мог искать?

– Понятия не имею.

– Ясно, что не ценности. Вон там, на полке, это ведь лиможский фарфор, не так ли?

Чейз бросил взгляд на расписанную вручную вазу и неуверенно пожал плечами:

– Может быть. Вам виднее.

Мисс Сент-Джон повернулась к Миранде:

– А вы что об этом думаете?

Пара серых глаз впилась в нее цепким взглядом. Многие считали мисс Сент-Джон не более чем безвредной и даже милой эксцентричной старушкой, но Миранда знала, что простота обманчива. Разговаривая с мисс Сент-Джон о нарциссах и шпорнике, предметах, казалось бы, совершенно безобидных, она порой чувствовала себя новым образцом под увеличительным стеклом в руке бдительного садовода.

– Не знаю, что и думать, мисс Сент-Джон.

– А вы посмотрите на весь этот беспорядок. Разве он ни о чем не говорит?

Миранда скользнула взглядом по разбросанным бумагам и книгам, по книжному стеллажу. Пустовала только верхняя полка, две же другие остались как будто в неприкосновенности.

– Не все книги просмотрены. Вероятно, вора спугнули. Возможно, даже вы.

– Есть и другой вариант, – задумчиво заметил Чейз. – Он нашел то, что искал.

Мисс Сент-Джон живо повернулась к нему:

– И что это могло быть?

– Позволю себе предположить… – Чейз и Миранда переглянулись. – Материалы по «Стоун коуст траст».

– Вот оно что. – В глазах мисс Сент-Джон вспыхнули огоньки. – Конечно. Ваш брат вел кампанию против Тони Граффама. Да, Ричард и впрямь работал здесь иногда. Сидел у стола. Я видела его, когда прогуливалась неподалеку вечерами.

– А вы никогда с ним не заговаривали? Не спрашивали, над чем он работает?

– Нет, конечно. Мы ведь для того сюда и приходим, не правда ли? Чтобы побыть наедине с собой, подальше от любопытных. – Она взглянула на Миранду: – А вот вас, голубушка, я ни разу здесь не видела.

– Я ни разу здесь и не была, – ответила Миранда, неловко переступая с ноги на ногу под пристальным взглядом почтенной мисс Сент-Джон. Прямолинейность, с которой старушка отметила ее связь с бывшим владельцем коттеджа, стала для Миранды неприятным сюрпризом, но потом она пришла к выводу, что откровенность все же лучше деликатной обходительности, с которой подходили к этой теме другие.

Мисс Сент-Джон наклонилась, чтобы рассмотреть разбросанные листки.

– Поработать ему здесь пришлось – столько бумажек раскидать. Кстати, что это такое?

Чейз опустился на корточки.

– Похоже, какие-то старые статьи… финансовые отчеты… А это что? Персональные досье… Ого! Мисс Сент-Джон, тут и вы есть!

– Я? С какой стати? У меня никаких интервью никто не брал.

Чейз усмехнулся:

– Должно быть, неавторизованная версия.

– И что? Там все мои сексуальные грешки перечислены?

– Сейчас посмотрим…

– Дайте-ка их мне. – Мисс Сент-Джон ловко выхватила страничку из пальцев Чейза, пробежала взглядом по строчкам и прочитала вслух: – Возраст – семьдесят четыре года… владеет участком номер два, Сент-Джон-Вуд… фанатичная активистка местного клуба садоводов… *Фанатичная?* – Она оторвалась от листка и возмущенно фыркнула. – Эксцентричная затворница, в браке не состояла. Была обручена с Артуром Симоно, погибшим в боевых действиях в Нормандии… – Не дочитав до конца, мисс Сент-Джон сжала листок сухонькими пальцами и опустилась на ближайший стул.

– О, мисс Сент-Джон… – Миранда шагнула к старушке. – Мне так жаль…

«Фанатичная активистка» вздохнула.

– Это… это было очень давно.

– Просто невероятно! Он копался в вашей личной жизни, собирал факты без вашего разрешения. Но зачем ему это понадобилось?

– Хотите сказать, этим занимался Ричард? – чуть слышно спросила мисс Сент-Джон.

– Но ведь бумаги-то его.

Несколько секунд старушка смотрела на листок в своей руке, потом задумчиво покачала головой:

– Нет. Я не верю, что это мог написать Ричард. Здесь ошибка, которой Ричард никогда бы не допустил. Тут сказано, что мой коттедж находится на участке Сент-Джон-Вуд, но на самом деле он расположен в трех футах за разграничительной линией, на территории, принадлежащей Тримейнам. Ошибку допустил землемер семьдесят лет назад. Ричард знал об этом.

Чейз нахмурился:

– Впервые об этом слышу.

– Да. Земля вашей семьи идет за вторую каменную стену. Через нее проходит и вся подъездная дорога. Так что, строго говоря, мы все пользуемся вашей частной дорогой и являемся нарушителями. Раньше никто этому значения не придавал. Мы все жили здесь как одна большая семья. Но теперь… – Она покачала головой. – На острове столько чужаков. Все эти туристы из Массачусетса… – Последнее слово прозвучало в ее устах так, словно обозначало сам ад и всех его обитателей.

– К вам обращались люди из «Стоун коуст траст»? – спросила Миранда. – Насчет продажи участка?

– Они подкатывались ко всем, кто тут живет. Я, конечно, отказалась. И Ричард тоже. После этого о проекте можно было уже забыть. Без Роуз-Хилл «Стоун коуст траст» смогла бы приобрести только разрозненные участки, не имеющие сами по себе большой ценности. Теперь же… – Мисс Сент-Джон обреченно вздохнула. – Может быть, в этот самый момент Эвелина подписывает договор о продаже.

– Не подписывает, – усмехнулся Чейз. – На этот счет можете не беспокоиться. Роуз-Хилл не достался Эвелине. Ричард завещал участок Миранде.

Мисс Сент-Джон в полнейшем изумлении уставилась на обоих.

– Ну и ну, – протянула она после довольно долгой паузы. – Признаюсь, для меня такое развитие событий полная неожиданность.

– Для меня тоже, – добавила Миранда.

Оставив старушку наедине с размышлениями о превратностях судьбы, Чейз и Миранда собрали остальные бумаги: старые финансовые отчеты «Геральд», разрозненные вырезки, газетные статьи. Судя по всему, Ричард пользовался коттеджем как запасным офисом. Может быть, именно здесь он и хранил самые ценные документы? Миранда подумала об этом, наткнувшись на целую стопку персональных досье. Как и в случае с мисс Сент-Джон, в них содержалась конфиденциальная информация строго приватного характера.

Просматривая эти файлы, Миранда обнаружила абсолютно шокирующие детали. Так она узнала, что президент местного банка Форрест Мейхью арестовывался в Бостоне за управление машиной в состоянии алкогольного опьянения. Что член городского управления Джордж Лапьер, примерный семьянин с тридцатилетним стажем, лечился в прошлом году от сифилиса. Что доктор Стейнер – ее доктор! – подозревался в мошенничестве с медицинскими страховками.

Она протянула бумаги Чейзу:

– Вы только посмотрите. Ричард собирал грязь на весь город!

– Эй, а это что такое? – К задней стороне папки был приклеен желтый листочек с короткой, сделанной от руки надписью: *Мистер Т., желаете больше? Дайте знать. У.Б.Р* .

– Почерк не Ричарда. Похоже, этот У.Б.Р. – кто бы он ни был – отчитывался перед заказчиком о проделанной работе.

– У кого-нибудь в штате «Геральд» есть такие инициалы?

– Нет. По крайней мере, я таких не знаю. – Миранда протянула руку за лежащей на полу папкой из плотной бумаги. – А вот и еще одна записка от У.Б.Р. – На этот раз листок был не приклеен, а приколот к передней стороне папки. – *Все, что удалось достать. Извините. У.Б.Р.*

– И что внутри? – полюбопытствовала мисс Сент-Джон.

Миранда перевернула папку, вытряхнула бумаги, и глаза у нее поползли на лоб.

– Ого! Вот так! Здесь материалы на «Стоун коуст траст»!

– Джек-пот, – усмехнулся Чейз.

– Данных на Тони Граффама нет. Но есть его налоговая декларация. Номера счетов… банковские активы… – Миранда кивнула. – Мы наткнулись на настоящую золотую жилу.

– Не думаю, – подала голос мисс Сент-Джон.

Они посмотрели на нее.

– Если все эти бумаги так важны, то почему вор оставил папку здесь, а не захватил с собой?

Вопрос заставил их задуматься.

– Может быть, вора и не интересовала «Стоун коуст траст», – продолжала мисс Сент-Джон. – Я вот что имею в виду. Посмотрите на всю эту гадость, что собирал здесь Ричард. Полицейские рапорты. Вождение в пьяном виде. Жульничество с медицинской страховкой. Сифилис. Джордж Лапьер… подумать только! И в его-то возрасте! Да, эти документы вполне способны подпортить репутацию. А теперь скажите, ради этого стоит идти на риск и забираться в чужой дом?

Или убивать , – мысленно добавила Миранда. Зачем вообще Ричарду понадобилось собирать всю эту информацию? Опорочить известных на острове людей? Или для дел более темных? Например, шантажа? Понуждения к каким-то выгодным для себя действиям?

– Если кто-то забрался сюда, чтобы выкрасть документы на себя самого, то можно лишь предположить, что имени преступника мы здесь уже не найдем. А значит, Джордж Лапьер, доктор Стейнер и все прочие к взлому отношения не имеют.

– Не обязательно, – возразила Чейзу мисс Сент-Джон. – Что, если преступник просто подменил одни бумаги другими? Возьмем, к примеру, меня. В моем досье нет ничего скандального или ужасного. А что, если я сама пролезла в коттедж и заменила документы, изобличавшие меня как опасную преступницу, на вполне невинные?

Чейз улыбнулся:

– Хорошо, мисс Сент-Джон, в моем списке подозреваемых вы займете первое место.

– Не надо меня недооценивать, мистер Тримейн. Возраст еще не причина, чтобы сбрасывать кого-либо со счетов. У меня и сейчас здесь

побольше, – она постучала себя пальцем по голове, – чем у Джорджа Лапьера во цвете лет.

– Иными словами, – вставила Миранда, – вы хотите сказать, что присутствие чьего-либо имени в этой папке – как и отсутствие в ней такового – само по себе ничего не значит.

– Верно.

Миранда нахмурилась:

– Я вот чего не понимаю. Наш воришка обыскивает письменный стол. Выбрасывает бумаги, ищет некие инкриминирующие документы. Но зачем тогда искать что-то на книжном стеллаже? Никаких документов Ричард держать бы там не стал.

Мисс Сент-Джон задумалась и, не найдя объяснения, кивнула:

– Вы правы. Это бессмысленно.

– Что ж, думаю, мне следует позвонить Лорну. Хотя я и не уверен, что он сумеет чем-то помочь в данной ситуации. – Чейз снял трубку и уже стал набирать номер, когда его остановила мисс Сент-Джон:

– Подождите. Может быть, звонить и не понадобится. – Она наклонилась, подняла какой-то листок и аккуратно разгладила его на коленке.

– Почему? – недоуменно спросил Чейз, еще держа трубку в руке.

– Досье на Валери Эверхард. Вы должны ее помнить, Чейз. Местная библиотекарша. Замужняя дама. Если верить тому, что здесь сказано, Валери завела любовника.

– И что с того?

– Мужчина, с которым она встречается, возглавляет местную полицию. – Мисс Сент-Джон подняла голову. В ее глазах уже не прыгали смешинки. – Это Лорн Тиббетс.

– Зачем ему понадобилась вся эта гадость? Что он собирался делать?

Уже стемнело. Они возвращались в город. Наплывавший с моря туман стелился над дорогой, расползался по траве, клубился в свете фар. В этой колышущейся пелене все выглядело призрачным, нереальным, незнакомым. Они ехали по чужой территории, пробиваясь сквозь казавшееся бесконечным мглистое облако.

– На Ричарда не похоже, – сказал Чейз. – Вынюхивать, собирать факты из частной жизни соседей не в его характере. У него и собственных грехов хватало. Если кого и шантажировать, так самого Ричарда. Да и кого интересует, что Лорн завел интрижку с библиотекаршей?

– Ее мужа.

– Ладно, пусть так. Но Ричарду-то какое до них дело?

Ответа у Миранды не нашлось, и она покачала головой.

– Интересно, знал ли кто-то об этих документах? Мисс Сент-Джон, например, ничего не знала. – Она посмотрела на лежащую на коленях стопку бумаг. Боже, сколько здесь ужасных, неприятных секретов. Выкинуть бы их все. Сжечь. Чтобы и не было ничего. Да и самой бы стало легче. – Послушайте, а откуда нам знать, что это все правда?

– Мы и не знаем, – усмехнулся Чейз. – Разве что наведаемся к Джорджу Лапьеру и спросим, лечился ли он от сифилиса.

Миранда перевернула папку и посмотрела на приклеенный листок:

– Интересно, кто такой этот У.Б.Р.

– Вам инициалы ни о чем не говорят?

– Нет.

Тьма сгущалась. Глядя в окно, Миранда размышляла о заключенных в папке секретах. Банкир с пагубным пристрастием к виски. Врач, жульничающий с медицинскими страховками. Муж, обманывающий жену. И все это под маской респектабельности. У каждого своя слабость, свой грех, своя боль.

– А почему именно эти люди? – спросила она вдруг.

– Может быть, потому, что они в случае разоблачения теряют больше других? – предположил Чейз. – Все они из известных и уважаемых на острове семей. Лапьеры, Эверхарды, Сент-Джоны...

– За исключением Тони Граффама.

– Верно. Думаю, на него тоже досье имеется. – Чейз помолчал, потом тряхнул головой. – Подождите-ка. Это же и есть наша ниточка.

– Что?

– Северный берег. Вы живете здесь относительно недавно и плохо их знаете, а я с ними вырос. Помню, в детстве летом играл с Тоби Лапьером. И Дэниелом Стейнером тоже. И с Валери Эверхард. У них у всех коттеджи на северном берегу.

– А если это простое совпадение?

– Может, совпадение, а может, и нет.

На шоссе туман поредел.

– Сейчас приедем к вам и давайте посмотрим хорошенько на все эти имена. Проверим мою догадку.

Через полтора часа они уже сидели за обеденным столом, разложив перед собой бумаги. Остатки наспех приготовленного ужина – омлет с грибами и тосты – были сдвинуты в сторону, и каждый пил по второй чашке кофе. Почти домашняя сцена, с грустью думала Миранда. Как будто муж и жена задержались после обеда за общим делом. Только вот мужчина, сидящий напротив, никогда в эту картинку не впишется. Он здесь временно. Просто посетитель, мимоходом оказавшийся в ее кухне.

Отогнав неуместные мысли, Миранда сосредоточилась на списке. Чейз только что проверил последнее имя.

– Итак, вот он, список. Все, кто оказался в папке Ричарда. И я почти уверен, что у каждого из них есть какая-то недвижимость на северном берегу.

– А кого не хватает?

Чейз откинулся на спинку стула и закрыл глаза, мысленно пересчитывая участки вдоль подъездной дороги.

– Во-первых, конечно, сам Ричард. Потом старик Салуэй, чуть ниже по дороге. Добывает лобстеров, живет отшельником. Дальше Французов коттедж. По-моему, его давным-давно продали каким-то хиппи. Так я, по крайней мере, слышал. Они приезжают на лето.

– Значит, сейчас они здесь.

– Если еще не перепродали участок. Но они нездешние, и я не думаю, что Ричард стал бы копать под них. Что касается старика Сэлли, то в восемьдесят пять шантажа можно уже не бояться.

Шантаж. Миранда посмотрела на список:

– Но что задумал Ричард? Что он имел против всех этих людей?

– Может быть, это как-то связано с земельным перепрофилированием? Может быть, кто-то из них входит в состав земельной комиссии?

– В любом случае голосовать они не могли, иначе бы их дисквалифицировали. Вы же понимаете, конфликт интересов. – Миранда устало потянулась. – Может быть, наш вор искал что-то совсем другое.

– Тогда вопрос следует поставить так: нашел он то, что искал, или нет?

На ответ времени не хватило – откуда-то из глубины дома донесся звук разбитого стекла. Они переглянулись. Миранда вскочила. И тут же Чейз схватил ее за руку и поднес палец к губам – молчи. Вместе они осторожно прошли из столовой в гостиную. Все окна здесь были целы. Они постояли, прислушиваясь. Ничего. Тишина. Чейз двинулся к спальне.

Они проходили холл, когда звук повторился, но теперь уже более отчетливый, громкий.

– Это в подвале! – прошептала Миранда.

Чейз торопливо вернулся в кухню, щелкнул выключателем на стене и рывком открыл дверь в подвал. Над узкой лестницей вспыхнула лампочка. Подножие лестницы скрывал какой-то странный, вихрящийся туман. Едва спустившись на пару ступенек, оба почувствовали запах дыма.

– У вас там пожар! – крикнул Чейз. – Где огнетушитель?

– Сейчас принесу! – Миранда метнулась в кухню, схватила с полки в кладовой огнетушитель и скатилась по ступенькам в подвал.

Дым валил уже такой, что у нее защипало в глазах. Обнаружить источник оказалось нетрудно: на бетонном полу пылал ворох тряпок. Неподалеку, под разбитым окном, лежал кирпич. Миранда сразу поняла, что случилось, и паника мгновенно сменилась гневом. *Как они посмели разбить мое окно? Как они посмели напасть на меня в моем доме?*

– Назад! – крикнул Чейз, устремляясь в дымную завесу. Под ногами захрустело битое стекло. Выхватив у Миранды огнетушитель, он направил на огонь белую шипящую струю. Пламя опало и погасло под надежным покрывалом пены. Остался только дым, вонючая пелена, собравшаяся серым облаком вокруг голой лампочки.

– Все, потушили. – Чейз прошел по подвалу, высматривая потенциальные очаги воспламенения и не замечая Миранду, которая с побелевшим от злости лицом, сжав кулаки, замерла на битом стекле.

– Почему они не оставят меня в покое! – воскликнула она.

Чейз повернулся и внимательно посмотрел на нее.

– Хотите сказать, это случалось и раньше? – мертвенно-спокойным голосом спросил он.

– Не это. Нет. Но звонки были. С угрозами. И еще надписи… на окне.

– Что за надписи?

– А вы как думаете? – Миранда сглотнула и отвернулась. – Что могут писать убийце?

Чейз шагнул к ней.

– Знаете, кто это делал?

– Я говорила себе… убеждала, что это мальчишки. Но ведь мальчишки не подожгли бы мой дом.

Чейз посмотрел на кирпич, потом на разбитое окно.

– Идиотский способ поджигать дома. – Он подошел к ней, обнял за плечи, и она ощутила в его прикосновении и тепло, и силу, и смелость. – Я позвоню в полицию.

Миранда кивнула. Вместе они направились к лестнице, но едва лишь поднялись на несколько ступенек, как дверь над ними вдруг захлопнулась. А мгновением позже скрипнула задвижка.

– Нас заперли! – воскликнула Миранда.

Чейз рванулся вверх и принялся колотить в дверь, а потом в отчаянии бросился на нее плечом.

– Дверь прочная. Вам ее не сломать, – вздохнула Миранда.

– Я уже понял, – буркнул Чейз.

Вверху, над ними, кто-то прошел. Миранда замерла, отслеживая взглядом маршрут непрошеного гостя.

– Что он делает? – шепотом спросила она.

Словно в ответ на ее вопрос лампочка под потолком мигнула и погасла. Подвал погрузился во мрак.

– Чейз?

– Я здесь! Здесь. Протяни руку.

Она сделала два или три осторожных шажка вслепую, и Чейз нашел ее запястье.

– Все в порядке, – прошептал он, привлекая ее к себе. Оказавшись в его объятиях, ощутив надежную опору и поддержку, она мгновенно успокоилась. – Мы справимся. Надо лишь отыскать выход. Через окно нам не выбраться. А еще одна дверь есть? Люк для угля?

– Есть старый люк. Возле котла. Через него можно попасть в боковой дворик.

– Отлично. Посмотрим, сумеем ли мы открыть его. Вам придется подвести меня к люку. Сможете?

Вместе они сошли по ступенькам и двинулись через подвал, осторожно ступая по битому стеклу. Путь в считаные ярды казался путешествием длиной в вечность, а тьма такой плотной, что ее можно было почувствовать на ощупь. Наконец протянутая рука Миранды наткнулась сначала на трубы, потом на холодный, сырой гранит подвальной стены.

– Где люк? – спросил Чейз. – Направо или налево?

– По-моему, налево.

Снова скрипнул пол… хлопнула дверь. *Ушли* , – с облегчением подумала Миранда.

– Нашел масляный бак, – сообщил Чейз.

– Люк должен быть над ним. Там ступеньки…

– Сюда. – Чейз выпустил ее руку.

Она знала, что он рядом, но в одиночку противостоять панике стало труднее. Хотя бы лучик света! Увидеть хотя бы что-нибудь! Она слышала тяжелое дыхание, слышала скрип и усталый стон с натугой поднимающегося люка. Над головой у Чейза проступила бледная полоса, потом в темноте обозначились контуры самой головы, а затем из мрака

выплыли другие детали: громоздкая тень котла, масляный бак, медные трубы… Как светло!

Слишком светло.

Но откуда свет?

Страх сжал сердце. Миранда обернулась. В осколках оконного стекла прыгали оранжевые отблески пламени. Огонь!

– О боже, – выдохнула она. – Чейз!

Он оглянулся и на мгновение замер. В это мгновение окно как будто вспыхнуло. Пламя грозно загудело.

– Надо выбираться! – Чейз налег на люк. – Не могу открыть, – прохрипел он.

– Подвинься, я помогу.

Теперь они упирались вместе. В разбитое окно уже заползал, клубясь, дым. Затрещали половицы. Пламя жадно, как изголодавшееся чудовище, пожирало дом. Пока большая часть жара уходила вверх, к крыше, но балки не могли продержаться долго. Миранда понимала, что, когда все рухнет, они будут погребены под горой обломков.

Крышка не поддавалась.

Чейз схватил огнетушитель и принялся колотить им о дерево.

– Я попытаюсь пробиться здесь, а ты беги к окну и зови на помощь!

Миранда перебралась к окну. Дым валил густым, удушающим облаком. Она едва дотянулась до рамы и оглянулась, ища глазами стул, ящик или что-нибудь еще, на что можно было бы встать. Ничего. Как назло.

И тогда Миранда закричала. Закричала так, как не кричала никогда в жизни. Но и взывая о помощи, она знала – никто не придет. Подвальное окно выходило на задний двор, и ее никто не слышал. Пламя уже пробивалось в щели между половицами. Дерево со стоном проседало. Сколько им осталось? Сколько еще продержится Чейз, прежде чем свалится, надышавшись дымом? Она и сама уже задыхалась.

Как в духовке. А будет еще жарче…

Глава 8

Чейз отчаянно, из последних сил колотил огнетушителем о крышку люка. Доска трещала, но держалась.

– Крышку прибили гвоздями! – крикнул он. – Зови на помощь!

Миранда звала, кричала и кричала, пока хватало связок, пока голос не сошел на хрип.

Где-то залаяла собака. Издалека долетели крики мистера Ланцо. Она попыталась позвать его, но издала только жалкий вопль, на который никто не отозвался. Может, показалось? Или сосед просто не услышал?

А если и услышал, догадается ли, что крики идут из подвального оконца? Спасение было так близко и так недостижимо. Будь она чуть повыше, могла бы подтянуться, просунуть руку через разбитое стекло, дотронуться до земли. Там, совсем близко, свежие клумбы с ее любимым шпорником и только что посаженными фиалками.

Картина сада со вскопанными клумбами вспыхнула вдруг в голове. Она ведь перекапывала землю. Работала мотыгой. И где ее оставила? Где-то у стены…

Да, под подвальным окном.

Миранда встала на цыпочки, голой рукой выбила торчащие куски стекла. По пальцам, по запястью поползло что-то теплое. Кровь, с безразличием стороннего наблюдателя подумала она. Боли не было – паника заглушила все, кроме отчаянного стремления спастись от наступающего огня. Миранда высунула руку и провела пальцами по стене. Справа – ничего, только грубоватая дранка над гранитным фундаментом. Она подалась влево, пошарила по раме и наткнулась на теплый металл. Так и есть – мотыга!

Миранда сжала ее с такой силой, что пальцы даже занемели. Потянула. Мотыга проползла к середине окна. Теперь бы втащить ее в окно. В последний момент сил не хватило, и мотыга упала, глухо звякнув о бетонный пол.

Кашляя и задыхаясь, Миранда подняла ее и шагнула сквозь дым к люку.

– Чейз? Где ты?

– Здесь!

Она шагнула на голос, но где-то на полпути потеряла направление. Все кружилось, словно подвал стал частью карусели. *Нельзя,* – приказала она себе. – *Терять сознание нельзя. Если упаду, уже не встану*. Колени

подгибались. *Сейчас бы свежего воздуха. Хотя бы один глоточек.* Она опустилась на бетонный пол. Сырой и прохладный. *Какое удовольствие лежать на нем …*

– Миранда!

Крик всколыхнул остатки сил. Она встала на колени.

– Я… я тебя… не вижу…

– Я тебя найду! Только не молчи!

– Нет, оставайся на месте, а то мы разминемся. – Она поползла на его голос, волоча за собой мотыгу. Сверху уже падали и мерцали на полу угольки. Ничего не видя из-за дыма, Миранда опустила ладонь на один такой уголек, и острая боль прошила кожу. Она всхлипнула.

– Я иду за тобой!

Голос донесся издалека, как будто из какого-то другого помещения. Она еще сообразила, что теряет сознание, что все вокруг уходит в темь и что эта темь и есть геенна огненная, где ей суждено умереть. Тем не менее она проползла еще несколько дюймов вместе с драгоценной мотыгой.

– Миранда! – Голос звучал уже совсем далеко, из другого мира, иной вселенной. И это было ужаснее всего – умереть в одиночестве, не получив даже последнего утешения…

Только бы коснуться его руки…

Она в последний раз подалась вперед…

И натолкнулась на его руку. Его пальцы мгновенно сжали ее запястье и потянули. Прикосновение чудесным образом придало сил. Она даже поднялась на колени.

– Вот… – Миранда закашлялась, но все же протянула ему мотыгу. – Подойдет?

– Должно. – Чейз, пошатываясь, поднялся. – Не вставай. Убери голову.

Она слышала, как он захрипел и как металл глухо врезался в дерево. За первым ударом последовал второй… третий… Полетели щепки. Что-то осыпалось ей на голову. Чейз закашлялся. Миранда видела, что он едва стоит на ногах.

Замах. Удар.

И крышка поддалась. В пробоину хлынул прохладный воздух. Но и пламя, получив порцию кислорода, ожило и жадно загудело. Тут и там что-то вспыхивало, трещало, шипело. Миранда припала к полу. Горящая щепка воткнулась в волосы. Она смахнула ее. В нос ударил запах горелого.

Чейз, глотнув свежего воздуха, поднял мотыгу…

Удар!

И крышка рассыпалась.

Миранда почувствовала, как ее отрывают от пола и тащат вверх, через какой-то длинный, темный туннель. Света в его конце она не видела, да и конца тоже. Была только тьма, шум в голове и ощущение боли от вцепившихся ей в руку когтей.

А потом вдруг она оказалась на траве.

И Чейз был рядом, обнимал, гладил волосы, лицо…

Она втянула в себя весь воздух, какой только был. Даже легким стало больно. Закашлялась. Вдохнула еще. И еще. И еще…

Какой же он сладкий! И как пьянит!

Ночь вдруг наполнилась звуками – воем сирен, криками, треском огня. Она оглянулась и похолодела от ужаса – пламя поднималось до неба!

– Боже… Мой дом…

– Мы выбрались, – прохрипел Чейз. – Это главное. Мы живы.

Миранда моргнула – его перепачканное сажей лицо в отсветах пожара напоминало жуткую маску.

Секунду или две они таращились друг на друга, словно еще не веря до конца в чудо.

– Миранда. – Он наклонился и прижался губами к ее лбу, глазам, щеке. От него пахло дымом, потом и отчаянием. А потом обоих разом накрыла волна облегчения, и они, дрожа от шока, вцепились друг в друга.

– Мо? Милая? Ты цела?

Мистер Ланцо в пижаме и тапочках ковылял к ним через лужайку.

– Я боялся, что ты внутри. Говорил этим идиотам-пожарникам, что слышу крики, а они не верили!

– Мы в порядке. – Чейз сжал ее лицо ладонями и крепко поцеловал в губы. – У нас все хорошо.

Где-то лопнуло, как будто взорвалось, оконное стекло.

– Эй! – заорал пожарник. – Всем отойти! Назад! Назад!

Чейз помог ей подняться, и они вместе отступили на лужайку мистера Ланцо. Пожарные разворачивали шланги. Струи воды уже пригибали языки пламени.

– Ох, милая, – вздохнул мистер Ланцо. – Слишком поздно. Его уже не спасти.

И словно в подтверждение его слов, с жутким стоном рухнула крыша. Фонтан огня ударил вверх, разбрызгивая красные и оранжевые искры. Ночное небо вспыхнуло и задрожало.

Все сгорело. Все, что у меня было. Я потеряла дом.

От горя хотелось плакать, от злости – кричать, но Миранда как будто впала в транс. В странном оцепенении она смотрела на огонь.

– Мисс Вуд?

Миранда медленно обернулась.

Рядом стоял Лорн Тиббетс.

– Что здесь случилось?

– Что случилось? А вы, черт возьми, как думаете? – рявкнул Чейз. – Кто-то поджег дом. Когда мы были внутри.

Полицейский посмотрел на Миранду. Она ответила невидящим взглядом. Он повернулся к дому, уже превратившемуся в груду горящего мусора.

– Давайте проедем со мной. Мне понадобятся ваши показания.

– Ну, теперь верите? – спросил Чейз. – Ее пытаются убить.

Лицо Лорна Тиббетса не выразило ровным счетом ничего, оставшись абсолютно бесстрастным, как у картежника из известной поговорки.

Некоторое время он рисовал что-то на полях блокнота. Получилась цепочка треугольников, соединенных в некое подобие кристалла. Геометрическое творение геометрически устроенного ума. Закончив, Тиббетс несколько раз щелкнул ручкой, повернулся к двери и крикнул:

– Эллис!

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова Эллиса:

– Да, Лорн?

– Ты закончил с мисс Вуд?

– Да. Все записал.

– О’кей. – Тиббетс поднялся и шагнул к выходу.

– Подождите, – окликнул его Чейз. – И что теперь?

– Я поговорю с ней. Эллис поговорит с вами.

– То есть мне нужно рассказать все еще раз?

– Такой у нас здесь порядок. Независимый опрос. Обычная полицейская процедура. – Он заправил в брюки выбившуюся полу рубашки, пригладил волосы и вышел.

Заняв освободившееся место, Эллис Снайп дружелюбно улыбнулся:

– Здравствуйте, мистер Тримейн. Как дела?

Глядя на глуповатое лицо с неизменной щербатой ухмылкой, Чейз невольно подумал, что такого полицейского можно показывать в комедиях.

– Давайте начнем с самого начала, – бодро предложил Эллис.

– С какого начала?

Эллис растерянно заморгал:

– Ну… э… А вы решайте сами.

Чейз вздохнул и машинально взглянул на дверь. Как там Миранда? Что бы ни говорил доктор Стейнер, а следовало бы ее отправить в больницу. Старый хрыч всего лишь перевязал порезанные о стекло руки, обследовал легкие и объявил, что в госпитализации необходимости нет.

Чего доктор не принял во внимание, так это ее эмоционального состояния. А ведь человек лишился дома, потерял все имущество и не знает, как жить дальше. Больше всего на свете ей нужны покой, тихое, безопасное место, где можно привести в порядок мысли, обдумать создавшееся положение…

– Ну же, мистер Тримейн. Может, все-таки проявите сознательность и постараетесь помочь?

Чейз снова посмотрел на Эллиса. Спорить с таким совершенно бессмысленно, да и сил уже не осталось. Эллис Снайп напоминал робота, способного лишь исполнять полученную инструкцию. Если понадобится, будет сидеть вот так всю ночь и ждать, пока Чейз соизволит заговорить.

Второй раз за вечер Чейз излагал одну и ту же историю. Начал он с посещения коттеджа, обнаружения признаков незаконного проникновения и секретных досье. Информацией о связи Лорна Тиббетса с библиотекаршей он делиться с Эллисом не стал. Прямого отношения к делу это не имело, да и не все ведь подлежит обязательному разглашению.

Эллис записывал показания мелким, напоминающим кружевные узоры почерком, воспроизвести который человек с нормальной психикой, скорее всего, не смог бы.

Когда Чейз закончил, полицейский задал всего один вопрос.

– В этих секретных файлах было что-нибудь обо мне?

– Ни слова.

Эллис даже не стал скрывать разочарование.

И что дальше, думал Чейз, оставшись один. Пришлют третьего? Происходящее все более и более превращалось в некую сюрреалистическую пьесу, бесконечно повторяющийся кошмар. Минут десять он ждал продолжения, потом, устав от ожидания и исчерпав терпение, отодвинул стул и отправился на поиски Миранды.

Поиски привели в ту самую комнату для допросов, где он увидел ее в первый раз неделю назад. Миранда сидела одна. На щеке у нее темнело пятно от копоти, волосы казались серыми от пепла.

Увидев его, она устало пожала плечами:

– Им бы с грешниками в аду работать.

Он улыбнулся и, бросив взгляд на перевязанную руку, спросил:

– Все так серьезно, как выглядит?

– Нет. Просто для нашего доктора каждая царапина – угроза жизни. – Она посмотрела на торчащие из-под бинтов пальцы. – Я уж испугалась, думала, будет настаивать на ампутации.

– Ампутировать такую милую ручку? Я бы не позволил.

Миранда попыталась улыбнуться, но смогла выжать только невеселую гримасу.

– Вам нужно уехать с острова.

– Не могу. По условиям освобождения…

– К черту условия! Вам нельзя здесь оставаться. Не ждать же следующего наезда или поджога.

– Мне не разрешено покидать территорию округа.

– В этот раз вам повезло. В следующий…

– И что вы предлагаете? – вспыхнула Миранда. – Бежать? Скрываться?

– Да.

– Бежать – от чего? Прятаться – от кого? Я даже не знаю, кто хочет моей смерти! – Крик отскочил эхом от голых стен, и Миранда покраснела, словно устыдившись своей несдержанности. – Уеду и уже никогда не узнаю, от кого бегу, – негромко добавила она. – Жить в неопределенности, страхе. Чувствовать себя загнанным зверем. Разве это жизнь? Просыпаться по ночам от малейшего звука. Прислушиваться, не скребется ли кто в дверь. Дрожать при каждом скрипе половиц. – Она поежилась, опустила голову.

Господи, – подумал он. – *И угораздило же меня связаться с этой женщиной. Она – не моя проблема. Я не ее рыцарь на белом коне. Все, что нужно, это выйти отсюда и никогда больше ее не видеть. Никто меня не упрекнет* .

И голос, в котором Чейз узнал свой собственный, ответил: *Я упрекну*.

Он выдвинул стул. Сел напротив. Миранда даже не подняла головы. Не оторвала глаз от потертого стола.

– Ладно, вы не хотите уезжать. Что будете делать?

Она пожала плечами. И столько беспомощности и отчаяния было в этом жесте, что у него защемило сердце.

– Разве это важно?

– Важно. Для меня.

– Почему? – Теперь Миранда посмотрела на него. Посмотрела так, что его вдруг потянуло говорить вещи, которые лучше не говорить, чтобы не жалеть потом. Что ему небезразлично, жива она или нет. Что ему важно, что будет с ней дальше.

Он сказал другое. Сказал то, что диктовалось логикой, а не сердцем.

– Случившееся сегодня каким-то образом связано с Ричардом. Вторжение в Роуз-Хилл. Поджог. Вы сами.

Она горько усмехнулась:

– Да, похоже, во всем этом мне отведена какая-то роль. Знать бы только какая.

Дверь открылась.

– Вот вы где, – удивился Эллис. – Мистер Тиббетс сказал, что вы можете быть свободны. Сказал, больше вопросов у него нет.

Глаза б мои вас не видели , – неприязненно подумал Чейз, направляясь вместе с Мирандой к выходу из полицейского участка. Лорн сидел за столом и разговаривал с кем-то по телефону. Увидев Миранду с Чейзом, он жестом попросил их задержаться.

– А, черт, – пробормотал Чейз. – Наверное, придумал еще какой-то вопрос.

Лорн положил трубку и, повернувшись к Эллису, сказал:

– Приготовь машину. У нас еще один вызов.

– Этого только не хватало, – заныл Эллис, отправляясь к гаражу. – Вот же вечерок выдался.

Лорн взглянул на Миранду:

– Вам есть куда пойти, мисс Вуд?

– Я отвезу ее в отель, – сказал Чейз.

– Я бы посоветовал поискать место понадежнее. Может быть, у кого-то из друзей.

– Можно обратиться к мистеру Ланцо, – неуверенно предложила Миранда.

– Нет, я отвезу вас к Энни, – решил Чейз. – У той, по крайней мере, с головой все в порядке.

– Да, такой вариант лучше, – согласился Лорн, снимая с крючка шляпу. – Учитывая обстоятельства.

– Какие обстоятельства? – насторожился Чейз.

– Возле дома мисс Вуд обнаружены две пустые канистры из-под бензина. Да еще два гвоздя, которыми приколотили крышку люка.

Миранда замерла. Вот оно. Неопровержимое доказательство того, что кто-то пытается убить ее. У нее подкосились ноги. Если бы рядом не было Чейза...

– Теперь-то вы мне верите, – прошептала она.

Лорн нахлобучил шляпу.

– Позвольте мне сказать вам кое-что, мисс Вуд. Такого у нас на острове еще не было. И мне очень не нравится, какой оборот принимают дела.

– Что еще случилось?

– Нападение. Хотите верьте, хотите нет – на мисс Лилу Сент-Джон. Она только что позвонила.

– На нее напали? – изумился Чейз. – Но почему?

– По словам мисс Сент-Джон, она пыталась предотвратить незаконное вторжение, – ответил Тиббетс, всем видом показывая, что не воспринимает жалобу старушки всерьез. – Незаконное вторжение в Роуз-Хилл.

– Ну и что? – Энни Беренджер щедро разлила виски по трем стаканам. – Мне дадут написать обо всех этих маленьких тайнах? Или предложат поработать сиделкой за спасибо?

– Я думал, вы с Мирандой подруги.

– Мы и есть подруги. Но я еще и репортер. – Энни протянула Чейзу стакан. – Я обязана использовать ситуацию в профессиональных целях. – Она бросила взгляд на дверь ванной, где принимала душ Миранда. – Знаете, выглядит она не очень. Вы не думаете, что ей нужен больничный уход?

– Я думаю, Миранде будет лучше здесь. При условии, конечно, что вы за ней присмотрите.

– Прекрасно. Мечты сбываются. Всегда хотела побывать мамочкой. – Энни решительно опрокинула стаканчик. – Вы только не поймите меня неправильно. Миранда мне нравится. Я и сама была когда-то такой же. Лет сто назад. – Она потянулась за бутылкой. – Но женщины в наше время взрослеют быстро. Приходится. Нас старят мужчины. Взять хотя бы моего дружка, Ирвинга. Целый год жду, когда же предложение сделает. Оттого и седина. – Энни налила виски, отпила глоток и посмотрела на Чейза. – Так что, большие неприятности?

– Опасность есть. Вы к этому готовы?

– Готова ли я? – Она поднялась, подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала револьвер. – Сувенирчик из Бостона. Стрелок я паршивый, но бывает, что и попадаю. Ну как, годится?

– Впечатляет.

Энни рассмеялась:

– На вашего брата впечатление произвести нетрудно, надо только ствол показать поболе. – Она вернула револьвер на место, задвинула ящик и, услышав, что дверь ванной открылась, обернулась: – Привет. Ну как? Полегчало?

– Да, по крайней мере, грязь смыла. – Миранда босиком прошлепала в гостиную. Широченная футболка Энни висела на ней как платье.

Хозяйка протянула ей стакан:

– Присоединяйся, выпьем.

– За что?

– Просто выпьем. Тост потом придумаем.

Миранда подошла к столу и взяла стакан. С собой она принесла запах свежести, цветов, мыла и особенного, уютного женского тепла. Влажные

волосы обрамляли лицо непослушными прядями. При виде ее у Чейза закружилась голова. Или это от виски?

– Так что теперь? – спросила Энни.

Чейз отвернулся, поставил стакан на стол.

– Полиция начала расследование.

– Полиция? Послушайте, я работаю с ними пять лет, и на вашем месте на многое бы не рассчитывала.

– Лорн – парень неглупый. Если постарается, виновного найдет.

– Вот только станет ли стараться? Вы же не знаете, на чьей он стороне. Я не хочу сказать, что Лорн продажен и все такое. Но компромат на него есть, так ведь?

– Интрижка с местной библиотекаршей? – Чейз пожал плечами. – Мелкий скандал и не больше.

– Вы спрашивали Лорна, правда ли это?

– Спрашивал. Он и не отпирался. Похоже, его такие вещи не беспокоят.

– Энни, а ты знала, что Ричард собирает эти досье? – спросила Миранда.

Энни пожала плечами:

– Какие-то досье на местных воротил у нас были. Джил брала интервью, писала статьи. Каждое лето мы составляли несколько профайлов. Но ничего скандального. – Она опустила стакан. – Да и не важно, что там было, в тех папках – теперь все дым. Жаль, что у вас нет копий. Вы потеряли единственный ключ.

– Я так не думаю, – возразил Чейз. – Мы взяли то, что оставил вор. А вот то, что он действительно искал, все еще в Роуз-Хилл.

– Почему вы так думаете?

– Потому что сегодня он туда вернулся.

– Не рассчитал только, – вставила Миранда, – что столкнется с мисс Сент-Джон. Снова.

Энни покачала головой и рассмеялась:

– Какой незадачливый вор!

Сама же мисс Лила Сент-Джон в этот самый момент прикладывала пакет со льдом к ужасной, размером с гусиное яйцо, шишке на затылке.

– Что за странный вопрос, хорошо ли я его рассмотрела! – ворчала старушка. – Принимая во внимание, куда он мне влепил, вы полагаете, что я должна была его рассмотреть?

– Это стандартный вопрос, мэм, – попытался оправдаться Эллис.

– В том-то и проблема с вами, полицейскими. Вы настолько связаны стандартной процедурой, что не удосуживаетесь подумать.

– Мисс Сент-Джон, – вежливо вмешался Лорн, – позвольте мне перефразировать вопрос Эллиса. Что вы все-таки видели?

– Очень мало.

– Фигуру? Лицо?

– Только свет. Как я уже говорила, я сидела и читала. «Смерть становится тобой».

– Извините.

– Это книга так называется. Главный герой – полицейский с айкью гения. – Она выдержала паузу. – Ясно, что в действительности так не бывает.

Лорн предпочел не заметить колкости. Право на снисхождение мисс Сент-Джон сегодня заслужила. Как-никак от удара по голове – даже такой твердокаменной – человек доброжелательнее не становится.

– Продолжайте.

– Так вот. Я отложила книжку, чтобы приготовить чаю. И случайно посмотрела в окно. Оно выходит на юг, в сторону Роуз-Хилл. Вот тогда я и увидела свет.

– Свет фар?

– Нет, не такой сильный. Думаю, свет фонарика. Он двигался через лес. И направлялся в сторону Роуз-Хилл. Больше в той стороне ничего нет. Поэтому я и решила пойти и проверить.

– Почему вы не позвонили нам?

– Потому что это мог быть кто-то из Тримейнов. Подумайте сами, как бы я выглядела, если бы притащила вас туда из-за того, что не узнала законного владельца.

– Насчет того, кто именно является сейчас законным владельцем, полной ясности нет.

– Давайте не будем вдаваться в детали вопроса. Так или иначе, я вышла из дому и…

– Одна?

– Если бы! Ничего бы не случилось, если бы за мной не увязался Оззи!

– Оззи? – подал голос Эллис.

Словно по команде, здоровенный черный пес пересек комнату и уставился на изрядно струхнувшего недотепу.

– Да, ты, конечно, показал себя во всей красе, – с укоризной обратилась к собаке старушка. – И тявкал, и через кусты ломился, как лось. Неудивительно, что так никого и поймал. – Она повернулась к Лорну: – Это все он виноват. Потащился за мной по дороге. А огонек исчез. Оззи так неприлично себя вел. Пришлось дать ему тумака. И в этот самый момент он мне и влепил.

– Оззи? – уточнил Эллис.

– Нет! Тот, мужчина. Или женщина. Было темно, и я не разобрала.

– Вы потеряли сознание?

– Даже не знаю. В этом месте у меня небольшая путаница. Помню, что стояла на коленях в кустах. Слышала, как кто-то убегал. И еще помню, что была чертовски зла. – Мисс Сент-Джон бросила сердитый взгляд на пса. – Да, на тебя.

Вместо того чтобы проявить раскаяние, Оззи как ни в чем не бывало облизал новенький ботинок Лорна. Последний деликатно пнул его в бок. Оззи обиженно отвернулся и перенес внимание на другой объект – ботинок Эллиса.

– Значит, нападавшего вы так и не увидели? – уточнил Лорн.

– К сожалению, нет.

– Что было потом?

– Я вернулась домой. Немного, правда, поплутала в темноте, но в конце концов нашла дорогу и сразу же позвонила вам.

– Когда случилось это… нападение?

– Около двух часов назад.

Примерно в то самое время, прикинул Лорн, когда в огне рушился дом Миранды Вуд. Мог ли один и тот же злоумышленник и поджечь дом, и напасть на мисс Сент-Джон у коттеджа Роуз-Хилл? Нет, такое представлялось невероятным. А если так, то… Два преступления и два преступника. Плохо. Очень плохо.

Лорн предпочитал простые дела и простые решения.

– Вы уверены, что нападавший направлялся к Роуз-Хилл? – спросил он.

– Я это знаю. И он еще вернется.

– Почему?

– Потому что он не получил то, что хотел.

– Вы имеете в виду те компрометирующие досье?

Мисс Сент-Джон посмотрела на него глазами невинного ребенка.

– О… Так вы уже знаете?

– Да, знаю. К вашему сведению, мэм, не я проявил инициативу. Валери Эверхард первой пришла ко мне.

Эллис, пытавшийся защитить от ласк любвеобильного пса свои колени, вскинул голову.

– А что такое с Валери Эверхард?

– Не важно, – хором отрезали Лорн и мисс Сент-Джон.

– Там и на меня кое-что было, – с ноткой гордости заметила старушка. – Как и почти на всех наших. Вот уж не думала, что Ричард Тримейн такой любитель копаться в чужом грязном белье.

– Как думаете, зачем ему это было нужно?

– Не хочу спешить с обвинениями. Может быть, из чистого любопытства. Конечно, мотивы могли быть и другими, куда менее безобидными.

Скорее всего, мисс Сент-Джон намекала на шантаж, но у Лорна такой вариант вызывал большое сомнение. Начать с того, что собранные кем-то «секреты» не были такими уж постыдными и мерзкими. Да, публикация некоторых материалов могла доставить неприятности отдельным известным горожанам, но в них не было ничего такого, что нельзя пережить. Это касалось и его собственной слабости к замужним библиотекаршам. Ко всему прочему, список потенциальных жертв включал как людей обеспеченных, вроде Форреста Мейхью, так и отъявленных бедняков Гордимеров. Какой смысл шантажировать семью, у которой не хватает средств на оплату счетов в бакалейной?

Другое дело, что платой за молчание могли быть не только деньги.

Обо всем этом Лорн Тиббетс и размышлял по дороге в город. Зачем Ричарду Тримейну понадобилось коллекционировать чужие грешки? И если уж на то пошло, он ли их собирал? В конце концов, в коттедж могли приходить и другие члены семьи. Кэсси. Филипп.

Эвелина.

Нет, только не Эвелина. Она бы пачкаться не стала. Не опустилась бы до того, чтобы копаться в грязи.

– Так вы и Валери Эверхард… – пробормотал сидевший за рулем Эллис. – Ни за что бы не догадался.

– Послушай, я просто ее пожалел, – объяснил Лорн. – Женщине требовалось немного мужского внимания.

– А… – протянул Эллис, не спуская глаз с дороги и при этом глубокомысленно кивая.

– Ты что, черт возьми, хочешь этим сказать? – рассердился Лорн.

– Ничего. Просто думаю…

– О чем?

– Как вам, должно быть, жаль теперь эту бедняжку.

– Валери Эверхард?

– Нет. Вдову Тримейн.

– Речь идет о преданности, Чейз. О верности семье. Брату. Тем, кто для тебя важен.

Чейз промолчал, полностью сосредоточившись на ветчине, которую нарезал аккуратными полосками. Правда, теперь он делал это заметно энергичнее. Все сидевшие за столом смотрели на него. Ноа и Эвелина. Близнецы. Они ждали его ответа. Но он резал мясо, и кусочки получались все меньше и меньше.

– Не обращай внимания, папа, – сказала Эвелина. – Неужели не понятно? Он так увлечен этой ведьмой, что даже не замечает ловушки…

– Пожалуйста, Эвелина. – Чейз отложил нож.

– Она же водит тебя за нос! У нее к этому талант! Помимо всего прочего. Факты тебя больше не интересуют. Ты предпочитаешь не замечать их. Тебе хочется верить в ее ложь.

– Я хочу верить в правду, – спокойно сказал он.

– Правда в том, что она – шлюха.

– Эвелина, – вмешался Ноа. – Хватит.

Она повернулась к отцу:

– Ты на чьей стороне?

– Тебе прекрасно известно, что я на твоей стороне. Всегда был и буду.

– Тогда почему ты меня не поддерживаешь?

– То, что ты сейчас говоришь, тебя не красит. Ты забыла, чему я всегда тебя учил. Достоинству. Гордости.

– Ну, папа, извини. Мужа не каждый день убивают. – Эвелина огляделась. – А где вино? Выпить-то можно? Не слишком рано?

– Смерть мужа ты переживешь. А вот забывать, кто ты есть, непозволительно.

– А кто я есть? – Эвелина поднялась. – Я только смущаю тебя каждый день. – Она отставила стул и вышла из комнаты.

Некоторое время все молчали.

– В том, что она говорит, есть определенный смысл, – рассудительно заметил Ноа. – Семья должна держаться вместе. Что бы там ни предлагала тебе эта особа, Миранда Вуд, подумай хорошенько. Не лучше ли быть с нами заодно?

– А что такое она предлагает? – полюбопытствовала Кэсси.

– Не важно, – раздраженно отрезал Чейз. – Это к делу не относится.

– Не относится? – Ноа вскинул бровь. – Так ли?

Чейз с безразличным видом пожал плечами. Далось это нелегко, поскольку чувства к Миранде Вуд он питал самые разнообразные, да только все они были весьма далеки от безразличия. Ночью он проснулся вдруг весь в поту, словно вынырнув из кошмара, в котором заново прошел через панику и страх, охватившие его, когда он искал и не мог найти Миранду в дыму и пламени. Потом, уже под утро, тот же кошмар настиг его снова. В какой-то момент, ворочаясь на смятой простыне, Чейз пришел к выводу, что не способен к логичным рассуждениям там, где дело касается Миранды Вуд. Что с каждым днем его влечет к ней все сильнее. И что улики – вопреки голосу сердца – указывают на ее вину.

Утром Чейз встал измотанный бессонницей, но с абсолютно ясной головой. Он знал, что должен делать. Прежде всего, отступить, не приближаться к ней. Исправить допущенную в самом начале ошибку.

– Не беспокойтесь, Ноа. Видеться с ней в мои планы не входит.

– Я всегда считал тебя самым смышленым из Тримейнов, – удовлетворенно кивнул отец Эвелины. – И оказался прав.

Чейз пожал плечами:

– Не самый большой комплимент, учитывая, сколь низкого мнения вы были о Ричарде.

Ноа бросил взгляд на близнецов:

– А вам что, заняться больше нечем?

– Вообще-то нечем, – ответил Филипп.

– Ну, тогда уберите со стола. Вперед!

– Как будто мы и сами не знали, – проворчала Кэсси.

– Знали что? – нахмурился Ноа.

– Что вы с папой не очень-то ладили.

– Если уж на то пошло, юная леди, он и с вами не очень-то ладил.

– Мы просто не сходились во мнениях. Обычное дело в отношениях между отцом и дочерью. А вы всегда ругались, только что с кулаками друг на друга не бросались. Кричали, обзывались…

– Хватит! – оборвал внучку Ноа. Его побагровевшее от гнева лицо не обещало ничего хорошего. Привстав со стула, он, казалось, придавил ее свирепым взглядом. – В тот день, когда ты, Кассандра, только появилась на свет, я сказал: присматривайте за девчушкой. Вы еще хватите с ней горя.

– У нас ведь это семейное, не так ли?

Филипп, вскочив, схватил Ноа за рукав:

– Идемте, дедушка. Прогуляемся. Вдвоем. Я расскажу вам про Гарвард…

– Детский сад для богатеньких сопляков.

– Идемте, дедушка. Вам нужно развеяться. Ноа фыркнул и, отодвинув стул, выбрался из-за стола:

– Ладно, идем. Мне и вправду надо подышать свежим воздухом.

Они вышли. Хлопнула дверь.

Кэсси взглянула на Чейза, иронично улыбнулась:

– Большая счастливая семья.

– Что ты там говорила об отце и Ноа?

– Они презирали друг друга. Вы и сами знаете.

– *Презирали* не самое подходящее слово. Скорее, недолюбливали. Обычное соперничество между отцом и зятем.

– Никаким обычным соперничеством там и не пахло.

Теперь уже Кэсси принялась терзать ветчину. А Чейз поймал себя на том, что впервые за долгое время по-настоящему видит племянницу. Раньше она как-то выпадала из виду, невзрачная, вечно недовольная сестра, державшаяся в тени брата. Теперь, присмотревшись, он увидел молодую, не слишком привлекательную женщину с тяжелым подбородком и маленькими, живыми и острыми, как у хорька, глазами. Сходство с Ноа было поразительное. Неудивительно, что старику так трудно с ней сойтись. Возможно, он видел во внучке слишком много от себя самого.

Кэсси встретила изучающий взгляд Чейза спокойно, не испытывая, похоже, ни малейшего дискомфорта.

– Из-за чего они ругались? Ричард и Ноа?

– Из-за всего. Из-за любой мелочи. Нет, все происходило только дома. Папа был такой странный в этом отношении. Здесь мы могли орать друг на друга, но, как только переступали порог, становились идеальной семьей. Такая фальшь. Такое лицемерие. На публике изображали лучших друзей, а на самом деле постоянно спорили.

– Из-за вашей матери?

– Конечно. Любимица Ноа. А папа всегда был недостаточно хорошим супругом. – Кэсси хмыкнула. – Хотя он и не очень-то старался.

Чейз помолчал, формулируя следующий вопрос.

– Ты знала, что у твоего отца случались… романы?

– Об этом все знали, – махнула рукой Кэсси. – У него было много женщин.

– Вы были не слишком близки, да?

– Дочь его не интересовала, дядя Чейз. Пока я протирала стулья в библиотеке, зарабатывая оценки повыше, он думал только о том, как отправить Филиппа в Гарвард. Чтобы передать ему потом «Геральд».

– Похоже, Филиппа такая перспектива не слишком радует.

– Вы тоже заметили? А вот папа этого не видел. – Она подцепила вилкой кусочек ветчины, отправила в рот, прожевала. Задумчиво посмотрела на Чейза. – А вы с ним из-за чего разошлись?

– Мы? – Он с трудом выдержал ее взгляд, не отвел в сторону глаза. Она бы сразу поняла, что он что-то скрывает. А так разве что уловила какой-то дискомфорт.

– Мне было десять лет, когда я видела вас последний раз. На похоронах дедушки Тримейна. Гринвич ведь не так далеко, но вы ни разу больше не приезжали.

– Жизнь – штука сложная. Ты и сама это знаешь.

Кэсси помолчала, пристально на него глядя, потом вдруг спросила:

– Нелегко, да? Быть чужим в своей семье?

Вот же чертовка, все-то видит . Чейз собрал тарелки и поднялся из-за стола.

– Вы же не думаете, что она это сделала. Или думаете? – спросила Кэсси, не уточняя, о ком идет речь. Им это не требовалось, они прекрасно друг друга понимали.

– Я еще не решил. – Он понес посуду в кухню, но в дверях остановился. – Кстати, Кэсси, я звонил сюда вчера вечером, около семи. Хотел предупредить, чтобы не ждали к обеду. Так вот трубку никто не снял. Где была твоя мать?

– Откуда мне знать? – Кэсси взяла тост и начала намазывать его мармеладом. – Вы ее сами спросите.

Чейз поехал сразу в Роуз-Хилл. Прямиком. Никаких кружных маршрутов, чтобы подбирать по пути подозреваемых в убийстве дамочек. Хватит отвлекаться. Хватит думать о постороннем. Ему нет никакого дела до Миранды Вуд. Ему потребуются рассудительность, сосредоточенность и логика, а значит, от мисс Вуд следует держаться подальше. У него куча дел, и первое из них – выяснить, кто так настойчиво пытается проникнуть в коттедж и что ищет там неизвестный.

Ответ лежит где-то в Роуз-Хилл.

Туда Чейз и направился.

Он опустил стекло, и соленый ветер свистел, пролетая у щеки. Память вернула его в те давние летние деньки, когда они ездили туда с матерью по этой же самой дороге, и запах моря бил в лицо, и крики чаек отскакивали эхом от скал. Как же она любила эти поездки! Водителем мать была отчаянным, повороты проносилась на полной скорости, так что только покрышки визжали. Ветер путал ее темные волосы, а она только хохотала. В те дни они оба много смеялись, и ему казалось, что ни у кого на свете нет такой матери – такой отчаянной, такой красивой, такой свободной.

Ее смерть стала для него катастрофой.

И только перед самой смертью она открыла ему правду.

Чейз свернул на подъездную дорогу и сбросил скорость. По обе стороны пробегали старые указатели и коттеджи, принадлежавшие известным на острове семьям, с детьми которых он играл в детстве. Воспоминаний хватало, и хороших, и плохих. Как до одури кружился на качелях и его

потом вырвало. Как целовался за водонапорной башней с «зубастой» Люси Бейлор. Как разбил чье-то окно и как дрожал потом от страха, зная, что на «месте преступления» найдут его бейсбольную биту. Воспоминания были такие живые, такие яркие и настолько его захватили, что он и не заметил, как свернул на посыпанную гравием дорожку.

Перед коттеджем уже стоял автомобиль.

Чейз припарковался рядом, заглушил мотор и вышел. За рулем – никого. Уж не вор ли, отчаявшись, решился нанести визит средь бела дня?

Взбежав по ступенькам на веранду, Чейз услышал, как свистит в кухне чайник. Это еще что за чертовщина? Каков, однако, наглец! Не только вломился в чужой дом, но еще и устроился как дома! Он толкнул дверь и едва не налетел на преступника.

– А я как раз заварила чай, – сообщила Миранда и улыбнулась – не то чтобы неискренне, но как-то неуверенно. Или, может быть, испуганно. Она кивнула на поднос. – Хотите?

Чейз оглядел комнату. Книги лежали аккуратными стопками на полу. На столе все убрано. Содержимое ящиков переложено в картонные коробки. Он посмотрел на стеллаж. Одна из трех полок уже была наполовину пуста.

– Мы все утро просматривали бумаги Ричарда, – объяснила Миранда. – Пока, боюсь, ничего особенного не нашли, но…

Он покачал головой.

– Мы?

– Мисс Сент-Джон и я.

– Она здесь?

– Пошла домой покормить Оззи.

Их глаза встретились. *Я пытаюсь держаться от тебя подальше, и надо же – ты здесь. И мы одни во всем доме.*

Воображение уже прокручивало возможные варианты. Соблазнительные варианты. Желание, этот враг благоразумия, уже отбивало ритм дьявольского танца, как случалось каждый раз, когда он оставался с ней в одной комнате. Он думал о ней. О Ричарде. О них

двоих. Думать об этом было мучительно больно, но боль помогала заглушать звучащий все громче голос страсти.

– Мисс Сент-Джон предложила начать без вас, – торопливо, словно спеша заполнить неловкое для обоих молчание, продолжила Миранда. – Мы не знали, когда вы приедете, а звонить вам домой не хотели. Может быть, мы каким-то образом и нарушили что-то, но… – Она не договорила и смущенно замолчала.

– Строго говоря, – сказал он после паузы, – так оно и есть. Нарушили.

Миранда опустила поднос и выпрямилась. Нервозность исчезла, уступив место спокойной решимости.

– Может быть. Но мне нужно это сделать. Мы можем искать вместе. Или по отдельности. Но я не остановлюсь. – Она смотрела на него твердо, не мигая. – Итак, Чейз? Как мы поступим?

Глава 9

Его взгляд оставался безучастным, лицо пустым, как стена у него за спиной. Миранда ощутила острый укол разочарования. Она-то надеялась, что он обрадуется, что как-то выкажет удовольствие от того, что встретил ее здесь. Чего она никак не ожидала, так это безразличия. *Так вот как у нас теперь. Что-то случилось после нашей последней встречи. Может быть, Эвелина? Скорее всего, они добрались-таки до тебя. Семейка Ричарда. Твоя семья.*

Чейз пожал плечами:

– Что ж, разумно. Будем работать вместе.

– Хорошо.

– Вижу, вы уже начали и неплохо потрудились.

Миранда молча налила чашку чаю и, отойдя к книжному стеллажу, продолжила то, чем занималась с утра: брала с полки книгу, пролистывала и, ничего не найдя, клала ее в стопку на полу. В какой-то момент она почувствовала его взгляд – по спине как будто пробежали мурашки – и, не оборачиваясь, бросила:

– Можете начать с другого стеллажа.

– Вы что-нибудь уже нашли?

– Пока без сюрпризов. – Миранда потянулась за другой книгой. – Если не считать, что у Ричарда обнаружился довольно странный вкус. – Она посмотрела на корешок. – Например, «Физика океанских волн». Никогда не замечала, чтобы он интересовался физикой.

– Он и не интересовался. В том, что касалось точных наук, Ричард был, как говорится, функционально неграмотным.

Миранда открыла книгу:

– Вот эта книга. Так… здесь кто-то написал посвящение… – Она взглянула на титульный лист и вдруг покраснела.

– Что такое?

– Знаете старую пословицу? – пробормотала Миранда. – Не суди о книжке по обложке.

Чейз подошел к ней сзади и, заглянув через плечо, прочел название: *«Сто одна позиция в сексе. С иллюстрациями»* .

Миранда наугад открыла книгу где-то посередине и тут же захлопнула:

– Да уж, действительно иллюстрированная…

Чейз потянулся за книгой. Его дыхание коснулось ее шеи, и у нее снова побежали мурашки.

– Фальшивая обложка. Интересно, сколько здесь еще таких книг?

– Вообще-то я не смотрела, – призналась Миранда. – Я только проверяла, нет ли каких листков, а на сами книги внимания не обращала.

Чейз снова открыл титульный лист и прочитал написанное от руки посвящение:

Моему дорогому Ричарду. Почему бы не попробовать еще раз номер сорок восемь? С любовью, М.

Он взглянул на Миранду.

– Это не я ему подарила! – запротестовала она.

– Тогда кто такая М.?

– Не знаю. Но не я.

Чейз еще раз пробежал глазами по строчке посвящения и нахмурился.

– Интересно, что такое номер сорок восемь? – Он перелистал несколько страниц.

– И что?

Чейз приоткрыл книгу и заглянул одним глазком:

– О, вам лучше не знать.

Он уже хотел положить ее в стопку, когда из книги выпорхнул листочек формата записной книжки. Оба удивленно уставились на него, но Чейз поймал его первым и прочитал вслух:

– *«Дорогой мой. Думаю о тебе каждый день и час. Что мне пристойность, репутация, адские муки. Есть только я и ты и то время, что мы вместе. Это, мой дорогой, и есть блаженство рая»* .

Чейз цинично усмехнулся и, вскинув бровь, снова посмотрел на Миранду.

Она не смутилась:

– Хотите знать, не я ли писала? Нет, не я.

– Что ж, занесем нашу находку в категорию «любопытное». – Чейз убрал книгу. – И продолжим поиски.

Миранда опустилась на ковер. Чейз сел перед вторым стеллажом. Они не смотрели друг на друга и избегали даже случайного физического контакта. *Так безопаснее* , – подумала Миранда. – *Для нас обоих.*

Еще полчаса работали молча. Открывали книги, пролистывали, закрывали, стряхивали пыль и ставили на место. Следующую деталь пазла Миранда нашла в конверте под ярлычком «Возмещаемый налог», который лежал в толстенном бухгалтерском справочнике.

– Квитанция. Похоже, месяц назад Ричард заплатил этой компании четыреста долларов.

– За какие услуги?

– Здесь не сказано. Чек выписан на детективное агентство «Аламо» в Басс-Харбор.

– Детективное агентство? Интересно, что Ричард хотел найти?

– Посмотрите. – Миранда протянула квитанцию. – Обратите внимание на имя в графе «Получатель».

– Уильям Б. Роделл, – прочитал Чейз и вопросительно посмотрел на Миранду. – Это что-то значит?

Ну вот, теперь ты хотя бы смотришь на меня , – подумала она. – *По крайней мере, общаемся* .

– Записка на папке Ричарда. Ну же?

Секунду-другую Чейз смотрел на квитанцию, потом в голове как будто что-то щелкнуло, и хмурые черты озарила улыбка.

– Ну конечно, – медленно произнес он. – Уильям Б. Роделл.

У.Б.Р.

Почему детективное агентство получило нездешнее имя «Аламо», стало ясно в тот самый миг, когда они увидели его владельца, Уилли Роделла, типичного южанина, словно пересаженного сюда из Сан-Антонио. Мистер Роделл жил на два штата, Мэн и Флориду. Летние месяцы резервировались для Мэна, а потому сейчас детектив пребывал в здешнем офисе, где восседал за старым стальным столом, на котором, словно башенки форта, высились стопки папок, книг и газет. Священным числом здесь была единица: одно окно, один стол, один телефон, один человек. Но зато какой человек! Мяса на этих костях вполне хватило бы, чтобы заполнить два костюма самого большого размера. Наверное, именно это и имеют в виду, когда говорят про «техасский размер», подумала Миранда.

– Кой-какую работенку я для мистера Тримейна, может быть, и выполнял, – уклончиво ответил Роделл, откидываясь на спинку соответствующего его массе кресла.

– Так выполняли или нет? – спросил Чейз.

– У вас в руке моя квитанция, значит, выполнял.

– И что же это была за работа?

Уилли пожал плечами:

– Самая обычная.

– Что вы понимаете под самой обычной?

– Вообще-то я по большей части занимаюсь домашними делами. Надеюсь, вы понимаете. Кто с кем, кому и как, такого рода вещи. – Он ухмыльнулся, отчего складки на лице колыхнулись и сложились в нечто неопределенно-неприличное.

– Но для Ричарда вы делали что-то другое, не так ли?

– Да, другое. Хотя, насколько я слышал, грязи и в его деле хватает с избытком.

Почувствовав, как вспыхнули щеки, Миранда опустила глаза. Стол детектива походил на поле битвы, где между разносортными журналами валялись поломанные карандаши и гнутые скрепки.

– Ричард поручил вам собрать порочащий материал на соседей? – перешел к делу Чейз. – Что-то вроде досье с компроматом?

Уилли посмотрел на него удивленными глазами:

– Досье?

– Мы их видели, мистер Роделл. В бумагах Ричарда. Довольно подробные досье на едва ли не всех живущих у подъездной дороги. И в каждом сведения порочащего характера.

– Грязные странички, так их называют.

– Вот именно.

Уилли пожал плечами:

– Я к ним отношения не имею.

– К одной папке была прикреплена записка такого содержания: «*Хотите больше? Дайте знать* ». В качестве подписи значились инициалы – У.Б.Р. – Чейз взял одну из валявшихся на столе визитных карточек. – Которые, как выясняется, совпадают с вашими.

– Вот же незадача.

– Ему был нужен компромат на соседей. Зачем?

– Наверное, любил совать нос в чужие дела?

– Итак, он заплатил вам за досье.

– Говорю вам, я их не писал. – Уилли поднял здоровенную руку с пухлыми, как сосиски, пальцами. – Слово скаута!

– Если не вы, то кто?

– Понятия не имею. Но работа проделана впечатляющая.

Миранда, сидевшая до того молча и рассматривавшая ближайший журнал, подняла голову и посмотрела в круглое, как луна, лицо техасца:

– Вы их украли. Вот для чего нанял вас Ричард. Украсть файлы у кого-то другого.

Уилли разгладил невидимую складку на рубашке.

– Вам заплатили за работу вора, – продолжала Миранда. – А за что еще?

– Послушайте. – Техасец ухмыльнулся и поднял руки. – Люди платят мне за информацию, так? Я добываю ее для них. Вот и все. Как я добываю информацию, какие методы при этом использую, их не интересует. Важен результат.

– И где вы добыли те самые грязные листки? – спросил Чейз.

– Они были частью попавшего мне в руки пакета документов.

– Что еще было в этом пакете?

– Финансовые отчеты, банковские счета. Только я ничего не *крал* . Просто позаимствовал на несколько минут. Вполне достаточно для человека, у которого под рукой ксерокс. А потом я вернул их туда, где нашел.

– То есть в офис «Стоун коуст траст», – сказала Миранда.

Детектив невинно усмехнулся:

– Вам бы в «Двадцать вопросов» играть.

– Значит, досье были не Ричарда, а Тони Граффама, – заключил Чейз.

– Мистер Тримейн даже не подозревал об их существовании, пока я не передал ему материалы. Уверен на все сто, он пожелал бы получить и остальное. Вы же знаете, как это бывает. Аппетит приходит во время еды. Те бумаги были только затравкой. Я мог бы достать и еще.

– Почему же не достали?

– Он меня уволил.

– Что? – вырвалось у Миранды. Чейз недоверчиво нахмурился.

– Да-да, именно так. Через два дня после того, как я передал бумаги, он мне позвонил. Мол, так и так, спасибо за работу, но в ваших услугах больше не нуждаются, и сколько я вам должен. Вот так вот.

– Он объяснил, почему дай отбой?

– Нет. Только посоветовал не распространяться о наших делишках и сказал, что «Стоун коуст» его больше не интересует.

– Когда это было?

– Примерно за неделю до его смерти.

– Тогда же он сказал Джил убрать из плана статью. – Миранда посмотрела на Чейза. – Может быть, увидел, что есть на него у Тони Граффама, и решил отказаться от расследования.

– Прежде чем отдавать те досье, я их все сам просмотрел, – сказал детектив. – На Тримейна ничего не было. Насколько я могу судить, шантажировать его было нечем.

– У вас остались еще какие-то копии?

– Нет. Мистер Тримейн забрал все. Не хотел, чтобы информация уходила на сторону. – Техасец сцепил руки за затылком и потянулся. Под мышками у него темнели пятна пота. – Лично я не думаю, что на него надавили. Скорее, кто-то предложил ему хорошие деньги в обмен на молчание. Вот он и промолчал.

– Но Ричард вовсе не нуждался в деньгах, – возразила Миранда. – Его не могли подкупить.

– Милочка, подкупить можно почти каждого, – с видом человека, глубоко знающего предмет, заявил Уилли. – Нужно только знать цену. И даже такой богатый парень, как Тримейн, имел свою.

– Весьма оригинальный метод журналистского расследования, – проворчал Чейз. – Нанять гангстера, чтобы он выкрал для тебя улики. Зато самому потеть не надо.

– Никогда бы не подумала, что он сделает такое, – покачала головой Миранда. Часы показывали полдень, и обычно в это время главная улица Басс-Харбор кишела туристами. Сегодня, однако, противный

мелкий дождик охладил пыл даже самых непоседливых экскурсантов, так что Чейз и Миранда шли по практически пустой улице. – Мне казалось, это просто талант. Он мог ловко состряпать историю. Мог раскопать настоящую сенсацию. Удивить всех эксклюзивной информацией. И все это время он, оказывается, платил кому-то за грязную работу.

– Узнаю Ричарда, – усмехнулся Чейз. – Всегда искал легкий путь.

Миранда посмотрела на него. Влажные от измороси волосы слиплись в непослушные пряди. Профиль заострился.

– Он и в детстве был таким?

– У него хорошо получалось обходить препятствия. За несколько баксов кто-нибудь всегда соглашался написать доклад. Или натаскать его к экзамену. Или выполнить домашнее задание. – Чейз неловко улыбнулся. – Обычно таким дурачком оказывался я.

– Он платил вам за домашнее задание?

– Я бы сказал, что он добивался своего не столько подкупом, сколько шантажом.

– У него было что-то на вас?

– Много чего. Разбитые окна. Вытоптанные клумбы. Я был не самым примерным мальчиком.

– Но наверное, хорошо разбирались в математике.

Чейз рассмеялся:

– Когда мне угрожали разоблачением, я был способен на многое.

– И Ричард этим пользовался.

– Он был старше. И во многих отношениях смышленее. Он всем нравился. В отличие от меня. – Чейз покачал головой. – Теперь, как я вижу, что-то подобное происходит с его детьми. Филипп – любимчик, золотой мальчик, а Кэсси… ей всю жизнь придется довольствоваться второй ролью.

– Это и к вам относится?

Он взглянул на нее и тут же отвернулся:

– Нет. Я не спешу повторять все допущенные Ричардом ошибки.

Он имеет в виду меня , – подумала Миранда.

Все вдруг изменилось. Дохнуло холодом, потемнело. Морось сменилась дождем. И настроение упало.

– Давайте зайдем куда-нибудь, переждем дождь и заодно перекусим, – предложил Чейз. – Паром отправляется только через полтора часа.

Они быстро нашли подходящее кафе в переулке у Мейн-стрит. Непритязательное снаружи, скромное заведение под соответствующим названием «Мэри Джейн» привлекло густым ароматом кофе и жареного мяса. Кухня не предлагала изысканных, модных блюд; выбор ограничивался жареной курицей, картофелем и свежими бобами. Знакомые с детства запахи разбудили аппетит, который восстановился намного быстрее, чем настроение. К счастью, в отличие от многих Миранда не реагировала на стресс перееданием, иначе она уже набрала бы фунтов двадцать лишнего веса.

– Откровенно говоря, отчасти я даже рад, что мы узнали правду об этих досье, – сказал Чейз.

– Вас радует, что Ричард платил за ворованную информацию?

– По крайней мере, он не копал под соседей, не собирал на них грязь. И не планировал шантаж.

Миранда отложила вилку.

– Вы, разумеется, можете убеждать себя, что кража информации у «Стоун коуст траст» была оправдана с моральной точки зрения.

– Я вовсе не собираюсь кого-то в чем-то убеждать, но могу представить, какое оправдание находил для себя Ричард. Он видел, какую угрозу побережью несут девелоперы. А потом вдруг понял, что беда уже рядом, у порога, и решил, что в такой игре все средства хороши. Надо выяснить как можно больше о девелопере. Выкрасть кое-какие документы, финансовые отчеты. Выбрать подходящие факты и швырнуть противнику в лицо.

– Но он так и не швырнул. Вот что странно. Он платит Роделлу, чтобы тот выкрал досье, но потом, получив их, выходит из игры и фактически отказывается от борьбы. Снимает статью, увольняет Роделла и… – Миранда запнулась, – изменяет завещание.

Чейз нахмурился:

– Не вижу связи.

– Все совпадает по времени. Может быть, Ричард нашел в тех бумагах что-то такое, из-за чего рассердился на Эвелину. Что-то, заставившее его передумать и не оставлять ей Роуз-Хилл.

– Думаете, Роделл добыл досье на Эвелину? Но мы ничего такого не нашли.

– Может быть, досье уничтожил Ричард. Или же бумаги забрали из коттеджа потом. После его смерти.

Оба замолчали, понимая значение такого заявления. Нетрудно представить, что такого рода досье представляло интерес в первую очередь для Эвелины.

– Это нелепость, – сказал наконец Чейз. – Зачем Эвелине пробираться тайком в коттедж, если она могла войти туда совершенно открыто и не вызывая ни малейших подозрений. – Он поднял чашку, сделал осторожный глоток. – Нет, я не могу даже представить, как она взламывает замок, разбрасывает книги…

И ты, конечно, представить не можешь, чтобы она кого-то убила, так ведь?

Интересно, какие между ними отношения? Между Чейзом и его невесткой. Просто теплые или более глубокие? Почему он так упрямо не желает допускать даже возможность того, что Эвелина в чем-либо виновата? Впрочем, ответ Миранда знала. Эвелина – красивая женщина.

А теперь еще и свободная.

Чейз и Эвелина. Удобная и выгодная во всех отношениях партия. Деньги остаются в семье, как и фамилия в чековой книжке. Оба легко, с минимальной затратой времени и усилий, войдут в новые роли. Чейз в детстве во всем следовал за братом, едва ли не копировал его, так что теперь ему не составит труда занять место Ричарда. Новый союз поддерживал бы сложившуюся симметрию и соответствовал представлениям о социальной корректности.

Я никогда не смогу дать ему то, что даст она.

К столику подошла официантка со счетом. Миранда протянула было руку, но Чейз опередил ее:

– Не беспокойтесь, я заплачу.

Миранда достала из кармана несколько банкнотов и положила рядом с тарелкой.

– За что? – спросил Чейз.

– Можете называть это гордостью, – ответила она, поднимаясь из-за стола, – но за себя я всегда плачу сама.

– Со мной это не обязательно.

– Обязательно, – спокойно ответила она и, захватив куртку, направилась к двери. – Особенно с вами.

Чейз догнал ее уже на улице. Дождь прекратился, но небо оставалось холодным, однообразно-серым, и солнце еще не выглянуло. Некоторое время они шли вместе, не совсем друзья и не совсем чужие.

– Честно говоря, – первым начал он, – я не собирался встречаться с вами сегодня. И вообще когда-либо.

– Городок у нас небольшой. Рано или поздно все встречаются.

– Я планировал завтра вернуться в Гринвич.

– О… – Миранда опустила глаза. *Держи себя в руках. Не показывай, что ты расстроена, что тебе больно. Ты обещала, что никогда не выкажешь этих чувств еще одному Тримейну. Не позволишь ему увидеть свою слабость.*

– Но теперь вот думаю…

Она остановилась и посмотрела на него. *Ты наблюдаешь за мной, ждешь, что я раскроюсь. Не дождешься.*

– Но теперь думаю задержаться еще на несколько дней. Полагаю, во всю эту ситуацию с Ричардом нужно внести полную ясность.

Она промолчала.

– В общем, я остаюсь в городе именно для этого. Других причин нет.

Миранда гордо вскинула голову:

– Разве я намекала на что-то другое?

– Нет. – Чейз раздраженно выдохнул. – Не намекали.

Еще квартал прошли молча.

– Вы ведь будете заниматься тем же, да? Искать ответы на те же вопросы?

– А что еще мне остается? От этого зависит мое будущее. Моя свобода.

– Послушайте, здравый смысл требует, чтобы мы работали вместе, но это не совсем...

– Не совсем прилично, – закончила за него Миранда. – Вы ведь это имеете в виду? Вам неловко водить компанию с такой женщиной, как я.

– Я ничего такого не говорил.

– Не важно, говорили или нет. – Она раздраженно отвернулась и, прибавив шагу, пошла дальше. – Вы правы, конечно. Работать вместе мы не можем. Потому что по-настоящему не доверяем друг другу. Так ведь?

Чейз не ответил. Он просто шел рядом с ней, сунув руки в карманы. И именно это цепляло сильнее всяких слов.

Пусть они не доверяли друг другу. Пусть не хотели работать вместе. Но факт оставался фактом: поиск ответов им обоим следовало начинать с коттеджа. Так что Миранда совсем не удивилась, когда, приехав на следующее утро к Роуз-Хилл, увидела на площадке перед домом машину Чейза. На крылечке, изображая отвергнутого, распростерся Оззи. При виде Миранды он помахал хвостом – без большого, впрочем, энтузиазма, – но, поняв, что она не намеревается приглашать его в дом, страдальчески тявкнул и продолжил изображать коврик.

Мисс Сент-Джон и Чейз уже закончили проверять книги на втором стеллаже. Комната напоминала зону бедствия – повсюду стояли коробки с бумагами, стопки книг, чашки из-под кофе.

– Вижу, начали без меня, – сказала Миранда, старательно избегая встречаться глазами с Чейзом. Он делал то же самое. – Что нашли?

– Так, всякую мелочь, – пробормотала мисс Сент-Джон, задумчиво наблюдая за ними обоими. – Квитанции, списки покупок. Еще одну любовную записку от загадочной М. И несколько довольно грамотных семестровых работ.

– Филиппа?

– Кассандры. Девочка, должно быть, работала здесь. Есть тут и ее книги.

Миранда подняла несколько файлов и пробежала глазами по названиям работ: «Политический анализ бурского конфликта», «Предсказанная судьба. Французские колониалисты во Вьетнаме», «Средства массовой информации и президентская политика». Все они были написаны Кассандрой Тримейн.

– Головастая девочка, – вздохнула мисс Сент-Джон. – Жаль, что все замечают только ее пройдоху-братца.

Порывшись в коробке, Миранда наткнулась на последнюю из найденных записок М.:

Ждала до полуночи – ты так и не пришел. Забыл? Хотела позвонить, но всегда боюсь, что трубку возьмет она. Она с тобой каждый уик-энд, каждый вечер, каждый праздник. Мне достаются только остатки.

Как ты можешь говорить, что любишь меня, когда оставляешь здесь одну? Я заслуживаю большего .

Миранда разжала пальцы, и записка, кружась, опустилась в коробку. Она подошла к окну и с минуту стояла, глядя в сторону моря. Где-то в глубине души шевельнулась жалость к женщине, написавшей записку. Ей тоже было больно. *Мы обе поплатились за то, что полюбили не того мужчину*.

– Миранда? – окликнул ее Чейз. – Что-то не так?

– Нет… – Она прокашлялась, повернулась. – Все в порядке. Ну, с чего мне начинать?

– Можете помочь мне закончить с этой полкой. Бумаг попадается много, и дело движется не так быстро, как я рассчитывал.

– Да, конечно. – Миранда подошла к стеллажу, сняла две книги и опустилась на пол рядом с Чейзом. Не слишком близко и не слишком далеко. *Ни друзья, ни враги. Два человека, сидящие на одном коврике и занимающиеся одним и тем же. Для этого вовсе не обязательно нравиться друг другу*.

Прошел, наверное, час. Они снимали с полки книжки, перелистывали страницы, смахивали пыль. Большинство выглядело так, словно их открывали впервые. В некоторых попадались почтовые карточки двадцатилетней давности, адресованные матери Чейза. Миранда обнаружила список обитающих на острове птиц и пожелтевшее библиотечное извещение о просроченной книге. За долгие годы на

стеллаже осело так много пылинок прожитых жизней, что теперь требовалось немало времени, чтобы отделить важное от ничего не значащих пустяков.

Следующий ключ отыскался в огромном атласе штата Мэн. Стащив его с полки, Чейз взглянул на лицевую обложку и повернулся к мисс Сент-Джон:

– Хемлок-Хайтс? Слышали о таком местечке?

– Нет, а что?

– Здесь его план. – Чейз вытащил документ из атласа и разложил на ковре. Шесть страниц фотокопий составляли карту некоей местности. Страницы не пожелтели и выглядели довольно свежими. Четко проведенные линии обозначали границы земельных владений, отмеченных номерами. В самом верху стояло название предлагаемого под застройку участка: Хемлок-Хайтс. – Уж не подумывал ли Ричард вложиться в недвижимость?

Мисс Сент-Джон склонилась над планом.

– Подождите-ка. Что-то знакомое. А разве это не подъездная дорога? И вот тот участок в конце, номер один. Это же Роуз-Хилл. Посмотрите на вон тот выступ.

Присмотревшись, Чейз кивнул:

– Вы правы. Так оно и есть. Это Сент-Джон-Вуд. Вот и каменная стена.

– Это их карта, «Стоун коуст траст», – сказала Миранда. – Видите? Большинство участков отмечены как проданные.

– Боже мой. – Мисс Сент-Джон покачала головой. – Я и не подумать не могла, что столько владений перешли в другие руки. Насколько я вижу, тех, кто не продался Тони Граффаму, осталось всего лишь четверо.

– И что же он предлагал вам за Сент-Джон-Вуд? – поинтересовалась Миранда.

– По цене предложение было очень хорошее. Когда я отказалась, он прибавил. Было это примерно год назад. Я так и не поняла, с чего такая щедрость. Понимаете, все эти земли были на консервации. Коттеджи здесь строились давно, еще до земельных комиссий. Поставить их разрешили, но любые девелоперские проекты здесь запрещались. С коммерческой точки зрения эта земля была бесценна. Потом всю прибрежную территорию перевели в другую категорию. В общем, я

теперь сижу на золотой жиле. – Она еще раз посмотрела на карту. – Как и старик Салуэй. И хиппи во Французовом коттедже.

– И Тони Граффам.

– А что, если решение о зонировании было всего лишь маскировкой? – ни к кому в особенности не обращаясь, спросил Чейз. – Что, если чиновников подкупили? Если этот факт станет достоянием общественности…

– Смею предположить, протесты будут такие, что они пойдут на попятную, – продолжила за него мисс Сент-Джон. – И мистер Граффам окажется гордым владельцем никому не нужного участка.

– Его участок и сейчас немногого стоит, – заметила Миранда, изучая карту. – Граффаму нужна подъездная дорога. Без нее он к своему участку просто не попадет. А дорога, как вы говорили, принадлежит… принадлежала Ричарду.

– Да. Мы постоянно к этому возвращаемся, – задумчиво произнес Чейз. – К этой ниточке между Ричардом и «Стоун коуст траст». Мимо нее уже не пройти… – Он поднялся, похлопал себя по коленям, стряхивая пыль с брюк. – Может быть, пора нанести визит соседям.

– Которым?

– Салуэю и хиппи. Тем, что отказались продавать. Попробуем узнать, не оказывал ли Граффам на них давления. Не присылал ли записочек с угрозами или намеками на возможные неприятности.

– Но ведь мисс Сент-Джон никто шантажировать не пытался, – напомнила Миранда. – Хотя она тоже не стала продавать.

– Ну, мой участок вряд ли заслуживает большого внимания. У меня всего лишь узкая полоска с краю. Да и шантажировать меня трудно – вы же сами видели, что в моем досье ни одного более-менее стоящего порока не значится. Хотя я была бы не прочь стать героиней какого-нибудь скандала. В моем-то возрасте…

– Другие могут быть более уязвимы, – усмехнулся Чейз. – Старик Салуэй, например. По крайней мере, поговорить стоит.

– Хорошая мысль, – одобрительно кивнула мисс Сент-Джон. – А поскольку родилась она у вас, Чейз, то вам и идти.

Чейз рассмеялся:

– Да вы трусиха, мисс Сент-Джон.

– Нет. Но я уже стара для таких разбирательств.

Не говоря ни слова, Чейз взял Миранду за запястье и легко оторвал от пола. В следующее мгновение она едва не оказалась в его объятиях, но вовремя выставила руку и сначала уперлась ладошкой ему в грудь, а потом и отступила.

– Это что, предложение пойти с вами?

– Скорее просьба. Вы поможете мне смягчить старика Салуэя.

– А это нужно?

– Он не слишком расположен ко мне с тех пор, как я запустил ему в окно бейсбольную биту. Случилось это лет двадцать пять назад, но у Салуэя прекрасная память.

Миранда рассмеялась и недоверчиво покачала головой:

– Вы так говорите, как будто до сих пор его боитесь. Пожалуй, даже не меньше, чем мисс Сент-Джон.

– Сразу видно, наша юная леди еще не познакомилась с Салуэем, – вздохнула старушка.

– Может, расскажете? Чем он так страшен?

Чейз и мисс Сент-Джон переглянулись.

– Просто будьте осторожны, как только войдете во двор. И лучше известите его заранее, что подходите. А главное, будьте готовы быстренько уносить ноги.

– Почему? У него собака?

– Собаки у него нет, а вот дробовик имеется.

Глава 10

– Ты – тот мальчишка, что разбил мне окно! – завопил Гомер Салуэй. – Да, я узнал тебя. – Он стоял на крыльце – в закатанных по колено рабочих штанах и с ружьем в костлявых руках. Чейз сказал Миранде, что ему восемьдесят пять, но этот сухой как щепка, беззубый, со сморщенным лицом старикан выглядел лет на сто старше. – Вы, двое!

Убирайтесь отсюда! Оставьте меня в покое! У меня денег на новое стекло нет.

– Но я же заплатил, помните? Шесть месяцев стриг лужайки, но все же накопил, чтобы с вами расплатиться.

– Еще б не заплатил! Я бы их у твоего старика из горла вырвал.

– Мы можем поговорить, мистер Салуэй?

– О чем?

– О «Стоун коуст траст». Я бы хотел узнать…

– Не интересуюсь. – Старик развернулся и поплелся к двери.

– Мистер Салуэй, со мной здесь юная леди. Она хочет спросить…

– Мне юные леди без надобности. Да и старые тоже. – Дверь за ним захлопнулась.

– Ну вот, – пробормотал Чейз. – Старик определенно под градусом.

– Мне показалось, что он боится, – сказала Миранда. – Поэтому и разговаривать с нами не хочет.

– И чего ему бояться?

– Давайте выясним. – Она подошла к коттеджу. – Мистер Салуэй! Мы только хотим узнать, не пытались ли вас шантажировать. Скажите, они вам угрожали?

– Ложь! Все, что они рассказывают! – крикнул из-за двери старик. – Гнусная ложь! Ни слова правды!

– А вот Тони Граффам утверждает другое.

Дверь распахнулась, и Гомер Салуэй вылетел на крыльцо.

– Что утверждает? Какую еще грязь льет на меня Граффам?

– Будем стоять и кричать, чтобы все слышали, или поговорим спокойно? Выбирайте.

Салуэй опасливо огляделся, как будто высматривал притаившихся за деревьями наблюдателей, потом хмуро бросил:

– Ну? Вам что, особое приглашение требуется? С золотой гравировкой?

Они вошли. Небольшая кухня напоминала подвал – окна закрыты деревьями, полки заставлены всевозможным хламом. На полу кучами свалены газеты. Единственную свободную поверхность предлагал кухонный стол, за который гости сели, опасливо разместившись на стареньких, угрожающе покряхтывающих стульях с ненадежными на вид спинками.

– На кого они давили, так это на твоего брата, – заговорил Салуэй, обращаясь к Чейзу. – Да только Ричард не уступал. Нет, сэр. И нам всегда говорил: мол, надо держаться заодно. Говорил, нельзя продавать, какие б они там письма ни писали, какую б грязь ни лили. – Старик покачал головой. – Да только все впустую. Почти все, кто здесь живет, сдались и бумажки те подписали. А Ричард… вы ж знаете, что с ним сталось. Говорят, напоролся на нож.

Чейз коротко взглянул на Миранду и едва заметно кивнул. Старик оторвался от реальности и даже не сознавал, что сидит за одним столом с той самой женщиной, которую и обвиняют в убийстве Ричарда Тримейна.

– Вы упомянули о письме, – сказал Чейз. – В котором вам предлагали продать участок. Оно было от Граффама?

– Не знаю. Подписи не было. И как я слышал, на других тоже.

– Ричард тоже получил такое письмо?

– Думаю, да. Барретсы – они чуть дальше жили – точно получили. Может, и остальные тоже. Люди об этом говорить не любят.

– А что там было, в письме? В том, которое вы получили?

– Ложь. Гнусная ложь…

– И в том, что прислали Ричарду, тоже?

Старик пожал плечами:

– Он не говорил, а я не спрашивал.

Миранда прошлась взглядом по полкам. Запасливый старик, таких еще барахольщиками называют. Ничего не выбрасывает.

– То письмо, оно еще у вас?

Гомер втянул голову в плечи, сделавшись похожим на рака-отшельника, готовящегося спрятаться в свою раковину.

– Может, и у меня, – хмыкнул он.

– Можно нам его посмотреть?

– Ну не знаю… – Старик вздохнул, поскреб щеку. – Не знаю.

– Не беспокойтесь, мистер Салуэй. Нам известно, что там нет ни слова правды. Мы лишь хотим посмотреть, какими методами они пользуются. Граффама нужно остановить, пока он не наделал еще больше зла.

Пару секунд старик сидел молчаливый, нахохлившись. Миранда подумала, что он, может быть, и не услышал, что она сказала. Но тут Салуэй поднялся, прошаркал к полке и достал из контейнера с мукой сложенный листок, который и протянул Миранде.

Она положила листок на стол. Расправила.

Что же на самом деле случилось со Стэнли? Лула М. знает. И мы тоже.

Ниже, под этим загадочным посланием, имелась сделанная карандашом приписка:

Продавай, Салли .

– Кто такой Стэнли? – осторожно спросила Миранда.

Старик опустился на стул и теперь рассматривал свои костлявые, с шишками на пальцах руки.

– Мистер Салуэй?

– Мой брат, – прошептал он.

– И на что они намекают?

– Давно это было. – Гомер вытер глаза, словно что-то мешало ему видеть. – Несчастный случай, такое здесь бывает. Морю верить нельзя. Только повернешься к нему спиной…

– Что случилось со Стэнли? – мягко спросила Миранда.

– Зацепился ногой за линь. Его и сбросило. Вода в декабре холодная. Такая холодная, что кровь стынет. Я был на борту «Салли М» и ничего не видел. – Он отвернулся к окну. Подступившие к дому деревья закрывали его и от света, и от тепла.

Они ждали.

– Я сам его нашел. За кормой. Обрезал линь… затащил на борт… доставил в порт… – Он помолчал. – Давно это было. Пятьдесят лет назад. Может, больше…

– А эта записка?

– Ложь… это уже потом стали говорить… когда…

– Когда что?

– Когда я женился на Джесси. – Старик вздохнул. – Жене Стэнли.

Вот оно что , – подумала Миранда. – *Тайна. Позор* .

– Мистер Салуэй? – негромко спросил Чейз. – Что у них было на Ричарда?

Салли покачал головой:

– Он мне не говорил.

– Но что-то было?

– Может, что-то и было, но продать они его не заставили. Упрямый он был, ваш брат. За то и получил.

– А вы почему не продали, мистер Салуэй? Старик повернулся к Миранде.

– Потому что не желаю, – сказал он, и она увидела на его лице выражение человека, загнанного в последний угол. – Меня им теперь не запугать. Поздно.

– А если?…

Мистер Гомер Салуэй покачал головой:

– Нет. У меня рак.

– Думаете, он убил своего брата?

Они шли по дороге, расчерченной тенями от сосен и берез.

– Какая теперь разница, убил или нет? – Чейз хмуро сунул руки в карманы.

И действительно, какая разница? Старик уже готовился к последнему суду. Виновен или нет, он прожил с этим пятьдесят лет.

– Трудно поверить, что Граффам сам раскопал эту историю, – сказала Миранда. – Он на острове недавно, а компромату на Салли лет пятьдесят. Откуда Граффам все это взял?

– Нанял частного сыщика?

– И еще… В записке старика называли «Салли». Помните? Но это ведь не имя, а прозвище, и так его называют только местные.

– Значит, у него был информатор из местных. Кто-то, кто в курсе наших дел.

– Или же кто-то, кто занимался нашей историей специально, – добавила она, думая об Уилли Б. Роделле из детективного агентства «Аламо».

Надпись на дорожном указателе гласила: *Хармони-Хауз* .

– Когда-то его называли Французовым коттеджем, – сказал Чейз. – Пока там не поселились хиппи.

Они свернули на разбитую тропу. О приближении коттеджа известил легкий звон колокольчиков. Звук плыл между деревьями, пританцовывая на ветру. Колокольчики представляли собой радужные стеклянные диски, лениво раскачивавшиеся над крыльцом. Дверь была широко раскрыта.

– Эй? Дома кто-нибудь есть? – позвал Чейз.

Поначалу ему ответили только колокольчики. Потом Миранда услышала смех и приближающиеся голоса. Она повернулась и увидела их – трое шли со стороны леса. Двое мужчин и женщина.

На всех троих – ни тряпочки.

Присутствие посторонних нисколько троицу не смутило. По крайней мере, внешне это никак не выразилось. Длинные, растрепанные ветром волосы женщины изрядно тронула седина; на лице же ее застыло выражение покоя и безмятежного безразличия. Один из мужчин, седой, с обветренным лицом, вероятно, решил выступить в качестве официального представителя коммуны и, когда двое его спутников вошли в дом, двинулся с протянутой рукой навстречу гостям.

– Вы пришли в Хармони-Хауз. Случайно или с какой-то целью?

– Мы вас искали. – Чейз пожал протянутую руку. – Я – Чейз Тримейн, брат Ричарда. Он был владельцем коттеджа Роуз-Хилл.

– Да, знаю. Дом с такими странными вибрациями.

– Странными?

– Вонна ощущает их, когда бывает неподалеку. Дисгармоничные волны. Колебания диссонанса.

– А я вот как-то не заметил.

– С мясоедами обычно так и бывает. – Мужчина посмотрел на Миранду. Глаза у него были бледно-голубые, взгляд слишком откровенный. – Мое естественное состояние раздражает вас?

– Нет. Я просто не привыкла... – Она на мгновение опустила глаза и тут же снова посмотрела ему в лицо.

Мужчина смотрел на нее так, словно, кроме жалости, она не возбуждала никаких эмоций.

– Как далеко мы отпали от Эдема, – вздохнул он и, поднявшись на крыльцо, снял с перил вывешенный для просушки саронг. – Но первое правило гостеприимства заключается в том, чтобы позаботиться о комфорте для гостей. Так что прикроем фамильные драгоценности. – Он препоясал чресла и сделал приглашающий жест.

Женщина по имени Вонна тоже набросила саронг и сидела, скрестив ноги, под витражным окном – глаза закрыты, ладони на коленях. Второй мужчина, стоя на коленях у невысокого столика, скатывал что-то похожее на суши. Повсюду стояли цветочные горшки, только росли в них не невинные цветочки. Горшки прекрасно сочетались с индонезийскими гобеленами, покачивающимися на ленточках кристаллами и запахом ладана. Общий эффект сводил на нет стоящий в углу факс.

Хозяин, назвавший себя вполне заурядным именем Фред, налил гостям розового чаю, предложил печенье и рассказал, что они приезжают в Мэн каждое лето – «подключиться к земле». Нью-Йорк уже стоит одной ногой в аду, объяснил он. Неискренние люди, фальшивые ценности. Они работают там только для того, чтобы не отрываться от простых людей. И разумеется, им нужны деньги. Большую часть года им приходится вести мучительную жизнь в больном городе, дышать токсинами, травить себя рафинированным сахаром. Лето – время очищения. Для этого они сюда и приезжают, на два месяца в году оставляя работу в городе.

– И что за работа? – поинтересовалась Миранда.

– У нас бухгалтерская фирма, «Никельс, Фэй и Бледсоу». Я – Никельс.

– Я – Фэй, – представился мужчина, занимавшийся суши.

Женщина – ей ничего не оставалось, как назваться Бледсоу, – хранила молчание.

– Так что, как видите, – сказал Фред Никельс, – убедить нас в необходимости продать участок невозможно. Эта земля связывает нас с нашей матерью.

– Она принадлежала ей?

– Мать-земля владеет всем.

Чейз откашлялся.

– О...

– Мы отказываемся продавать. Независимо от того, сколько этих смехотворных писем они нам пришлют...

Миранда и Чейз переглянулись.

– Письма? – спросили они в унисон.

– Мы, трое, живем вместе уже пятнадцать лет. Идеальная сексуальная гармония. Никакой ревности, никаких трений. Об этом знают все наши друзья. Так что огласки мы не боимся.

– В письмах содержались именно такого рода угрозы? – спросила Миранда.

– Да. Автор письма обещал «разоблачить порочный образ жизни». По-моему, там использовалась именно эта фраза.

– Письма получали не вы одни, – сказал Чейз. – Что-то мне подсказывает, что их получали все, кто жил вдоль этой дороги. Все, кто не хотел продавать свою землю.

– Что ж, здесь они ошиблись адресом. Порочный образ жизни – это именно то, что мы и намерены продвигать здесь. Я прав, друзья?

Человек, занимавшийся суши, кивнул:

– Хо.

– Он согласен, – перевел Фред.

– Письмо было подписано? – спросила Миранда.

– Нет. На нем стоял почтовый штемпель Басс-Харбор, а пришло оно на наш домашний адрес в Нью-Йорке.

– Когда?

– Три или четыре месяца назад. Нам советовали продать участок. Кому – не уточнялось. Но потом мы получили также письмо от мистера Граффама, и я предположил, что за всем этим стоит он. Мы проверили «Стоун коуст траст». Навели справки, поспрашивали кое-где, выяснили, с кем имеем дело. Мои источники говорят, в деле замешаны большие деньги. Граффам – всего лишь прикрытие некоего анонимного инвестора. С большой долей вероятности можно предположить, что речь идет об организованной преступности.

– Зачем им нужен Шефердс-Айленд? – спросил Чейз.

– Наверное, в Нью-Йорке ситуация перестала быть комфортной. Кусачий окружной прокурор и все такое. Вот и решили перебраться на побережье. Северный берег – как раз тот плацдарм, который им нужен. Туристическая индустрия здесь уже на подъеме. А какое место! Океан. Лес. Покой. Да любой городской бедолага отдаст приличные деньги, чтобы провести здесь отпуск.

– Вы встречались с Граффамом?

– Он бывал у нас. Приезжал обсудить условия сделки. И мы посоветовали ему… – Тут Фред остановился, ухмыльнулся и уже другим тоном произнес: – Прелюбодействовать с собой. Не уверен, что он знает точное значение этого слова.

– Что он за человек?

Фред фыркнул:

– Скользкий. Тупой. Позер. Я имею в виду то, что говорю. Недалекий. Айкью не выше, чем у баклажана. Надо быть идиотом, чтобы назвать проект Хемлок-Хайтс! Назвали бы уже Ядовитым дубом! – Он покачал головой. – Не могу поверить, что он убедил кого-то продать. – Фред рассмеялся. – Вам следует познакомиться с ним, мистер Тримейн. Я буду очень удивлен, если вы не согласитесь с моим выводом о том, что этот Граффам демонстрирует регресс человечества, возвращение к далеким предкам, инфузориям.

– Инфузории, – изрекла, открыв на мгновение глаза, Бледсоу, – более высокая стадия прогресса.

– К сожалению, – продолжал Фред, – решение о переводе побережья в категорию земель рекреационного назначения есть свершившийся факт, и здесь уже ничего не поделаешь. Скоро мы попадем в окружение. Здесь – кондоминиум, там – «Данкин донатс». – Он помолчал. – А знаете что? Вот тогда мы и продадим! Какая будет прибыль! Мы сможем купить целый округ где-нибудь в Аллагаше.

– Не исключено, что проект будет остановлен, – сказала Миранда. – Они не смогут приобрести Роуз-Хилл, и тогда решение о зонировании будет пересмотрено.

– На это можете не рассчитывать, – возразил Фред. – Речь идет о больших деньгах. Земли, находящиеся на консервации, не дают острову ровным счетом ничего. А сколько будет приносить небольшой туристический комплекс? Я – дипломированный бухгалтер и знаю силу всемогущего доллара.

– Есть такие, кто сопротивляется этой силе.

– Не важно. – Фред одобрительно причмокнул, сделав глоток розового чая. Края саронга разошлись, обнажив бедра. Ароматный пар поднимался вверх, цепляясь за седую бороду. – Они могут кричать, протестовать, ложиться перед бульдозерами, но все бесполезно. Есть вещи, остановить которые человеку не по силам.

– Циничный ответ, – пробормотала Миранда.

– Такие уж времена.

– В любом случае Роуз-Хилл они не купят, – сказала она, поднимаясь. – А если за покупателями стоит организованная преступность, то будьте уверены, остров не сдастся. Люди здесь к гангстерам не расположены. И чужаков не принимают.

Фред выслушал ее с улыбкой:

– Но и вы ведь чужая на острове, не так ли, мисс Вуд?

– Я не с этого острова. Я приехала сюда год назад.

– Однако ж вас приняли.

– Нет, не приняли. – Миранда повернулась к двери. Под голубым сводом неба покачивались, словно пританцовывая, деревья. – Меня не приняли.

И знаете что? – негромко добавила она и устало вздохнула. – Я только сейчас поняла. Никогда и не примут.

На подъездной дорожке у Роуз-Хилл стоял еще один автомобиль. Третий.

Они увидели его сразу, как только прошли последний поворот, – сверкающий бордовый «сааб» последней модели. В салоне порядок и безупречная чистота, ни визитной карточки на приборной панели, ни обертки от шоколадки на кожаных сиденьях.

Сетчатая дверь с противным скрипом открылась, и на крыльцо вышла мисс Сент-Джон.

– А, вот и вы, – проворчала она. – У нас гости. Джил Виккери.

Ну конечно, подумала Миранда. Кто же еще может содержать машину в такой чистоте.

Джил стояла в комнате, посреди разложенных стопками книг, с картонной коробкой в руках. Увидев Миранду, она удивленно вскинула бровь, но от комментариев по поводу ее присутствия воздержалась.

– Извините, что нагрянула без предупреждения. Мне нужно забрать кое-какие записи. На завтра у нас с Филиппом назначена встреча с бухгалтером. Надо урегулировать налоговые проблемы по трансферту «Геральд».

Чейз нахмурился:

– И вы нашли здесь финансовые отчеты?

– Только за последний месяц. В офисе их не было, вот я и подумала, что Ричард взял их с собой, чтобы поработать в коттедже. Оказалось, так и есть.

– И где же они были? Мы просмотрели все файлы, но я никаких отчетов не видел.

– Я нашла их наверху. В ящике прикроватной тумбочки. – Объяснить, откуда она узнала, где найти документы, Джил не соизволила. Она лишь обвела взглядом комнату и покачала головой. – Вижу, вы здесь здорово поработали. Что ищете? Спрятанное сокровище?

– Все, что как-то связано со «Стоун коуст траст», – ответил Чейз.

– Да, Энни говорила, что вы взялись за эту ниточку. Лично я считаю, что это ничего не даст. Тупик. – Джил повернулась и равнодушно взглянула на Миранду: – Как дела?

– Не очень.

– Могу представить. – Судя по тону, судьба бывшей коллеги волновала главного редактора «Геральд» в последнюю очередь. – Слышала, ты живешь у Энни.

– Временно.

Джил иронично усмехнулась:

– Вообще-то довольно неловкая ситуация. Энни собиралась писать об этом деле, а теперь вы у нее живете. Придется отправить в суд кого-то другого. В интересах объективности.

– По-моему, в «Геральд» трудно найти объективного репортера, – заметил Чейз.

– Полагаю, что не все так плохо. – Джил переложила коробку с руки на руку. – Что ж, я, пожалуй, пойду. Не буду мешать вам в ваших поисках.

– Мисс Виккери? – окликнула ее мисс Сент-Джон. – Я подумала, может быть, вы поможете нам с одной загадкой.

– Да?

– Это записка, подписанная некоей М. – Мисс Сент-Джон протянула листок. – Миранда ее не писала. Может быть, вы знаете?

Пробежав глазами записку, Джил даже бровью не повела. *Мне бы ее выдержку* , – с завистью подумала Миранда.

– Даты нет. Значит… – Джил подняла голову. – Я могла бы высказать несколько предположений. Но имена тех, о ком я думаю, начинаются не с «М». Возможно, это прозвище.

– Несколько предположений?

– Да. – Джил с некоторым беспокойством взглянула на Миранду. – Ричард был человеком… скажем так, увлекающимся. Питал слабость к практиканткам. Была у нас одна прошлым летом… Еще до вас, Миранда. Звали ее вроде бы Хлоей. Писать не умела, но внимание привлекала. Ей удавалось брать интервью даже у тех, кто отказывал всем остальным. Бедняжку Энни это просто с ума сводило. – Джил снова посмотрела на

записку. – Напечатано на механической машинке, видите? Буква «е» немного смазана. Насколько я помню, Хлоя всегда работала именно на механической машинке. Компьютерную клавиатуру девушка так и не освоила. – Она вернула записку мисс Сент-Джон. – Да, могла быть Хлоя.

– А что с ней потом случилось? – спросил Чейз.

– Случилось именно то, чего и следовало ожидать. Флирт. Игры с огнем. А в результате еще одно разбитое сердце.

Миранда почувствовала, как бросилась к лицу кровь, как сдавило грудь. Зная, что все смотрят на нее, она отошла к окну и схватилась за штору. Больше всего на свете ей хотелось съежиться, спрятаться, забиться в уголок. *Еще одно разбитое сердце*... И кто же в таком случае она сама? Пустышка. Глупая кукла. Одна из многих. Вот кем все они ее считают.

Вот кто она и есть на самом деле.

Джил снова переложила коробку с бумагами.

– Мне и впрямь пора, а то мышки расшалятся. – Она направилась к двери, но у порога остановилась. – Да, чуть не забыла. Чейз, у Энни для вас новость.

– Что за новость?

– Тони Граффам снова в городе.

Миранда даже не повернулась. Она слышала, как Джил спустилась по ступенькам, как заворчал мотор «сааба», как захрустел под колесами гравий. Чейз и мисс Сент-Джон смотрели ей в спину. Смотрели молча, сочувственно, с жалостью, и это было невыносимо.

Ни на кого не глядя, она толкнула дверь и выбежала из коттеджа.

Чейз догнал ее на лужайке. Схватил за руку, повернул, заглянул в глаза:

– Миранда...

– Оставьте меня!

– Вы все равно не убежите от этого.

– Если б только я могла! – воскликнула она. – Джил права. Еще одно разбитое сердце, это обо мне. Я просто дуреха, получившая то, что заслужила.

– Этого вы не заслужили.

– Уходите, Чейз! Не надо меня жалеть. Поймите, это же невыносимо. – Миранда вырвалась, но он снова схватил ее за плечи, повернул к себе и крепко стиснул запястья. Взгляды их встретились, и она уже не смогла отвести глаза.

– Я вовсе вас не жалею, – сердито бросил он. – Жалости вы от меня не получите. Потому что слишком хороши для этого. Да, вы наивны. Доверчивы. Мы все с этого начинаем. Вы получили урок. Так и должно быть. Вам хочется дать себе пинка? Давайте. Это вы заслужили. Но не увлекайтесь. Потому что, как мне кажется, Ричард увлекся вами всерьез. Как и вы им.

– И что, мне должно стать от этого легче?

– Я не собираюсь облегчать вам самочувствие. Я просто говорю то, что думаю.

– Правильно. – Миранда горько усмехнулась. – И что вы думаете? Что я на ступеньку выше тупой блондинки? – Она снова попыталась вырваться, но Чейз держал крепко.

– Нет. Я знаю, что вы не первая. Знаю, что у Ричарда было много женщин. С некоторыми мне довелось познакомиться. Среди них были шикарные. Были талантливые. Даже блестящие. Но я знаю также, что по-настоящему он влюбился только в одну – в вас.

– Неужели? Предпочел роскошным красавицам меня? – Миранда покачала головой. – И почему же?

– Потому что, – негромко ответил он, – я бы и сам влюбился только в вас.

Миранда моментально замерла. Он смотрел на нее сверху вниз, и она видела его темные волнистые волосы и омытое солнцем лицо, слышала собственное сбивчивое дыхание и торопливый стук сердца. Чейз разжал пальцы. Миранда не шелохнулась. Только вздрогнула, когда его руки сомкнулись у нее за спиной. Она не успела даже пискнуть.

Солнце закружилось вместе с ослепительно-голубым небом, а потом и солнце, и небо заслонил он. Его губы надежно запечатали ее рот, и мир перестал существовать для нее. Еще мгновение она держалась на тонкой грани между сопротивлением и капитуляцией, а потом потянулась к нему, обняла за шею и раскрыла губы, уступив этому порывистому натиску, распахнув перед захватчиком ворота. Она так хотела его тепла,

нежности, страсти. Сквозь грохот собственного сердца Миранда услышала хриплый стон наслаждения, требовательный голос желания. Как же быстро она сдалась, как быстро пала, покорившись сначала одному, а теперь и другому брату.

Невыносимый, слепящий свет ударил в глаза. Миранда зажмурилась. Отстранилась. Щеки ее пылали. Дыхание сбилось.

– Я не переходящий приз, Чейз.

Она повернулась и зашагала через лужайку, по мягкой, согретой солнцем траве – к коттеджу. Чейз шел следом – она это знала, – но догнать не пытался. Миранда шла одна, и все вокруг – ясное небо, танцующие под ветром цветы, плывущий в воздухе пух от одуванчиков – казалось, только усиливало ощущение безысходности.

Мисс Сент-Джон стояла на крыльце, но Миранда, не сказав старушке ни слова, пролетела мимо, вошла в комнату, сняла с полки несколько книг и опустилась на пол. Услышав шаги, она не обернулась.

– Сейчас не время спорить, – долетел с веранды голос мисс Сент-Джон.

– Я и не собираюсь спорить.

– Я по вашим глазам вижу, что собираетесь. Ради бога, остыньте. Возьмите паузу. Передохните.

– При всем уважении, мисс Сент-Джон, вы мне не мать.

– Да, не мать! – сердито бросила соседка. – Но я прекрасно вижу, когда мужчине нужен совет!

Хлопнула дверь. Остановившись у порога, Чейз хмуро посмотрел на старательно листающую страницы Миранду.

– Вы все неправильно поняли, – заявил он.

Она оторвалась от книги:

– Неужели?

– Что случилось между вами и Ричардом, это отдельный вопрос. Закрытый. К нам с вами он не имеет ни малейшего отношения.

Миранда захлопнула книгу.

– Имеет. Самое прямое.

– Вас послушать, так получается, будто я... просто пришел и занял его место.

– Ну, может быть, не так просто. Может быть, вы даже не отдаете себе отчета в том, что делаете и как это выглядит. – Она отложила одну книгу и взяла другую, всем своим видом показывая, что занимается важным делом. – Но мы оба знаем, что любимчиком в семье был Ричард. Он получал все, ему все доставалось. Вам не дали даже более или менее приличного трастового фонда. Что ж, если не досталось ни газеты, ни состояния, можно взять хотя бы оставшуюся от брата любовницу. Или даже жену. Вы подумайте. Это ведь так удобно. Эвелине не придется даже менять фамилию.

– Закончили?

– Да.

– Вот и хорошо. Потому что я не намерен стоять здесь и слушать всю эту чепуху. Во-первых, невестка меня нисколько не интересует. И никогда не интересовала. Когда Ричард женился на ней, я едва удержался, чтобы не послать ему свои соболезнования. Во-вторых, мне наплевать, кому достанется «Геральд». Уж мне эта ноша точно не нужна. Газета с самого начала была детищем Ричарда. И в-третьих... – Чейз остановился, словно собираясь с духом перед тем, как сказать что-то важное. – В-третьих, – негромко закончил он, – я не Тримейн.

Миранда вскинула голову.

– Что вы хотите этим сказать? Вы же братья с Ричардом.

– Единоутробные.

– То есть... – Она смотрела в эти темные цыганские глаза и видела в черных как уголь зрачках свое отражение.

Чейз кивнул:

– Да. Отец знал. Не думаю, что мать ему сказала, но этого и не требовалось. Ему достаточно было посмотреть на меня, чтобы все понять. – Он горько усмехнулся. – Самое смешное, что я сам ничего не видел. Рос, тянулся за братом, старался изо всех сил, но все отцовское внимание доставалось Ричарду. Мать пыталась что-то сделать. До самой своей смерти она была моим лучшим другом. А потом мы остались втроем. – Он опустился на стул, потер лоб, словно пытаясь стереть воспоминания.

– И когда вы узнали? – мягко спросила Миранда. – Что он не ваш отец?

– Только много лет спустя, когда умирал отец. Знаете, как в романах, признание на смертном одре. Вот только тайну он открыл не мне, а Ричарду, который так и остался любимчиком до самого конца. – Чейз устало откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. – Потом, когда зачитали завещание, я никак не мог понять, почему меня совершенно исключили. Нет, отец оставил вполне достаточно, чтобы начать бизнес. Но и только. Тогда я подумал, что дело в моей женитьбе, против которой он возражал с самого начала. Разумеется, меня это задело, но я принял его волю. А вот моя супруга не смирилась и устроила скандал. Стала кричать, что это несправедливо, а Ричард не сдержался и все выложил. Раскрыл большую тайну. Что его брат – бастард.

– Тогда вы и уехали с острова?

Он кивнул:

– Возвращался потом пару раз, чтобы сделать приятное жене. После развода, как мне тогда казалось, оборвалась последняя ниточка. В общем, больше я сюда уже не приезжал. До этого раза.

Чейз замолчал, как будто ушел в воспоминания и перебирал старые обиды. *Теперь понятно, почему они такие непохожие. В нем нет ничего от Тримейнов. Он не такой, как Ричард. Он совсем другой человек.*

Человек, которого я могла бы полюбить.

Словно почувствовав ее взгляд и что-то новое в этом взгляде, Чейз вдруг поднялся, прошел с нарочитым безразличием к сетчатой двери и остановился, глядя в сторону леса.

– Может быть, вы и правы.

– Насчет чего?

– Насчет того, что случившееся между вами и Ричардом стоит теперь между нами.

– И что, если так?

– Тогда все это ошибка. Вы, я… Тогда нам не по пути.

Глаза вдруг защипало, и Миранда опустила голову, пряча свою боль даже от этой, прямой как доска, спины.

– Значит, нам нельзя… нельзя… – прошептала она.

– Нельзя. – Чейз повернулся, и Миранда почти против воли подняла голову. – Мы не можем быть вместе, и на то есть много причин. А то, что произошло между нами, было… – он пожал плечами, – обычным влечением, не более того.

Не более того . То есть мелочью, которую даже не стоит принимать во внимание в масштабе целой жизни. Мелочью, ради которой рисковать сердцем – глупо.

– И все же…

– Да? – Взгляд метнулся к нему в безумном, отчаянном прыжке надежды.

– Мы не можем просто разойтись. После всего, что было… Смерти Ричарда… пожара… – Он обвел взглядом заваленную книгами комнату. – И вот этого.

– Вы не доверяете мне, но все же хотите моей помощи?

– Вы единственная, кто заинтересован в том, чтобы идти до конца.

Она устало рассмеялась:

– Тут вы правы. Итак, что дальше?

– Я намерен поговорить с Тони Граффамом.

– Мне поехать с вами?

– Нет. Я съезжу один. А вы пока заканчивайте здесь. Нужно еще наверху все просмотреть.

Миранда огляделась – сколько же здесь книг, газет, бумаг! – и покачала головой:

– Знать бы, что искать. За чем приходил вор.

– Что-то мне подсказывает, что оно все еще здесь.

– Что?

Уже открыв дверь, Чейз бросил через плечо:

– Узнаете, когда найдете.

Глава 11

Фред Никельс назвал Тони Граффама скользким и тупым позером. И оказался прав по обоим пунктам. Шелковый костюм, пестрый, с преобладанием красного галстук и золотая печатка на мизинце. Офис под стать хозяину, много блестящего и показного, но мало содержательного: мягкий ковер, новенькие кожаные кресла, но ни книг на полках, ни бумаг на столе, ни даже секретарши в приемной. Единственное украшение – большая карта северного берега Шефердс-Айленд на стене. Чейз узнал место с первого взгляда по характерному изгибу бухты.

– Послушайте, это просто охота на ведьм какая-то! – жалобно запротестовал Граффам. – Сначала полиция, теперь вы. – Он так и остался за широким полированным столом и даже не вышел, чтобы пожать гостю руку. – Думаете, я вот так просто пойду и убью кого-то? Да? А чего ради? Из-за какого-то участка? Я что, похож на идиота?

На последний вопрос Чейз из вежливости не ответил.

– Но вы же обращались к владельцу с предложением продать Роуз-Хилл?

– Конечно. Это самый лакомый кусок.

– И мой брат отказался продавать.

– Послушайте, мне очень жаль, что с вашим братом такое случилось. Трагедия, настоящая трагедия. Как вы понимаете, мы были с ним не в самых лучших отношениях. Я никак не мог с ним договориться. О проекте и слушать не желал. Злился, кричал. А что тут такого? Обычное деловое предложение, так ведь?

– У меня сложилось впечатление, что речь идет не просто о сделке. «Стоун коуст траст» преподносится как природоохранный проект.

– Так оно и есть. Я предложил вашему брату отличную цену. «Охрана природы» никогда бы ему столько не заплатила. К тому же он сохранил бы за собой пожизненное право пользоваться коттеджем. Сказочные условия!

– Да уж.

– Получив Роуз-Хилл, мы могли бы расширить парк до самых холмов. Построили бы подъемники. Смотровые площадки. Подъездные дороги.

– Подъездные дороги?

– Для обслуживания, разумеется. Проложили бы новые пешеходные дорожки, чтобы люди получили лучший доступ к природе. Даже инвалиды. Я имею в виду людей с ограниченной мобильностью.

– Вижу, вы все продумали.

– Да, – улыбнулся Граффам. – Мы все предусмотрели.

– А при чем здесь Хемлок-Хайтс?

Граффам нахмурился:

– Извините?

– Хемлок-Хайтс. По-моему, именно так вы планировали назвать новый проект.

– Мы ничего такого не планировали и…

– Тогда зачем вам понадобилось переводить землю в другую категорию? И сколько вы потратили на подкуп членов земельной комиссии?

Лицо Граффама моментально превратилось в холодную застывшую маску.

– Позвольте повторить, мистер Тримейн, «Стоун коуст траст» был создан для того, чтобы защитить северный берег острова. Да, возможно, пришлось бы разработать некоторые участки – ради поддержания трастового фонда. Что делать, порой нам всем приходится идти на компромисс и делать то, что не очень нравится.

– В том числе и заниматься шантажом?

Граффам резко выпрямился:

– Что?

– Я говорю о Фреде Никельсе. И Гомере Салуэе. Вам ведь знакомы эти имена?

– Да, конечно. Это владельцы двух участков. Оба отклонили сделанное им предложение.

– Они получали письма с угрозами.

– И вы думаете, что эти письма посылал я?

– А кто же еще? Вам отказали четверо. Двое получили письма с угрозами. Третий – мой брат – убит.

– Так вот к чему вы ведете! Намекаете, что я имею какое-то отношение к его смерти.

– Разве я это сказал?

– Послушайте, мне и без того хватило проблем с этой сделкой. Слухи, намеки, разговоры – вся эта провинциальная чушь. Я многое стерпел и многим пожертвовал, чтобы запустить проект, но на роль козла отпущения не согласен.

Чейз в недоумении уставился на Граффама. О чем это он? Какой еще козел отпущения?

– Когда это случилось, меня здесь не было. Есть свидетели, которые могут подтвердить…

– На кого вы работаете? – перебил его Чейз.

Граффам моментально умолк. Откинулся на спинку кресла. И как будто закрылся невидимой, но непробиваемой стеной.

– Так у вас спонсор, – продолжал Чейз. – За вами кто-то стоит. Кто-то, кто вкладывает деньги. Кто-то, кто делает грязную работу. Так кого вы прикрываете? Мафию?

Граффам молчал.

– Вы боитесь. Я ведь вижу.

– Я вовсе не обязан отвечать на ваши вопросы.

Но Чейз не собирался отступать.

– Мой брат намеревался разоблачить «Стоун коуст», так? Вы отправили ему письмо с угрозами. Не подействовало. И тогда вы поняли, что шантажом его не взять. И подкупить тоже невозможно. И что вы предприняли? Заплатили кому-то за решение проблемы?

– Намекаете на убийство? – рассмеялся Граффам. – Перестаньте, Тримейн. Вашего брата зарезала какая-то потаскушка. Мы оба это знаем. Опасные твари, эти шлюхи. Никогда не знаешь, что у них на уме. Ты ее послал, а она схватила нож и – дело с концом. Даже копы так считают. Так что его смерть на совести той подстилки. Мотив у нее был.

– Вы могли потерять большие деньги. Как и ваш спонсор. Ричард уже добрался до ваших банковских счетов. Он выследил вашего таинственного партнера и мог вывести вас на чистую воду.

– Но ничего этого не сделал, так ведь? Не опубликовал, например, статью. Более того, отказался от публикации – я это знаю из надежных источников. А раз так, то зачем он нам нужен?

Ответить было нечем. Об этом же говорила и Джил: Ричард сам убрал статью из плана. И этот его поступок полностью противоречил здравому смыслу и никак не вписывался в общую картину. Почему брат отступил?

А если не отступил? Если Джил Виккери лжет?

Именно этот, последний, вариант Чейз и обдумывал, выходя из офиса Граффама и направляясь к машине. Что ему известно о Джил Виккери? Только то, что в газете она более пяти лет и что дело свое знает. Умная, стильная женщина на не слишком хорошо оплачиваемой должности. Такая могла бы найти работу и получше. Но по какой-то причине предпочла остаться в захолустной газетенке и получать смешные деньги.

Чейз планировал вернуться в Роуз-Хилл, но вместо этого поехал в «Геральд».

В редакции он застал только двоих: прилипшего к компьютеру практиканта и склонившегося над столом верстальщика. Чейз прошел мимо, поднялся в кабинет Ричарда и направился к картотечному шкафу.

Личное дело Джил Виккери отыскалось на положенном месте. Чейз сел за стол и открыл папку.

Аккуратно напечатанное резюме поместилось на трех страничках – фамилии, места учебы и работы, звания и должности. Колледж Боудена, 1977, бакалавр искусств. Колумбийский университет, 1979, магистр. «Сан-Франциско кроникл», городские новости. «Сан-Диего юнион», репортер отдела новостей. «Сан-Хосе таймс», полицейский репортер. «Портленд пресс геральд», редактор.

Солидный послужной список.

Так почему же ее занесло сюда?

Что-то в этом резюме было не так. Что-то цепляло глаз. Чейз снял трубку телефона и набрал номер «Портленд пресс геральд», места ее предыдущей работы. Женщина, занимавшая теперь должность редактора, смутно помнила Джил Виккери, но не более того – все-таки времени прошло немало.

Он позвонил в «Сан-Хосе таймс». Ответ прозвучал неуверенно, сотрудник, на которого попал Чейз, обратился за помощью к коллегам – помнит ли кто некую Джил Виккери, работавшую у них семь лет назад? Кто-то спросил, не та ли эта Джил, которая работала полицейским репортером. Чейз повесил трубку. Хватит?

И все-таки что-то в резюме не давало покоя.

Репортер отдела новостей. «Сан-Диего юнион». Какая-то бессмыслица. Зачем менять хорошее место в Сан-Франциско на столь непрестижную должность?

Чейз набрал номер «Сан-Диего юнион». Никакая Джил Виккери никогда у них не работала.

Сан-Франциско – то же самое.

Половина резюме – фальшивка. Но для чего был нужен подлог? Только ли для того, чтобы придать себе веса в глазах потенциального работодателя? Если так, то чем она занималась восемь лет от окончания колледжа до прихода в «Сан-Хосе таймс»?

Он снова потянулся к телефону. И на этот раз позвонил в Колумбийский университет, на отделение журналистики. Много ли студентов могли получить степень магистра в указанный год? И скольких из них звали Джил?

В 1979-м, ответили ему, таковых была всего одна. Но не Джил Виккери, а Джил Уэсткот.

Снова звонок в «Сан-Диего юнион». Теперь Чейза интересовала Джил Уэсткот. Ее вспомнили. И даже пообещали переслать кое-что факсом.

Через несколько минут машина ожила и неохотно извергла из себя лист с фотографией Джил Уэсткот, ныне называвшей себя Джил Виккери. На той же странице поместилась история безжалостного, хладнокровного убийства.

За окном догорал еще один летний день. Усталая, Миранда сидела посредине комнаты. Всю вторую половину дня она провела в ванной и двух спальнях, где просмотрела все, что только было можно. Безрезультатно. Ничего существенного не обнаружилось, только несколько квитанций, старых магазинных чеков, десятилетней давности открытка из Испании и еще одна записка, подписанная М.

Я уже не та беспомощная пустышка, какой была когда-то. Я могу прекрасно жить без тебя. И буду так жить. Мне не нужна твоя

жалость. Я не такая, как другие, как те безмозглые дурочки. Одного не понимаю: что привлекает тебя в них? Пышная плоть? Тупое обожание в глазах? Но оно ничего не значит. Это пустая, животная привязанность. Если бы не твои деньги, эти красотки и не взглянули бы на тебя. Только мне наплевать, есть у тебя что-то в банке или нет. И вот теперь ты потерял меня.

Миранда читала, и горечь, отчаяние, боль незнакомой женщины, сквозившие в каждой строчке письма, как будто передавались ей. Она положила записку в ящик, под шелковое женское белье.

Пока Миранда приводила спальню в порядок, день незаметно соскользнул в сумерки. Включать лампу она не стала. Полумрак ложился мягким покрывалом, за открытым окном стрекотали цикады. С поля тянуло характерным запахом вечера – запахом остывающих трав и морского тумана. Миранда подошла к креслу у окна, села поудобнее и закрыла глаза. Сколько сомнений, тревог и бед свалилось на ее плечи. И даже редкие моменты несмелой радости омрачала нависшая черной тучей перспектива оказаться в тюрьме. В эти последние дни бывали минуты, когда ей почти удавалось отогнать тяжелые мысли, но в часы тишины, оставаясь наедине со своими страхами, она повсюду видела тюремные решетки. *Какой срок мне назначат? Сколько лет дадут? Десять? Двадцать? Или больше?*

Лучше умереть.

Внизу тихонько скрипнула, открываясь, сетчатая дверь.

Миранда подняла голову:

– Чейз? Это вы?

Тишина.

Она встала. Подошла к лестнице.

– Чейз?

Дверь также тихонько закрылась. И снова тишина, нарушаемая только далеким стрекотом цикад.

Миранда машинально потянулась к выключателю, но вовремя остановилась. Темнота – ее друг. Темнота скроет и защитит.

Она попятилась от ступенек. Прижалась спиной к стене. Прислушалась. С первого этажа – ни звука. В груди гулко ухало. Ладони повлажнели от липкого пота. Нервы царапал страх.

И вот – шаги. В кухне. Воображение мгновенно нарисовало картину: шкафчик… ящик… ножи…

Дыхание обрывалось. Миранда еще дальше отступила от лестницы. Мысли метались в поисках выхода. Куда бежать? Наверху – две спальни и ванная. На всех окнах сетки. Хватит ли времени?

Снова шаги внизу. Незнакомец вышел из кухни. И направился к лестнице.

Миранда метнулась в спальню. В темноте налетела на тумбочку. Лампа пошатнулась и свалилась. *Боже, я выдала себя. Теперь он знает, где меня искать* .

В панике она бросилась к окну. За ним – пологий скат крыши. До земли футов двадцать. Рама поднята, надо только убрать экран. Миранда уперлась в стальную сетку – та не поддалась. И неудивительно – кто-то приколотил ее гвоздями к раме.

В отчаянии она пнула сетку ногой. Бесполезно. Она всхлипнула от сознания собственного бессилия. Еще удар… еще… Сетка прогибалась, но держалась.

Шаги на лестнице. Скрипнула ступенька.

В последний удар Миранда вложила всю оставшуюся силу. Дерево треснуло, и сетка вместе со щепками ухнула вниз. Не теряя ни секунды, она перелезла через подоконник и свалилась на крышу. Секундное колебание – остаться или прыгнуть? И что там, внизу? Розовый куст? Миранда присела, ухватилась обеими руками за край крыши, свесилась и…

Несколько секунд она висела, набираясь смелости, потом разжала пальцы…

Ночной воздух ударил в лицо. Падение, казалось, длилось целую вечность – отчаянный полет сквозь пространство и тьму.

Ноги врезались в землю, колени подкосились, и Миранда грохнулась на гравий. Секунду она лежала, распростершись, под кружащимся калейдоскопом звезд. Выплеснувшийся в кровь адреналин смыл ощущение боли. Сломала ноги? Она совсем их не чувствовала. Понимала только, что надо подниматься и бежать.

Пошатываясь, Миранда встала и побрела по дороге. Прошла поворот…

И застыла, ослепленная ударившим из темноты светом фар. Она инстинктивно вскинула руки, защищая глаза, и услышала, как скрипнули тормоза, как полетели камешки из-под колес. Распахнулась дверца…

– *Миранда?*

Всхлипнув от радости, она упала в объятия поспешившего навстречу Чейза.

– Ты… Слава богу, это ты…

– Что случилось? – спросил он, прижимая ее к груди. – В чем дело?

Она вцепилась в него, как тонущий в спасательный круг.

– Он там… в коттедже…

– Кто?

Ответить Миранда не успела – в темноте хлопнула задняя дверь… топот ног… треск веток…

– В машину! – скомандовал Чейз. – Подними стекло!

– Что?

Он подтолкнул ее к машине:

– Делай, что я говорю!

– Чейз!

– Я вернусь!

Ошеломленная, Миранда проводила его взглядом. Наверное, нужно было последовать за ним, но, пока она приходила в себя, он уже растворился в ночи. Остались только качающиеся на фоне звездного неба верхушки деревьев и густая, кажущаяся непроницаемой тьма под ними.

Делай, что он сказал!

Миранда залезла в машину, подняла стекло, заперла дверцы и сразу же почувствовала себя бесполезной. Она здесь в безопасности, а Чейз там и, может быть, сражается не на жизнь, а на смерть.

Но чем я могу помочь ему?

Она толкнула дверцу, выбралась из машины и подбежала к багажнику. Откинула крышку. На глаза попалась монтировка. Тяжелая, увесистая. Достойное оружие против любого противника. Вернее, против любого невооруженного противника.

Она оглянулась. Перед ней стоял лес – черная, глухая стена, источавшая грозную, пусть и непонятную опасность.

И где-то за этой стеной опасность угрожала Чейзу.

Миранда сжала монтировку и шагнула в ночь.

* * *

Незнакомец убегал и, судя по хрусту веток, менял направление. Ориентируясь на этот хруст и топот ног, Чейз взял вправо. Ветки стегали по лицу, колючки цеплялись за брюки. В непроницаемой темноте он ощущал себя слепцом, пробирающимся через минное поле.

Впрочем, преследуемому приходилось не легче. *Но так же ли он беспомощен?* Чейз едва успел нырнуть под выскочивший из темноты толстый сук. *А если вооружен? Если ведет меня в западню?*

Придется рискнуть.

Шаги сместились влево. В просочившемся сквозь крону лунном свете Чейз уловил движение, мелькнувший в тени неясный силуэт. Не обращая внимания на ветки, он рванулся вперед и вломился в кусты. Тень прыгнула в сторону и нырнула в чащу. Вырвавшись из цепких объятий колючего друга, Чейз возобновил погоню. Расстояние сокращалось. За стуком собственного сердца он слышал хриплое, надсадное дыхание незнакомца. Еще немного… еще одно, последнее усилие… еще один нырок…

Он добавил. Прорвался через завесу веток. Выскочил на поляну. И замер…

Незнакомец пропал. Как сквозь землю провалился. Ни движения, ни звука, только шепот ветра в кронах. Что-то мелькнуло справа. Он повернулся – ничего. Сухой треск слева, в кустах. Он снова повернулся. Что это? Дыхание? Нет, всего лишь ветер.

И снова хруст. Чейз двинулся вперед. Осторожно, шаг за шагом.

Воздух колыхнулся, но отреагировать на это предупреждение Чейз уже не успел. Только услышал свист летящей из темноты дубинки.

Удар сзади по голове бросил его вперед. Чейз инстинктивно выставил руки, и в следующее мгновение в тело воткнулись десятки колючек, а щека влепилась в мокрые листья. Он попытался удержать сознание, подняться и встретить врага лицом к лицу, но тело отказалось повиноваться. Тьма сгущалась. Взбешенный собственной беспомощностью, он набрал воздуху, чтобы выругаться, но выдохнул только стон.

Боль. В голове стучал отбойный молоток. Чейз приказал ему остановиться, но проклятый перфоратор продолжал долбить мозг.

– Очнулся, – произнес голос.

И тут же другой, мягкий, испуганный:

– Чейз? Чейз?

Он открыл глаза и увидел Миранду. Она смотрела на него сверху. Свет от горевшей сбоку лампы золотил ее щеку и путался в растрепанных волосах. Боль в голове странным образом стихла. Где он? Как попал сюда? Он попытался вспомнить. Лес... тьма... тень между деревьями...

Он приподнялся, но слишком резко, и комната вместе с лицами собравшихся в ней людей покачнулась и пошла кругом.

– Не двигайся, – сказала Миранда. – Не шевелись. Лежи смирно.

– Кто-то... меня кто-то...

– Он ушел, – подал голос Лорн Тиббетс. – Мы обшарили лес, но никого не нашли.

Чейз откинулся на спинку дивана. Он уже понял, где находится. В коттедже мисс Сент-Джон. Знакомая обивка, джунгли комнатных растений. И собака. Здоровенный черный пес сидел в двух шагах от дивана и внимательно за ним наблюдал. Или не наблюдал? Не понять – глаз не видно из-за шерсти. Чейз медленно обвел взглядом остальных. Лорн. Эллис. Мисс Сент-Джон. И доктор Стейнер с неизменным фонариком.

– Зрачки в порядке. Одинаковые и реактивные, – доложил доктор.

– Уберите эту штуковину, – простонал Чейз, пытаясь отмахнуться от фонарика.

Стейнер фыркнул:

– Голова у вас крепкая, так что большого вреда не будет. – Он поставил на столик пузырек с таблетками. – От головы. Вызывают небольшую сонливость, но снимают боль. – Доктор защелкнул замок на саквояже и направился к двери. – Позвоните утром, но не слишком рано. И напоминаю всем – всем вам, – я не обслуживаю на дому! – Дверь захлопнулась.

– Какая забота о больном, – прохрипел Чейз.

– Вы что-нибудь помните? – спросил Лорн.

Чейз кое-как сел и тут же скривился – боль прошила череп. Он обхватил голову руками.

– Ни черта не помню.

– Лицо видели?

– Нет. Только тень.

Лорн помолчал.

– А вы уверены, что там вообще кто-то был?

– Ну, эта проклятущая боль мне точно не мерещится. – Чейз схватил пузырек, открутил крышку, вытряхнул на ладонь две таблетки и проглотил всухую. – Кто-то огрел меня палкой по затылку.

– Мужчина? Женщина? – не отставал Лорн.

– Я не видел. Ни его, ни ее.

Полицейский посмотрел на Миранду:

– Когда вы нашли его, он был без сознания?

– Я нашла его, потому что услышала стоны.

– Извините, что спрашиваю, мисс Вуд, но позвольте взглянуть на ту монтировку, что была у вас при себе.

– Что?

– Монтировку. Ту, что была у вас в руке.

Мисс Сент-Джон устало вздохнула.

– Не выставляй себе на посмешище.

– Я просто проверяю все версии. Так нужно.

Не говоря ни слова, Миранда вышла на крыльцо и тут же вернулась с монтировкой, которую и вручила Тиббетсу.

– Как видите, ни крови, ни волос. Это не я его ударила.

– Похоже, что не вы, – согласился Тиббетс.

– Джил Виккери, – пробормотал Чейз.

Полицейский взглянул на него:

– Кто?

Боль вдруг отступила, и память мгновенно прояснилась. Теперь Чейз прекрасно помнил все события прошедшего дня.

– Это не настоящее ее имя. Свяжитесь с полицией Сан-Диего. Может быть, какая-то ниточка и появится. В любом случае вы узнаете, что ее уже арестовывали.

– За что?

Чейз поднял голову:

– Она убила своего любовника.

Все ошеломленно уставились на него.

– Джил? – недоверчиво прошептала Миранда. – Когда вы узнали об этом?

– Сегодня. Это случилось лет десять или одиннадцать назад. Ее признали невиновной. Оправданное убийство. Она утверждала, что он угрожал убить ее.

– И как это увязывается со всем остальным? – спросил Лорн.

– Пока не знаю. Может, и никак. Я только знаю, что половина ее резюме – чистая фикция. Не исключено, что Ричард докопался до правды. Если так… если он обвинил ее в обмане…

Лорн повернулся к мисс Сент-Джон:

– Мне нужно воспользоваться телефоном. Вы позволите?

– Конечно. Пройдите в кухню.

Полицейский отсутствовал несколько минут.

Вернувшись, он покачал головой.

– Джил Виккери дома. Говорит, что не выходила весь вечер.

– Отсюда до города полчаса на машине, – напомнила мисс Сент-Джон. – Можно и успеть, если постараться.

– Если только машина стояла где-то поблизости. – Лорн посмотрел на Эллиса. – Дорогу проверил?

Эллис кивнул:

– Подозрительных не замечено. Никто ничего не видел.

– Что ж, – констатировал Лорн, нахлобучивая шляпу, – кто бы это ни был, не думаю, что он вернется. Примите мой совет, Чейз. Не садитесь сегодня за руль. Вы не в самой лучшей форме.

Чейз устало усмехнулся:

– Я и не собирался.

– Я могу отвести его в коттедж, – сказала Миранда. – И присмотрю, чтобы все было в порядке.

Лорн задумчиво посмотрел на Миранду, потом на Чейза. Возможно, предложенный вариант и вызывал у него какие-то сомнения, но озвучивать их полицейский не стал.

– Хорошо, мисс Вуд. Так и сделайте. Присмотрите за ним хорошенько. – Он открыл дверь и сделал знак Эллису. – Будем на связи.

Глава 12

Свет из коридора изливался на сосновый пол спальни. Миранда отвернула покрывало.

– Ну вот, а теперь ложитесь и засыпайте. Доктор сказал…

– К черту докторов. По крайней мере, этого, – проворчал Чейз и, опустившись на край кровати, потряс головой. – Я в порядке. И чувствую себя сносно.

Она посмотрела на него – усталое, небритое лицо, запавшие глаза.

– Выглядите вы так, словно вас грузовик переехал.

– Жестокая правда! – Он усмехнулся. – Вы всегда так откровенны?

Она помолчала, потом кивнула:

– Да. По большей части.

Он пристально посмотрел на нее. Она не отвернулась.

Что ты видишь в моих глазах? Искренность? Или фальшь?

Ты ведь по-прежнему не веришь мне, да? Между нами всегда будет сомнение.

Она села рядом.

– Расскажите, что вы узнали сегодня. Насчет Джил Виккери.

– Только то, что прочитал в присланном из Сан-Диего материале. – Он наклонился, чтобы снять туфли. – Процесс освещался достаточно подробно. Вы же понимаете, секс, насилие. Такие вещи всегда поднимают тираж.

– И что там случилось?

– Защита исходила из того, что обвиняемая находилась в угнетенном эмоциональном состоянии. Молодая, наивная, ранимая. Ее бойфренд характеризовался как завзятый алкоголик. Постоянно ее избивал. Присяжные поверили и приняли ее сторону.

– А что обвинение?

– Прокурор пытался доказать, что Джил питала патологическую ненависть к мужчинам. Использовала их, манипулировала ими. Когда любовник попытался оставить ее, впала в ярость. Сам факт убийства обе стороны признавали. Если коротко, то дело было так: он напился, она взяла ружье, приставила к его голове и выстрелила. – Обессиленный, Чейз упал на подушки. Таблетки уже действовали. Веки тяжелели и опускались. – Все это случилось десять лет назад. И Джил подвела черту под тем периодом своей жизни, перебравшись в Мэн.

– Ричард знал об этом?

– Если удосужился проверить, то знал. Ее резюме соответствует действительности лишь наполовину. Возможно, Ричард не стал копать глубоко и проверил только последние места работы. А может быть, добрался до правды совсем недавно. Кто знает?

Миранда попыталась представить Джил Виккери другой. Юной, наивной, ранимой. Запуганной.

Она была такой же, как я.

А если более верен портрет, представленный стороной обвинения? Если Джил и впрямь мужененавистница, терзаемая порочными страстями?

Такой попытаются представить и меня. Убийцей. И кто-то этому поверит .

Чейз уснул.

Какое-то время Миранда сидела рядом с ним, прислушиваясь к медленному, ровному дыханию, всматриваясь в спокойное, усталое лицо. Научится ли он доверять ей? Станет ли она для него чем-то большим, чем просто часть загадки, загадки смерти его брата?

Миранда поднялась, поправила одеяло. Спящий не шевельнулся. Она пригладила растрепанные волосы, провела ладонью по колючей щеке. Чейз спал.

Миранда вышла из комнаты и спустилась вниз. Коробки с бумагами ждали ее, храня в себе другие части той же загадки. Она рассортировала документы по темам. Статьи. Финансовые отчеты. Личные письма, записки от М. и других женщин. Мусор человеческой жизни. Как же мало она знала о Ричарде! Сколь многое скрывал он от всех, даже от самых близких, от семьи. Может быть, потому и защищал так рьяно это свое убежище на северном берегу.

В гобелене его жизни я была всего лишь незаметной ниточкой. Смогу ли я когда-нибудь справиться с уязвленной гордостью? Перестанет ли болеть эта рана?

Миранда прошла по комнатам, проверила окна и двери, потом снова поднялась наверх и заглянула в спальню.

Чейз спал. Она знала, что должна уйти в другую комнату, но сегодня ей не хотелось лежать одной в темноте. Сегодня ей хотелось тепла и покоя, хотелось быть рядом с ним, чувствовать себя в безопасности.

К тому же она ведь обещала присматривать за Чейзом, и лучше всего это получится, если быть с ним в одной постели.

Она пристроилась на краю кровати, не рядышком, но достаточно близко, чтобы представлять, как его тепло просачивается к ней через простыни.

И уснула.

А потом к ней пришел сон.

Он обнимал ее. Мужчина. Любовник. Защищал ее. Подняв голову, Миранда увидела незнакомое лицо. Она вырвалась и побежала, но обнаружила, что окружена толпой. Толпой чужаков. Ни одного знакомого лица. Никто не сделал шага вперед, чтобы предложить помощь и защиту.

А потом она увидела его. Он стоял в стороне, слишком далеко, чтобы дотянуться. Она позвала его, протянула руки, и он пришел к ней.

– Я здесь, Миранда. Здесь…

Его лицо мерцало в полутьме. Его глаза смотрели из глубоких теней спокойно и уверенно. У нее перехватило дыхание, когда его губы коснулись ее губ. Волна наслаждения прокатилась по телу. Они смотрели друг на друга, и ночь была наполнена лишь их дыханием и стуком двух сердец.

Он снова поцеловал ее.

И новая волна…

В глубине ее сонного тела родилось и быстро крепло желание. Она прижалась к нему, словно хотела раствориться в крепкой мужской плоти, сплавиться с ней, вобрать его тепло, но между ними оставалось еще одно препятствие – одежда.

Он потянул ее футболку вверх, стащил через голову и швырнул на пол. Она была не столь терпелива и уже разделывалась с пуговицами, распахивала рубашку, возилась с ремнем. Никаких слов – они и не требовались. Только шорох ткани, сбивчивое дыхание, тихие стоны.

Его пальцы скользили по ней, проникали в самые сокровенные уголки, дразнили, воспламеняли, терзали. А потом с жестокостью палача оставляли в муках. Она тянулась к нему, молча умоляя о большем.

Наконец он откликнулся на этот безмолвный призыв и, сжав ее бедра, пустил в ход уже не руки.

Она вскрикнула от наслаждения и подалась навстречу.

Ощутив приближение оргазма, он дал себе полную волю. Ритм страсти захватил обоих, и в этом ритме каждый спешил к своей цели. Но в тот миг, когда ее накрыла последняя волна наслаждения, он тоже достиг пика и, обессиленный, потный, но торжествующий, упал в ее раскрытые объятия.

* * *

Чейз проснулся первым. Его руки сплелись кольцом вокруг теплого женского тела, а лицо утонуло в шелковистых прядях волос. Женщина лежала на боку, свернувшись калачиком, лицом в другую сторону, и ее спина прижималась к его груди. Память включилась с небольшим опозданием, но картины их ночного приключения были такими яркими, такими живыми, что его тело отозвалось на них мгновенным приливом желания. Да и могло ли быть иначе, когда обнимаешь такую женщину? В ней было все – энергия и страсть, нежность и сладость. Все, о чем только может мечтать мужчина.

Я вступаю на опасную дорожку .

Он отодвинулся. Сел. Утро уже заглядывало в окно, и теплые лучи тянулись к подушке. Она выглядела такой невинной, такой чистой, абсолютно не тронутой злом. Может быть, такой же казалась кому-то и Джил Виккери.

Пока не застрелила своего любовника.

Женщины могут быть опасны. И как отличить опасных от невинных?

Поднявшись с кровати, Чейз первым делом направился в душ. Избавиться от магических чар. Стереть само влечение к Миранде Вуд. Смыть то желание, что она пробуждает в нем. Эта женщина стала недугом, проникшим в его кровь и заставляющим творить безумства.

А как еще назвать то, что было между ними прошлой ночью?

Просто так случилось, сказал он себе. Обычный физический акт. Естественное притяжение двух тел.

Одеваясь, Чейз наблюдал за ней. Одежда давала ощущение защищенности, уменьшала его уязвимость для женских чар. Но едва она пошевелилась, открыла глаза и сонно улыбнулась, как в броне обнаружились слабые места.

– Как себя чувствуешь? – спросила она мягко.

– Намного лучше, спасибо. Думаю, до города смогу добраться самостоятельно.

Молчание. Улыбка растаяла, как только до нее дошло, что он уже оделся.

– Уезжаешь?

– Да. Ждал, пока ты проснешься. Хотел убедиться, что все в порядке.

Миранда села. Подтянула повыше простыню. Некоторое время она смотрела на него так, словно пыталась понять, что случилось, что встало между ними. Потом кивнула:

– Да, я в порядке. Можешь меня не ждать.

– Подожду. Пока оденешься.

Она пожала плечами, показывая, что ей все равно и что он волен поступать так, как ему заблагорассудится. *Вот и хорошо,* – подумал Чейз. – *Обойдемся без чувственных излияний. Мы оба взрослые люди и прекрасно все понимаем.*

Он повернулся к двери. Оглянулся.

– Миранда?

– Да?

Она сидела в той же позе, обхватив колени. Словно застыла. Наверное, от такой картины дрогнуло бы сердце любого мужчины. Он не стал исключением.

– Послушай, ты чудесная женщина, так что не думай, будто я… Просто…

– Не беспокойся, Чейз. – Голос ее прозвучал сухо, безжизненно. – Мы оба знаем, что из этого ничего не получится.

Он хотел сказать «извини», но вышло бы неуклюже, как-то слишком легковесно. Всякое бывает. Вот и они совершили ошибку.

– Ничего предосудительного я здесь не вижу, – сказала Энни, пробежав глазами по запискам М., разложенным на ее кухонном столе. – Обычный язык отчаявшейся женщины. Дорогой… Если бы только то, если бы ты только се… Да, трогательно. Да, жалостливо. Но не страшно. По крайней мере, из этого никак не следует, что М. – кем бы она ни была – убила Ричарда.

– Ты права, – вздохнула Миранда, устало опускаясь на стул. – И с Джил никакой связи тоже не просматривается.

– Да, жаль. Единственная М., которую я знаю, – это ты. Что касается записок, то, по-моему, от них тебе больше вреда, чем пользы.

– Джил упоминала какую-то прошлогоднюю практикантку. У нее вроде бы даже было что-то с Ричардом.

– Наверное, Джил имела в виду Хлою. Давняя история. Трудно представить, что она тайком вернулась в город, чтобы поквитаться с бывшим любовником. К тому же М. не имеет к ней никакого отношения.

– М. может означать не имя, а, например, прозвище. Какое-то особенное, связанное с Ричардом.

– Милочка? Маковка? – Энни со смехом поднялась из-за стола. – Думаю, здесь нас ждет тупик. А я, между прочим, уже опаздываю. – Она прошла к шкафу и достала теплый жакет. – Ирвинг ужас как не любит ждать.

Миранда с любопытством наблюдала за подругой. Как всегда, выглядела Энни далеко неординарно: рваная футболка, потертые кроссовки, тренировочные брюки.

– Ирвингу нравится такой стиль?

– Он и сам выглядит не лучше. – Энни повесила на плечо сумочку. – Мы на этой неделе драим палубу. Развеселое занятие.

– Ты когда-нибудь меня со своим моряком познакомишь?

Энни ухмыльнулась:

– Как только смогу вытащить его на берег. В любом случае сезон должен вот-вот закончиться, так что ждать недолго. – Она помахала на прощание. – Пока, увидимся.

Подруга ушла. Приготовив на скорую руку незамысловатый салат, Миранда села за стол. Грустно. Ирвинг со своей яхтой представлялись не самой завидной компанией, но у Энни, по крайней мере, кто-то был. Кто-то, с кем можно забыть об одиночестве.

Когда-то оно было ей не в тягость. Она даже радовалась тишине и покою, отсутствию необходимости делить дом с кем-то. Сейчас же душа жаждала любого человеческого присутствия. Наверное, она обрадовалась бы даже собаке. Может, завести? Большого, косматого пса.

Верного. Который не оставит ни при каких обстоятельствах, как это сделали большинство подруг. Как сделал Чейз.

Миранда отложила вилку. Аппетит вдруг пропал. Где он сейчас? Сидит, наверное, в доме на Чеснат-стрит, с остальными Тримейнами. У него-то компания есть – Эвелина и близнецы. Ему не приходится страдать от одиночества. Он и без нее прекрасно обходится.

Она вскочила, схватила тарелку, выбросила остатки салата в мусорное ведро и направилась к двери. Нечего сидеть в четырех стенах. Надо выйти, прогуляться, сходить куда-нибудь.

Но выйти не получилось. На крыльце, держа руку у звонка, стоял гость. Вернее, гостья.

– Джил? – пробормотала Миранда.

Да, это была Джил, но не та, привычная, хладнокровная, самоуверенная, невозмутимая. Эта Джил была бледная, растерянная, хрупкая.

– Энни сейчас нет, но… но она должна скоро вернуться.

– Я не к ней – к тебе. – Не дожидаясь приглашения, Джил проскользнула мимо, прошла в гостиную и закрыла за собой дверь.

– Я… я собиралась уходить. – Миранда бочком двинулась к выходу.

Джил, сделав шаг в сторону, преградила ей путь. Секунду-другую она стояла, молча глядя на Миранду.

– Что бы ты ни думала, я уже понесла наказание, – негромко заговорила она. – Я делала все, чтобы забыть. Все. Последние пять лет работала как сумасшедшая. Вытянула «Геральд». Сделала настоящей газетой. Думаешь, Ричард понимал, что надо делать? Конечно нет. Он во всем полагался на меня. На *меня* . Да, конечно, Ричард никогда бы этого не признал, но он позволял мне делать все, что я считаю нужным. Пять лет! И вот теперь ты все сломала. Из-за тебя полиция снова роется в старой грязи. Думаешь, Тримейны меня оставят? Теперь, когда им все известно? Теперь, когда все знают?

– Послушай, я не виновата. Я Лорну ничего не сказала.

– И что с того? Это из-за тебя все вышло наружу! Из-за твоих жалких оправданий! Почему ты просто не призналась, что убила его? Почему тебе понадобилось втягивать в это всех остальных?

– Но это не я его убила!

Джил прошлась по комнате.

– Я согрешила. Ты согрешила. Все грешат. Мы все одинаковые. Единственное отличие в том, как мы живем со своими грехами. Я делала все, что только могла. И вот теперь выясняется, что этого мало. Что я плохо старалась. Недостаточно, чтобы стереть то, что случилось.

– Ричард знал? О Сан-Диего?

– Нет. То есть да. В конце. Он узнал. Но не придал никакого значения. Ему это было не важно.

– Не важно, что ты убила человека?

– Ричард вошел в мое положение. Он это умел. – Джил нервно рассмеялась. – Сам был не без греха.

Миранда помолчала, набираясь смелости для следующего вопроса.

– У тебя ведь был с ним роман, да?

Джил равнодушно пожала плечами:

– Ничего особенного. Да и давно. Ты же знаешь, как это бывает – новенькая девочка появилась. Для него это ничего не значило. Как ягодку скушать. – Она щелкнула пальцами. – Вот так. Мы остались друзьями, потому что понимали друг друга. – Джил остановилась и посмотрела на Миранду. – Теперь Лорн хочет знать, где я была в ту ночь, когда убили Ричарда. Требует от меня подтвердить алиби. Тебе неймется, да? Только бы самой выкрутиться, а кто при этом пострадает, тебя не волнует. Лишь бы соскочить с крючка. Но знаешь, это не всегда получается. – Она подошла ближе, глядя на Миранду, как кошка на птичку. – Иногда за грехи приходится платить. Кому-то за неосторожный роман. Кому-то за убийство. Я за свой грех заплатила. Почему бы и тебе не заплатить?

Они впились друг в друга взглядами, словно меряясь прегрешениями и болью. *Убийца и жертва, вот что я вижу в твоих глазах* , – подумала Миранда. – *А что ты видишь в моих?*

Тишину оборвал телефон.

Звонок как будто встряхнул Джил. Она сразу же повернулась и шагнула к двери, но остановилась:

– Ты считаешь себя исключением. Думаешь, ты неприкасаемая. Подожди. Через несколько лет, когда тебе будет столько, сколько мне сейчас, ты поймешь, насколько мы все беззащитны и уязвимы.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

Миранда сразу же заперлась на задвижку.

Телефон умолк. Она смотрела на него в отчаянии. Что, если звонил Чейз? И если он, то перезвонит ли?

Телефон молчал.

Миранда прошлась по комнате. Ну почему никто не звонит? Чейз, Энни, кто-нибудь… Тишина давила, и Миранда включила телевизор, чтобы просто слышать человеческий голос и ни о чем не думать. С полчаса она сидела на диване среди разбросанных носков и футболок, щелкая пультом, перескакивая с канала на канал. Опера. Баскетбол. Игровое шоу. Снова опера. В конце концов пришлось вернуться к баскетболу.

В соседней комнате что-то звякнуло.

Миранда соскочила с дивана и выбежала в кухню. По застеленному линолеумом полу катилось пластмассовое блюдечко. На глазах у Миранды оно докатилось до стены и упало. Само сорвалось с крючка? Она огляделась и только теперь заметила, что окно раскрыто настежь.

Но я же его закрывала .

Медленно, не спуская глаз с окна, Миранда отступила из кухни. У Энни есть револьвер. Надо добраться до револьвера.

Она повернулась, метнулась в гостиную и…

Кто-то схватил ее сзади, зажал рот тряпкой. Она отчаянно замахала руками, но резкие пары уже обожгли носоглотку, и руки двигались не так, как ей хотелось, а ноги как будто выскользнули из-под нее. В следующий момент Миранда поняла, что падает, проваливается в бездонную пропасть. Свет уносился вверх, отдалялся, и она попыталась ухватиться за него, но руки уже онемели.

Свет задрожал, мигнул и погас.

Остался только мрак.

Филипп терзал пианино.

Рахманинов, устало подумал Чейз. Черт возьми, мальчишка мог бы выбрать что-нибудь поспокойнее. Моцарта, например, или Гайдна. Все, что угодно, кроме этого русского грохота.

В поисках спасения Чейз вышел на веранду, но звуки пианино проникали и сквозь стены. Он остановился у перил, откуда открывался вид на бухту. Близился закат, и повисшее над морем солнце превратилось в пылающий огненный шар.

Интересно, что сейчас делает Миранда?

Нет, о ней ему лучше не думать.

Утром, когда они возвращались в город каждый в своей машине, Чейз знал, что их отношения достигли предела. Чтобы идти дальше, требовался новый уровень доверия, к которому он был еще не готов. Их детективное «расследование» зашло в тупик, и встречаться больше не за чем. Пора уступить место профессионалам. Полицейские, по крайней мере, будут объективны, они ведь не подвержены эмоциям.

И они до сих пор считают, что Миранда виновна в убийстве.

– Дядя Чейз? – На веранду, отодвинув сетчатую дверь, выскользнула Кэсси. – Вижу, вы музыку тоже плохо переносите.

Он улыбнулся:

– Только брату не говори.

– Он не такой уж плохой музыкант, просто слишком… шумный. – Она прислонилась к столбу и посмотрела в небо, на котором уже помигивали первые вечерние звезды. – Хочу попросить вас об одолжении, можно?

– Каком одолжении?

– Когда мама придет домой, поговорите с ней? Насчет газеты.

– А что такое?

– Учитывая все происходящее – я имею в виду новости о Джил Виккери, – нам понадобится крепкая рука на штурвале. Мы знаем, что папа готовил на эту роль Филиппа. Он способный парень – я не собираюсь принижать его достоинства, – но дело в том, что Филиппа газета не интересует.

– Я ничего такого от него не слышал.

– Он и не скажет ничего. Филипп никогда не признает правды. А правда заключается в том, что он вовсе не в восторге от этой работы. – Кэсси помолчала. – В отличие от меня.

Услышав в голосе племянницы стальные нотки, Чейз нахмурился. Девочке нет и двадцати, а она уже ведет себя как женщина, которая точно знает, чего хочет от жизни.

– Думаешь, сможешь?

– У меня это в крови! Я знаю всю офисную работу. Умею писать и редактировать, верстать и даже водить этот чертов фургон. Да, я могу управлять газетой. Филипп – не может.

Чейз вспомнил ее семестровые работы, те, что успел пробежать глазами в коттедже. Не просто обычная словесная жвачка на основе учебника, а настоящий, вдумчивый и критичный анализ.

– По-моему, ты бы отлично справилась. Я поговорю с твоей матерью.

– Спасибо. Я еще вспомню вас, когда буду получать Пулитцеровскую премию. – Она улыбнулась и шагнула к двери.

– Кэсси?

– Да?

– Что ты думаешь о Джил Виккери?

Кэсси задумчиво наморщила лоб.

– Что думаю? В смысле, как о главном редакторе? Она занимает свое место. Учитывая, сколько ей платят, нам с ней повезло.

– Меня интересует твое мнение о ней как о человеке.

– Ну… Трудно сказать. В личном плане Джил по-настоящему узнать невозможно. Она как закрытая книга. Я бы никогда не подумала, что с ней может случиться то, что случилось в Сан-Диего.

– Как по-твоему, у нее был роман с твоим отцом?

Кэсси пожала плечами:

– А у кого не было?

– И ее это не задевало?

Она задумалась на секунду.

– Мне кажется, что если и задевало, то она это пережила. Джил – тертый калач. Я и сама хотела бы стать такой.

Кэсси вернулась в дом.

Филипп все еще играл Рахманинова.

Чейз смотрел на море, в котором гасли последние отсветы заката, и думал о Джил Виккери, Миранде и всех тех женщинах, которым брат принес горе и боль. Всем, включая и собственную жену, Эвелину.

Мы, Тримейны, подловатые мужчины. Пользуемся женщинами, а потом делаем им больно.

А разве я другой?

С досады от хлопнул ладонью по перилам. *Да, другой. Буду другим. Если только смогу поверить ей.*

Музыка гремела невыносимо.

Чейз вышел с веранды, спустился по ступенькам и направился к машине.

Он поговорит с ней последний раз. Посмотрит ей в глаза и спросит, виновна ли она. Сегодня он получит ответ. Сегодня он решит раз и навсегда, говорит ли Миранда Вуд правду.

На звонок никто не ответил.

В окнах горел свет, и Чейз слышал звук работающего телевизора. Он позвонил еще раз, постучал, позвал Миранду. Никакого ответа. Повернул ручку – дверь открылась. Он просунул голову:

– Миранда? Энни?

В гостиной – никого. Игра закачивалась, шла последняя минута матча, но телевизор никто не смотрел. На спинке дивана висела пара носков. Все как всегда, но что-то не так. Он постоял у двери, словно ожидая, что жильцы вот-вот возникнут перед ним волшебным образом.

До конца матча осталось пятнадцать секунд. Последний, отчаянный бросок через площадку. Мяч в кольце! Зрители в восторге.

Чейз прошел через комнату в кухню.

А вот здесь все определенно не так. Опрокинутый стул. На полу перевернутое блюдце. Окно распахнуто настежь, но в воздухе отчетливый запах чего-то едкого, медицинского.

Он быстро прошел по всему дому. Ни Миранды, ни Энни.

Подгоняемый паникой, Чейз выбежал на улицу. Огляделся. Ничего. Только где-то вдалеке лает собака. Тихий, спокойный вечер.

Нет, не совсем. Что это? Звук мотора? То ли приглушенный, то ли далекий. Он обошел дом и обнаружил небольшую пристройку. Гараж. Дверь заперта. Звук мотора, по прежнему приглушенный, стал как будто ближе.

Чейз направился к гаражу и вдруг краем глаза уловил какое-то движение. Повернувшись, он успел заметить растворившуюся в темноте тень.

На этот раз, мерзавец, ты от меня не уйдешь.

Он бросился в погоню.

Незнакомец забирал влево, в сторону кустов. Чейз повернул, перепрыгнул через невысокую каменную стену и рванул вдогонку.

Юркая фигура пролетела сквозь кусты и резко ушла вправо, в соседский двор. Сосредоточившись на погоне, Чейз не заметил, что преследуемый схватил грабли. В следующую секунду они вылетели из темноты.

Он едва успел пригнуться. Грабли на несколько дюймов разминулись с его головой и ударились о брошенную посредине двора тачку.

Чейз выпрямился.

Незнакомец схватил и метнул мотыгу.

Чейз бросился на землю. Ему снова повезло, но теперь везение исчислялось двумя-тремя пальцами. Когда он вскочил, враг уже оторвался и быстро приближался к роще.

Уйдет!

В этом финальном спурте Чейз выложился на все сто. Дистанция сократилась. А вот незнакомец начал сдавать, и Чейз уже слышал его рваное дыхание. Еще! Еще немного и...

До рощи оставалось рукой подать, когда он прыгнул и, выбросив руку, ухватился за край рубашки.

Вместо того чтобы попытаться вырваться, противник обернулся и бросился на него словно разъяренный бык.

Застигнутый врасплох, Чейз подался назад и врезался спиной в дерево. Но шок длился не больше секунды, и первой реакцией была не боль, а ярость. Оттолкнувшись от дерева, он сам устремился на врага. Схватившись, противники потеряли равновесие и покатились по влажным листьям. Чейз первым получил ощутимый удар в живот, но ответил мощным прямым. Незнакомец застонал и попытался отмахнуться. Злость придала сил, и Чейз пустил ее в ход. Прямой по ребрам, сбоку в челюсть.

Враг затих.

Чейз скатился с противника. Сел. Отдышался. Осторожно согнул и разогнул разбитые в кровь пальцы. Незнакомец был жив, по крайней мере, дышал. Чейз поднялся, схватил его за ноги и поволок через луг к ближайшему фонарному столбу. Там он опустился на колено и повернул голову своего врага лицом вверх.

Повернул и замер в изумлении.

Перед ним на земле лежал Ноа Деболт. Отец Эвелины.

Глава 13

Ровное ворчание мотора вошло в его сознание не сразу, а когда вошло…

Машина в гараже… запертая дверь…

И тогда он понял. Понял и вскочил.

Миранда.

Чейз метнулся к гаражу напрямик, через двор. Вышиб плечом дверь, и в лицо ударило облако выхлопного газа. Машина стояла посредине гаража, мотор работал вхолостую. Он рванул дверцу.

Миранда лежала на переднем сиденье.

Чейз выключил зажигание и, кашляя и задыхаясь, выволок ее сначала из машины, а потом из гаража. Признаков жизни она не подавала. Он подхватил ее на руки, перенес на лужайку и опустил на траву.

– Миранда! – Чейз схватил ее за плечи и встряхнул. Голова безжизненно мотнулась. Как у куклы. – Ну же, очнись! Черт возьми, Миранда. Не сдавайся. Открой глаза!

Она не шевелилась.

Охваченный паникой, не зная, что делать, он хлестнул ее по щеке. Удар получился сильный, даже ладонь обожгло. Он наклонился, приник ухом к груди. Сердце билось. И… она дышала!

– Миранда!

Она застонала, качнула головой.

– Да! – крикнул он. – Да! Давай! Очнись.

Она снова впала в беспамятство, и ему ничего не оставалось, как прибегнуть к единственному верному средству. Он снова хлестнул ее по лицу.

На этот раз она шевельнула рукой, инстинктивно пытаясь защититься от удара.

– Нет…

– Миранда, это я! Очнись. – Он убрал с ее лица прядь волос и принялся целовать – лоб, щеки, виски. – Пожалуйста, пожалуйста. Посмотри на меня.

Она медленно открыла глаза и сразу попыталась ударить его, словно продолжая бороться за свою жизнь.

– Это я, я! – крикнул он, прижимая ее к груди. Она еще отбивалась, но сопротивление слабело. Паника постепенно уходила. Наконец она затихла.

– Все кончено, – прошептал он. – Все кончено.

Она отстранилась и посмотрела на него непонимающе:

– Кто…

– Ноа. Это был Ноа.

– Отец Эвелины?

Чейз кивнул:

– Да. Это он пытался убить тебя.

– Вы не имеете права задерживать меня. Понимаете, Лорн? Не имеете права. – Ноа – лицо его распухло и побагровело – сердито уставился на полицейского. Из-за закрытой двери доносились привычные для полицейского участка звуки: треск пишущей машинки, звонки телефона, голоса патрульных, заступающих в ночную смену. Но здесь, в задней комнате, стояла мертвая тишина.

– Вы не в том положении, чтобы командовать, – спокойно ответил Лорн. – Так что давайте поговорим.

– Мне нечего вам сказать. По крайней мере, до тех пор, пока не приедет Лес Харди.

Лорн вздохнул:

– Строго говоря, вы правы. Но нам всем было бы легче, если бы вы просто сказали, почему пытались убить ее.

– Ничего подобного. Я пришел поговорить с ней. Услышал в гараже звук мотора. Подумал, что она хочет покончить с собой, и решил посмотреть. Тут и появился Чейз. Наверное, я запаниковал. Поэтому и побежал.

– И это все? Вы просто явились к мисс Вуд с визитом?

Ноа сдержанно кивнул.

– В таком-то виде? – Лорн выразительно посмотрел на почтенного горожанина, облачившегося в этот вечер в черные брюки и рубашку.

– Что я ношу, это никого не касается.

– А вот Чейз утверждает другое. По его словам, вы затащили женщину в гараж и оставили там при включенном двигателе.

Ноа презрительно фыркнул.

– У меня сильные сомнения в объективности Чейза. Особенно в том, что касается Миранды Вуд. Кроме того, это он напал на меня. Кто, по-вашему, наставил мне синяков? Посмотрите сами! Посмотрите на мое лицо!

– На мой взгляд, досталось обоим, – заметил Лорн.

– А что мне оставалось делать? Я защищался.

– Чейз полагает, что вы преследуете мисс Вуд. Что это вы подожгли ее дом. Пытались совершить на нее наезд, используя угнанную машину. И как насчет сегодняшнего инцидента? Вы собирались выдать его за самоубийство?

– Она окрутила его. Переманила на свою сторону. На сторону убийцы…

– Так кто здесь виновен, а, Ноа?

Вероятно, почувствовав, что сказал лишнее, Ноа Деболт осекся.

– Все. Больше ни слова до приезда Леса Харди.

Лорн раздраженно смял пустой картонный стаканчик из-под кофе.

– О’кей. – Он опустился на стул. – Мы подождем. Сколько потребуется. Нам спешить некуда.

– Ничего не получится, – прошептала Миранда. – Я точно знаю, у нас ничего не получится.

Они сидели на скамеечке в приемной. Эллис Снайп принес им кофе и булочки, возможно выражая таким способом личное сочувствие за причиненные неудобства. Полицейский протокол – нелегкое испытание: вопросы, отчеты, показания. В какой-то момент появился доктор Стейнер. Лорн Тиббетс вызвал его, чтобы проверить состояние пострадавшей. Приступив к осмотру, доктор практически атаковал Миранду с применением стетоскопа. *Дышите глубже, черт бы вас побрал! Мне нужно проверить ваши легкие. Думаете, мне очень нравятся все эти ночные вызовы? Если такое будет продолжаться, вам придется взять меня на содержание!*

Теперь, когда все необходимые формальности были, похоже, соблюдены, сил у нее осталось ровно столько, чтобы сидеть, прислонившись к плечу Чейза. Сидеть и ждать. Чего? Признания Ноа Деболта? Или выхода Лорна Тиббетса с заявлением, что все ее кошмары наконец позади?

Нет, на это она не рассчитывала.

– Он выкрутится, вот увидишь. Найдет способ.

– На этот раз не выкрутится.

– Но я ничего не смогу доказать. Я даже лица его не видела. В чем его смогут обвинить? В незаконном вторжении? – Миранда покачала головой. – Нет. Речь ведь не о ком-то, а о самом Ноа Деболте. В этом городе ему все позволено. Даже убийство.

– Только не убийство Ричарда.

Она недоверчиво посмотрела на него:

– Думаешь, он убил Ричарда? Своего зятя?

– Все сходится. Помнишь, что сказал тот адвокат, Фицхью? Почему Ричард оставил Роуз-Хилл тебе? Он не хотел, чтобы земля досталась Эвелине.

– Не понимаю. К чему ты ведешь?

– Кого, по-твоему, слушает Эвелина? Кому доверяет? Только одному человеку, своему отцу. Ноа мог убедить ее продать участок.

– Думаешь, все завязано на контроле над Роуз-Хилл? Не уверена, что это веский мотив для убийства.

– А угроза банкротства? Если инвестиции не дадут ожидаемой отдачи, в собственности у Ноа окажутся акры никчемной земли. Огромные территории, на которых ничего нельзя сделать.

– Ты имеешь в виду северный берег? Думаешь, за «Стоун коуст траст» стоит Ноа Деболт?

– Если это так, то получается, что Тони Граффам всего лишь прикрытие, что сам по себе он ничего не значит. Я полагаю, что Ричард каким-то образом узнал обо всем. У него были финансовые документы «Стоун», не забыла? Номера счетов, налоговые декларации. Думаю, по этим счетам он и вышел на Ноа.

– Но в таком случае ему ничего не стоило разоблачить Ноа, – указала Миранда. – Достаточно было одной статьи в «Геральд». Но он сам ее снял.

– Такие уж у них сложились отношения. Каждый был готов свалить другого. Но только не публично. Соперничество шло только за кулисами, вдали от посторонних глаз. Вот почему Ричард не опубликовал ту статью. Он не мог опорочить своего тестя. Не мог позволить себе стирать грязное белье на публике.

Миранда покачала головой:

– Мы ничего не сможем доказать. У Ноа серьезные адвокаты. Перевернут все с ног на голову и представят так, что и комар носа не подточит. Ты слишком долго здесь не был и уже не помнишь, как тут все делается. Деболты в нашем городе почти что боги.

– Их время прошло.

– Да и улик недостаточно. Как ты докажешь, что он убил Ричарда? – Она тяжело вздохнула. – Нет, я – самый удобный подозреваемый. Я устраиваю всех. Меня в конце концов признают виновной. И упрячут за решетку.

– Этому не бывать. Я не допущу.

Они посмотрели друг на друга, и впервые за все время она увидела в его глазах то, что хотела увидеть. Доверие.

– Так ты думаешь, что я говорю правду?

– Я знаю, что ты говоришь правду. – Чейз погладил ее по щеке, и она закрыла глаза, наслаждаясь этим прикосновением, чувствуя, как тает от его тепла и растекается по его пальцам… – Наверное, я знал это всегда, но боялся признать. Боялся даже рассматривать другие варианты.

– Я не убивала его. – Она скользнула в его объятия и нашла там все то, что растеряла в последние, такие нелегкие дни. Нашла покой, уверенность и смелость. *Верь мне. Всегда мне верь.*

Они так и сидели в обнимку, когда дверь открылась, и в приемную вошла Эвелина Тримейн.

Миранда почувствовала, как напрягся Чейз, как затаил дыхание. Она подняла голову, открыла глаза и увидела вдову Ричарда и с ней семейного адвоката Тримейнов. Лес Харди держался на некотором расстоянии от Эвелины.

– Вот, значит, как? – не повышая голоса, обронила она.

Чейз промолчал.

– Где мой отец? – спросила Эвелина.

– В кабинете по коридору. – Чейз кивком указал направление. – Разговаривает с Лорном.

– Без меня? – вмешался адвокат и торопливо двинулся дальше, качая головой и бормоча раздраженно что-то насчет «вопиющего нарушения прав».

Эвелина спешить не стала. Некоторое время она молча смотрела на Миранду, потом перевела взгляд на деверя:

– Что за ложь ты распространяешь о моем отце?

Чейз медленно поднялся.

– Я говорю только правду. Возможно, тебе тяжело ее принять, но придется.

– Правду? – Эвелина нервно рассмеялась. – Мне позвонили и сказали, что мой отец арестован за нападение. Нападение? Ноа Деболт? Кто здесь лжет, Чейз? Мой отец? Ты? – Она бросила презрительный взгляд на Миранду. – Или кто-то еще?

– Тебе все объяснит Лорн. Поговори с ним.

– Потому что ты объяснить не желаешь, да? Ох, Чейз… – Эвелина покачала головой. – Ты отвернулся от семьи. Мы любим тебя, а ты… Посмотри, что ты с нами сделал. – Она отвела глаза. Скорбно вздохнула. – Надеюсь, у Лорна достанет ума отличить правду ото лжи. – С этими словами вдова повернулась и пошла по коридору.

– Подожди здесь, – сказал Чейз Миранде.

– А ты?

Он не ответил и, проследовав за Эвелиной, скрылся за углом. Открылась и закрылась дверь. Миранда осталась одна. Интересно, что там происходит? О чем говорят? О чем договариваются? В том, что договоренности будут, она не сомневалась. Все закончится тем, что обвинения с Ноа снимут. Адвокат из кожи вон вылезет, чтобы вывернуть случившееся наизнанку, представить эпизод как некое недопонимание, неудачное стечение обстоятельств. И свалить вину на Миранду.

Пожалуйста, Чейз. Не дай им переубедить себя. Не потеряй веру в меня.

Сидя на скамеечке в приемной, Миранда смотрела в пустой коридор и ждала.

Ждала и боялась худшего.

– Все ваши обвинения просто нелепы. Мой отец никогда в жизни не преступал закон. Если продавец в магазине даст лишнюю сдачу, он возвратится и вернет, проехав при необходимости через весь город. И такого человека вы обвиняете в нападении и – страшно подумать – в покушении на убийство?

– Обвинения подтверждаются уликами, – объяснил Тиббетс. – Синяками на лице мистера Тримейна.

– Но синяки есть и на лице моего клиента! – вмешался Лес Харди. – И доказывают эти улики только то, что двое обменялись ударами в темноте. В данном случае мы имеем ошибочное опознание. Все, в чем вы можете обвинить мистера Деболта, – это в том, что он вел себя по-идиотски.

– Спасибо, Лес, – проворчал Ноа.

– Вывод ясен, – продолжал адвокат. – Вы не можете задерживать моего клиента. Ущерб, – он взглянул на Чейза, потом на Деболта, – можно считать взаимным. Что касается всей этой ерунды насчет попытки убийства Миранды Вуд… Ладно, где ваши доказательства? Ей грозит значительный срок заключения. Естественно, у женщины депрессия. Отсюда и мысли о самоубийстве.

– А как же пожар? – подал голос Чейз. – Попытка наезда на угнанном автомобиле? Я сам там был и видел. Кто-то пытается убить ее.

– Но не мистер Деболт.

– У него есть алиби?

– А у вас есть улики? – парировал Харди и повернулся к Тиббетсу: – Послушайте, давайте прекратим этот фарс. Ответственность я беру на себя. Освободите мистера Деболта.

Полицейский вздохнул:

– Не могу.

Эвелина и Харди в недоумении уставились на упрямца.

– Боюсь, улики все-таки есть, – почти виновато сказал Лорн. – Эллис нашел за гаражом бутылку с хлороформом. Как видите, версия самоубийства не подтверждается.

– Я тут ни при чем, – заявил Ноа.

– Тогда вот вам еще улики, – вмешался Чейз. Пришло время рискнуть. Расчет строился на догадке, и оставалось только надеяться, что догадка верна. – Деньги из бостонского банка, помните? Те сто тысяч, что были выплачены в качестве залога за освобождение Миранды Вуд? Я попросил одного знакомого, банкира, проверить, с какого счета пришел перевод.

– Что? – Лорн с удивлением посмотрел на Чейза. – Вы знаете, кто заплатил залог?

– Да. – *Ну вот* , – подумал Чейз. – *Сейчас* . – Ноа Деболт.

Первой на это известие отреагировала Эвелина. Глаза ее вспыхнули, злость исказила лицо, превратив его в жуткую маску.

– *Что?* – Сжав кулаки, она повернулась к отцу. – Что ты сделал?

Ноа молчал, а большего Чейзу и не требовалось. Пущенная наугад стрела попала в цель.

– Это можно подтвердить официально, – сказал он. – Да, залог оплатил твой отец.

Эвелина все еще смотрела на отца.

– Ты выпустил ее?

Ноа опустил голову. За несколько секунд крепкий, уверенный в себе мужчина превратился в уставшего от жизни старика.

– Я сделал это ради тебя, – прошептал он.

– Ради меня? Ради *меня* ? – рассмеялась Эвелина. – Что еще ты сделал ради меня, папа?

– Все. Все, я что делал, было ради тебя.

– Сумасшедший старик, – пробормотала Эвелина. – Ты, должно быть, совсем спятил.

– Нет. – Ноа вскинул голову. – Я бы пошел ради тебя на все, неужели ты не понимаешь? Я защищаю тебя! Девочка моя…

– Защищаешь? От чего?

– От тебя самой. От того, что ты сделала. Эвелина фыркнула и отвернулась:

– Я не знаю, что он тут бормочет.

– Не отворачивайся от меня!

– Лорн, вы же видите, ему нужен врач. Вероятно, психиатр.

– И это твоя благодарность! – взревел Ноа. – За то, что я избавил тебя от тюрьмы?

В комнате повисла мертвая тишина. Эвелина, с белым как мел лицом, повернулась к отцу.

– От тюрьмы? За что же?

– За Ричарда. – Гнев вышел, и Ноа, словно с гневом ушли и все его силы, опустился на стул. – За Ричарда, – тихо повторил он.

– Ты думал… ты думал, что я… – Эвелина покачала головой. – Но почему? Ты же знал, что это она… та дрянь!

Ноа ничего не сказал. Только отвернулся. И этот жест был его ответом. Ответом, снявшим столь тяжелое бремя с души Чейза, что он почти воспарил. Только теперь он осознал, что это бремя, бремя доказательства, давило его давно. И вот теперь Ноа Деболт одним лишь жестом стер последнее пятно подозрения.

– Вы знаете, что Миранда невиновна, – сказал Чейз.

Ноа уронил голову и закрыл лицо руками.

– Да, – прошептал он.

– Почему? – быстро вставил Лорн.

– Потому что за ней следили. Да, я знал об их романе. Знал, что у него на уме. Я был сыт этим по горло! Я не мог допустить, чтобы он снова мучил Эвелину. И нанял человека. Поручил наблюдать за ней, фотографировать. Поймать их с поличным. Я хотел, чтобы моя дочь раз и навсегда поняла, за какого мерзавца вышла замуж.

– В ту ночь, когда его убили, ваш человек следил за Мирандой? – спросил Лорн.

Ноа кивнул.

– Что видел ваш человек?

– Из относящегося к убийству? Ничего. Он следил только за женщиной. Она вышла из дому и спустилась на берег. Просидела там около часа. Потом вернулась. К тому времени мой зять был уже мертв.

Все так, как она и говорила. Она говорила правду. С самого начала.

– Значит, ваш человек не видел убийцу?

– Нет.

– Но вы подумали, что ваша дочь…

Ноа пожал плечами:

– Так подсказывала логика. Он сам напросился. Столько лет унижал ее, мучил. Думаете, Ричард этого не заслужил? Думаете, она не имела права?

– Но я этого не делала! – возмутилась Эвелина.

Ее никто не услышал.

– Почему вы вытащили Миранду? – спросил Лорн.

– Решил, что если дело дойдет до суда и ее оправдают, то полиция начнет присматриваться к другим подозреваемым.

– Вы имеете в виду Эвелину?

– Уж лучше покончить с этим сразу! – вырвалось у Ноа. – Несчастный случай был бы самым лучшим решением. Никаких вопросов. Никаких подозреваемых. Дело бы просто закрыли.

– Поэтому вы и хотели вытащить Миранду Вуд из тюрьмы? На улицу, где вы могли бы ее достать.

– Хватит, Ноа! – вмешался Харди. – Вы не обязаны отвечать на их вопросы.

– Черт возьми, Лес! – рявкнула Эвелина. – Надо было сказать ему об этом раньше. – Она посмотрела на отца с выражением, в котором жалость смешалась с неприязнью. – Позволь мне успокоить тебя, папа. Я не убивала Ричарда. И ты плохо меня знаешь, если подумал, что я это сделала. Или, может быть, это я плохо знаю тебя.

– Мне очень жаль, Эвелина, – вступил Лорн, – но теперь у меня к вам несколько вопросов.

Она вскинула голову и посмотрела на него с холодным высокомерием гордеца, обретшего новую силу. Впервые за многие годы Чейз почувствовал, что восхищается своей невесткой.

– Спрашивайте, Лорн. Вы же полицейский. А я теперь, надо понимать, главная подозреваемая.

Слушать остальное у Чейза не было ни малейшего желания. Он вышел из комнаты и побрел по коридору, обдумывая ситуацию. *Теперь ее невиновность можно доказать. Все, что она говорила, оказалось правдой.* Он сам не заметил, как прибавил шагу. Впереди, словно заря, забрезжила надежда. Тень убийства растаяла, и у них появился шанс.

Чейз свернул за угол, туда, где на лавочке сидела Миранда.

Но теперь там никого не было.

Он подошел к дежурному, печатавшему рапорт о задержании Ноа.

– Вы не видели, куда она пошла?

Полицейский оторвался от машинки:

– Вы спрашиваете о мисс Вуд?

– Да.

– Она вышла. Минут двадцать назад.

– Сказала, куда отправляется?

– Нет. Просто встала и вышла.

Что же это такое? Ну почему с тобой так трудно?

Он толкнул дверь и шагнул в темноту.

Оззи с самого утра вел себя беспокойно. Суета прошлой ночи с беготней, криками и полицейскими не прошла бесследно. Пес возбудился, и в этом не было ничего странного. Удивительно было то, что возбуждение не улеглось по прошествии целых суток. Оззи буквально не находил себе места: то скребся у двери, то выл, то носился по комнате.

Может быть, это моя вина , – думала мисс Сент-Джон, недовольно поглядывая на беспокойную собаку. – *Может быть, ему просто передается мое настроение.*

Теперь Оззи подполз к двери, откуда и взирал на хозяйку умоляющими глазами. С расстояния в несколько шагов он напоминал брошенную на пол шубу.

– Ты – тиран, – сказала мисс Сент-Джон.

Оззи только тявкнул.

– Ну ладно. Идем, идем. – Она открыла дверь, и пес моментально выкатился в сумерки.

Мисс Сент-Джон последовала за ним по гравиевой дорожке. Оззи весело прыгал впереди. Какое ужасное животное, не в первый уже подумала она. Тот факт, что эта собачонка стоит несколько тысяч долларов, лишь служил подтверждением ее твердой убежденности в бесполезности родословных – как у собак, так и у людей. Впрочем, недостаток красоты Оззи с лихвой компенсировал энергией и живостью. Вот и сейчас он уже умчался далеко вперед и свернул на дорожку, ведущую к Роуз-Хилл.

Чувствуя себя не столько хозяйкой, сколько собачкой, мисс Сент-Джон последовала за ним.

Коттедж маячил впереди темным, сливающимся с сумерками массивом. Чейз и Миранда уехали утром, и теперь участок выглядел пустынным и заброшенным. Жаль. Такие милые коттеджи не должны пустовать, особенно летом.

Она поднялась по ступенькам и заглянула в окно. В темноте проступали очертания мебели. На полках теснились книги. Они просмотрели все, но ведь могли и пропустить что-то. Какой-то листочек, клочок бумаги, который мог дать ответ на загадку смерти Ричарда Тримейна.

Дверь была заперта, но мисс Сент-Джон знала, где лежит ключ. Почему бы не заглянуть? Еще одна попытка лишней не будет. Она питала особенные чувства к этому коттеджу. Ребенком играла здесь едва ли не каждый день. Потом, повзрослев, присматривала за Роуз-Хилл, оказывала услугу семье Тримейн.

Оззи, вполне довольный собой, разгуливал по двору.

Мисс Сент-Джон достала ключ из-под цветочного горшка, открыла дверь и вошла.

Гостиная встретила ее особенной, грустной тишиной забытого дома. Она включила свет, прошлась по комнате, скользнула взглядом по мебели. Это все они уже проверили, и повторный обыск ничего не даст.

Из гостиной старушка перешла в кухню, потом поднялась наверх, заглянула в обе спальни, вернулась вниз. Ничто не зацепило взгляд, ничто не вызвало подозрения. Интуиция молчала.

Мисс Сент-Джон уже собиралась уходить, когда ее внимание привлек лежавший перед дверью коврик. Ничего, казалось бы, особенного, но память отозвалась сценой из прочитанного когда-то романа. Да, «Тэсс из рода д’Эбервиллей». Записка, подсунутая под закрытую дверь и оказавшаяся под ковриком. Записка, которую так и не нашли, потому что она не попалась на глаза.

Образ был настолько яркий, что мисс Сент-Джон наклонилась, подняла уголок коврика и даже не очень удивилась, обнаружив под ним запечатанный конверт.

Письмо от М. Письмо, так и не попавшее в руки того, кому оно предназначалось.

...Боль не уходит, она живет во мне, терзая изнутри, как некое злобное существо. И это существо не желает умирать. Ты посадил его туда, ты привнес зародыш и все эти годы подпитывал его.

А потом ушел.

Ты говоришь, что поступаешь со мной по-доброму. Что лучше порвать сейчас, потому что дальше будет только больнее. Но ты не знаешь, что такое боль. Когда-то ты притворялся влюбленным. Когда-то я думала, что спасу тебя.

Ты оказался змеей, которую я пригрела на своей груди.

Теперь ты заявляешь, что обрел нового спасителя. Ты думаешь, что она составит твое счастье. Нет. Ты обойдешься с ней так же, как и со всеми остальными. Решишь, что она не идеальна. В каждой из тех, кто любил тебя по-настоящему, ты находил какой-то изъян.

Но ты стареешь, теряешь привлекательность, а все еще тешишь себя мыслью, что где-то есть она, молодая и красивая, примерная во всех отношениях женщина, которая просто жаждет любить тебя, обрюзгшего и располневшего.

Она не знает тебя так, как знаю я. За эти годы я узнала все твои грязные секреты. Твои уловки и хитрости, твою лживость и жестокость. Ты попользуешься ею, как и всеми прочими, а потом бросишь, как надоевшую игрушку.

Согрешивший да понесет наказание. Покончить со всем разом...

Мисс Сент-Джон сунула письмо в конверт и, заперев торопливо дверь, поспешила домой.

Руки дрожали от волнения, но она все же набрала сначала один номер, а потом другой. Первый звонок был Лорну Тиббетсу.

Второй – Миранде Вуд.

Глава 14

Поднимаясь по ступенькам, Миранда едва держалась на ногах от усталости. Хорошо еще, что от полицейского участка до дома Энни было рукой подать. Впрочем, вымоталась она не столько даже физически, сколько эмоционально. Сидя в одиночестве на лавочке, не зная, что происходит в кабинете Лорна и о чем договариваются полицейские и адвокат, она пришла к неутешительному выводу: никаких серьезных обвинений Ноа Деболту предъявлено не будет. В крайнем случае отделается штрафом за нарушение границ частной собственности. Она, Миранда Вуд, слишком удобный подозреваемый, чтобы дать ей, как говорится, сорваться с крючка. И даже Чейз не поможет; оставив ее в приемной, присоединившись к Ноа и Эвелине, он сделал выбор не в ее пользу.

Говорят, кризис сплачивает семью. Арест патриарха, Ноа Деболта, – разве это не кризис? Разумеется, семья бросит все силы на его спасение.

Ей никогда не стать частью этой семьи.

Энни еще не вернулась. Дом притих, словно укрывшись завесой молчания, и когда на тумбочке зазвонил вдруг телефон, она даже вздрогнула от неожиданности.

– Миранда? – произнес взволнованный голос.

– Мисс Сент-Джон? Что-то случилось?

– Ты одна дома?

– Ну, в данный момент...

– Запри дверь. Прямо сейчас. Немедленно.

– Но у меня все хорошо. Полиция арестовала Ноа Деболта и...

– Слушай меня! Я нашла еще одно письмо. В Роуз-Хилл. Оно-то ей и нужно. За этим она и приходила. Понимаешь? Чтобы вернуть письма!

– Чьи письма?

– Ее. М.

– Но Ноа Деболт…

– Деболт тут ни при чем! Это преступление страсти! Классический мотив. Я сейчас прочитаю тебе письмо…

К тому моменту, когда мисс Сент-Джон закончила, пальцы у Миранды как будто срослись с телефонной трубкой.

– Я уже позвонила в полицию, – продолжала мисс Сент-Джон. – Они послали человека к Джил Виккери. Тебе же нужно запереть дверь и ждать. Такое письмо могла написать только больная женщина. Если она придет, ни в коем случае ее не впускай.

Миранда положила трубку.

И тут же остро ощутила одиночество. Более всего недоставало голоса. Обычного человеческого голоса, пусть даже из телефонной трубки. *Энни, где же ты? Пожалуйста, возвращайся домой.*

Может быть, позвонить кому-нибудь? Но кому? Пока она перебирала в уме знакомых, взгляд упал на горку почты, выросшую за последние несколько дней и теперь угрожавшую рассыпаться от неосторожного движения. С полдюжины счетов, два или три рекламных проспекта, пара журналов, какие-то брошюрки. Был среди них и информационный бюллетень ассоциации выпускников университета Тафтса, где училась когда-то Энни. Бюллетень лежал на краю стола, четыре сколотые странички с информацией о выпускниках 1969 года. Ничего интересного для Миранды он в себе не содержал. Кроме одной детали.

Бюллетень был адресован Маргарет Энн Беренджер.

Ты единственная М., кого я знаю , – сказала Энни.

И все это время она знала, что есть и другая.

Но это еще не значит, что Энни и есть та самая М.

Ошеломленная, Миранда не могла отвести глаз от наклейки с почтовым адресом. Маргарет Энн Беренджер. Но где доказательство? Где звено между Энни и теми письмами от М.?

Внезапно ее осенило. *Пишущая машинка* .

Механическая модель. Джил говорила, что у нее плохо пропечатывается буква «е». Машинка большая, спрятать ее трудно.

Миранда быстро проверила шкафы, заглянула в кладовку. Ничего. Может быть, в гараже?

Нет, она сама была в гараже. Помещение небольшое, там и для автомобиля места едва хватает.

Тем не менее Миранда проверила. Как и следовало ожидать, никакой машинки в гараже не оказалось.

Она вернулась в дом, пытаясь собрать разбегавшиеся мысли. Джил, скорее всего, уже арестована. Энни вот-вот узнает об этом и поймет, что полиция разыскивает настоящую М. Что она сделает в первую очередь? Конечно, постарается избавиться от главной улики, изобличающей ее печатной машинки. Если, разумеется, не сделала этого раньше. С убийством Ричарда Энни связывает только эта улика.

И она же может доказать мою невиновность. Я должна найти машинку, пока Энни ее не уничтожила. Найти и доставить в полицию.

Из всех возможных мест осталось только одно.

Миранда выбежала из дому и села в машину.

Через несколько минут она уже припарковалась у редакции «Геральд». Здание встретило ее темными окнами. Работа над последним выпуском закончена, номер отправлен в печать, и все разошлись по домам. Так что никто не помешает.

Дверь она открыла собственным ключом – к счастью, увольняясь, так его и не сдала. На этом настоял Ричард; он был абсолютно уверен, что рано или поздно уговорит ее вернуться.

Вот она и вернулась.

Осторожно маневрируя в темноте между столами, Миранда прошла к рабочему месту Энни. Включила лампу. Верхний ящик был не заперт. Среди ручек, скрепок и прочей мелочи обнаружилось несколько ключей. Какой же из них подходит к шкафчику Энни? Прихватив все, она выскользнула в коридор, спустилась по лестнице, вошла в женскую раздевалку и щелкнула выключателем.

Пестрый диван, розовато-лиловые обои, старомодные репродукции на стенах – декоративные изыски Джил не смогли скрыть тот факт, что комната больше походила на угрюмую, без единого окна тюремную камеру. Одну стену полностью занимали узкие шкафчики, всего шесть

штук. Зимой женщины оставляли здесь пальто и сапоги. Шкафчик Энни отличался от других круглым стикером с надписью:

У Меня ПМС. А У Тебя Что За Причина?

Миранда вставила первый ключ. Не подошел.

Второй и третий также не поворачивались. Замок открылся только с четвертой попытки.

Миранда заглянула внутрь. Прошлась взглядом по полкам. На верхней – рукавички, старые кроссовки, вязаный шерстяной шарф.

На нижней – свитер. Под ним развернутое полотенце, прикрывающее некий массивный и с виду тяжелый предмет. Она сняла полотенце…

Так и есть, пишущая машинка. Старенькая, сине-зеленая «Оливетти» с крупным шрифтом «цицеро».

Миранда достала из кармана предусмотрительно приготовленный листок, вставила в каретку и дрожащими пальцами напечатала имя: Маргарет Энн Беренджер. Буква «е» получилась смазанной.

Груз, вот уже неделю камнем лежавший на сердце, свалился, и ее окатила волна облегчения. Даже голова закружилась. Миранда захлопнула дверцу, обернула полотенцем машинку и…

Ее щеки коснулось легкое дыхание ветерка. Только оно и подсказало Миранде, что кто-то открыл и тут же закрыл дверь у нее за спиной.

Она обернулась.

– Энни? – выдохнула Миранда.

Возникшая в дверном проеме фигура сделала шаг вперед. Да, это была она – знакомая копна растрепанных ветром волос, застывшее лицо без малейшего признака каких-либо эмоций.

Взгляд Энни остановился на машинке в руках Миранды.

– Я думала, ты с Ирвингом.

Энни подняла голову, и Миранда увидела в ее глазах печаль и боль, изливавшиеся, казалось, из самой души. *Почему я не замечала этого раньше?*

– Нет никакого Ирвинга, – бесстрастно сказала Энни.

Миранда тряхнула головой.

– Как это нет?

– Его и не было. Я сама придумала Ирвинга. Как и наши свидания, встречи на лодке. Вечерами я езжу к бухте. Паркуюсь там и сижу. Иногда часами. – Энни глубоко вздохнула. – Не хочу ни жалости, ни сочувствия – вот, мол, старая дева…

– Я никогда не…

– Не надо, Миранда. Я же знаю, что вы все обо мне думали. Да еще и Ричард. Я не хотела, чтобы он узнал… – Голос ее дрогнул. Она вытерла ладонью глаза.

Миранда опустила машинку на скамейку.

– Что узнал? – мягко спросила она. – Какую боль тебе причинил? Как одинока ты на самом деле?

Энни отвернулась, сдерживая слезы. Плечи ее дрогнули.

– Он сделал больно нам обеим. Всем женщинам, которые его любили.

– Да, но не так, как мне! – крикнула Энни, и эхо ее боли забилось между голыми стенами. – Пять лет жизни. Вот что я отдала ему. Когда мы встретились, мне было сорок два. Я еще могла родить ребенка. И все те немногие остававшиеся в запасе годы я ждала и надеялась. Ждала, когда же он наконец решится. Когда уйдет от Эвелины. – Она снова смахнула слезы, оставив на щеке темную полоску от размазавшейся туши. – Теперь уже поздно. У меня оставался последний шанс, и он отнял его. Украл. А потом ушел. – Энни покачала головой и рассмеялась сквозь слезы. – Сказал, что просто пожалел меня. Что я не должна тратить на него последние годы. Но знаешь, что задело больнее всего? Он сказал: «Это все были твои фантазии, Энни. Я никогда не любил тебя так, как ты думала». – Она посмотрела на Миранду глазами загнанного животного. – Пять лет, и он говорит мне такое. Только правды не сказал. Что нашел другую, помоложе. Тебя. – В ее голосе не было ни злости, ни враждебности, только усталость и обреченность. – Я не винила тебя. Ты ведь ничего не знала. Ты была очередной его жертвой. Он и тебя бросил бы, как всех остальных.

– Ты права, Энни. Мы все были его жертвами.

– Мне жаль, Миранда. Мне так жаль. – Энни опустила руку в карман жакета. – Но пострадать кому-то придется. – Она вытащила револьвер.

Дуло смотрело ей в грудь. Нужно было что-то говорить, просить, объяснять, умолять. Нужно было сделать что-то, заставить Энни опустить оружие. Но голос застрял в горле, и Миранда только смотрела беспомощно на черное отверстие, думая лишь о том, почувствует ли что-нибудь, когда пуля войдет в грудь.

– Идем.

Миранда тряхнула головой.

– Куда? Куда мы пойдем?

Энни открыла дверь и жестом предложила Миранде выйти первой.

– Вверх. На крышу.

Дома никого не было.

Чейз заглянул в окна, прошел к гаражу и обнаружил, что машины нет. Похоже, Миранда вернулась и куда-то уехала. Не зная, что делать, он стоял на дорожке, когда в доме зазвонил телефон. Чейз взлетел по ступенькам, бросился в гостиную и схватил трубку.

– Миранда там? – спросил Лорн Тиббетс.

– Нет. Я не могу ее найти.

– А Энни Беренджер?

– Ее тоже нет.

– О’кей, – сказал Лорн. – Я хочу, чтобы вы ушли оттуда. Немедленно.

Приказной тон смутил Чейза.

– Я думаю подождать Миранду.

Лорн бросил что-то в сторону, обращаясь, похоже, к Эллису, потом снова заговорил в трубку:

– Послушайте, у нас тут новая ситуация. Если появится Энни Беренджер, будьте осторожны, ладно? Держитесь естественно. Постарайтесь ее не нервировать. Просто спокойно уйдите. Эллис уже выехал.

– Что, черт возьми, происходит?

– Похоже, мы знаем, кто такая М. И это не Джил Виккери. А теперь уходите. – Тиббетс положил трубку.

И это не Джил Виккери…

Чейз подошел к письменному столу, выдвинул ящик. Револьвера не было.

Он задвинул ящик.

Где же ты, Миранда?

Ответ вдруг высветился в мозгу, словно молния на черном небе. В следующий момент Чейз уже несся к машине. Еще можно успеть. Он разминулся с Мирандой минут на пять, может быть, десять. Они не могли уехать далеко. Нужно только проехать по городу, поискать…

Если только они еще в городе.

Я не могу тебя потерять. Теперь мы можем наконец доказать твою невиновность. Теперь у нас есть шанс…

Чейз резко, так что взвизгнули покрышки, рванул с места и полетел в город.

– Ну же, ступай. Остался последний марш.

Миранда остановилась на полушаге.

– Пожалуйста, Энни, не надо…

– Шевелись.

Миранда повернулась к ней. Они уже достигли площадки третьего этажа. Еще один марш – и дверь на крышу. Когда-то ей так нравилась эта лестница с резными перилами красного дерева и прекрасной полировкой. Теперь ступеньки вели ее в смертельную ловушку. Она стиснула перила, словно неуступчивое дерево могло поделиться с ней скрытой в нем силой.

– Зачем ты это делаешь?

– Иди! Поднимайся!

– Мы же были подругами…

– До Ричарда.

– Но я же не знала! Я понятия не имела, что ты любишь его! Если бы ты мне сказала…

– Я никому не говорила. Не могла. Он так хотел, понимаешь? Держать все в секрете. Чтобы никто не догадался. Говорил, что хочет защитить меня.

Значит, знаю только я одна.

– Давай. Поднимайся.

Миранда не тронулась с места.

– Почему бы тебе не застрелить меня прямо сейчас? Здесь? – спросила она, глядя Энни в глаза. – Ты ведь это собираешься сделать?

– Что ж, ты сама выбрала. – Энни спокойно подняла револьвер. – Я не боюсь убивать. Говорят, трудно только в первый раз. А знаешь что? Мне и тогда было нетрудно. Нож как будто все сделал сам. Я при том лишь присутствовала.

– Но я не Ричард. Я не сделала тебе ничего плохого.

– Пока. Ты знаешь правду.

– Как и полиция. Они нашли твое письмо. То, последнее.

Энни покачала головой:

– Сегодня вечером полиция арестовала Джил. Но главная подозреваемая по-прежнему ты. В твоей машине найдут пишущую машинку. Все будут думать, какая ты умная, как ловко сочинила все эти письма, как подложила их в коттедж, как подставила бедняжку Джил. Но потом ты не вынесла бремени вины. Впала в депрессию. Поняла, что суда и тюрьмы не избежать. Поднялась на крышу. И спрыгнула.

– Я прыгать не стану.

Держа револьвер обеими руками, Энни прицелилась Миранде в грудь.

– Тогда умрешь здесь. Объясню, что мне пришлось тебя застрелить. Ты подкладывала машинку в шкафчик Джил. Я увидела. У тебя был револьвер. Ты повела меня на лестницу. Я попыталась выхватить револьвер, и он выстрелил. Дело закрыто к общему удовольствию. – Она взвела курок. – Или предпочитаешь на крыше?

Нужно выиграть время. Дождаться удобного момента и попытаться убежать.

Она повернулась и посмотрела вверх.

– Иди, – приказала Энни.

Миранда шагнула на первую ступеньку.

Их было четырнадцать, каждая как мимолетная вечность. Четырнадцать жизней. Что там, на крыше? Есть ли где спрятаться? Она была там только один раз, когда они все поднимались туда, чтобы вместе сфотографироваться. Крыша плоская, залита асфальтом. Три трубы. Канал теплотрассы. Трансформаторная будка. Здание четырех этажное – есть куда падать. Разобьется ли она насмерть? Или только покалечится и будет лежать на тротуаре, беспомощная, с переломанными костями? Лежать и ждать, пока Энни спустится и добьет?

Вот и дверь на крышу. Выбраться первой, забаррикадироваться и продержаться какое-то время в надежде на помощь?

Еще несколько ступенек.

Она споткнулась и упала.

– Вставай! – прикрикнула Энни.

– Я подвернула…

– Вставай!

Миранда села на ступеньку, потерла ушибленное место:

– У меня, кажется, растяжение.

Энни поднялась на ступеньку выше.

– Тогда ползи. На четвереньках. Шевелись!

Миранда уперлась спиной в ступеньку. Подтянула ноги. Наклонилась. Помассировала лодыжку.

Ну же, Энни. Поближе. Еще ближе…

Энни поднялась еще на одну ступеньку. Теперь она стояла чуть ниже Миранды, держа револьвер в вытянутой руке.

– Я не могу ждать. Время выходит. – Дуло смотрело прямо в лицо Миранде.

И тогда она ударила – выбросила правую ногу и угодила Энни в живот. Удар получился. Энни завалилась на спину, полетела вниз и распласталась на площадке третьего этажа. Но револьвер она не выпустила. И уже поднимала руку…

Миранда вскочила, толкнула дверь плечом и метнулась вверх в тот самый момент, когда Энни спустила курок. Пуля ввинтилась в дверь, полетели щепки, одна оцарапала ей щеку. Никакой задвижки на двери не оказалось, и даже привалить ее было нечем. Как мало времени! Четырнадцать ступенек – и Энни будет на крыше.

Она бросила взгляд влево… вправо… В темноте маячили силуэты труб, каких-то ящиков…

Внизу уже громыхали шаги.

Паника нарастала. Миранда метнулась в тень и проскользнула за трансформаторную будку. Секундой позже дверь распахнулась и тут же захлопнулась.

Из темноты донесся голос Энни.

– Тебе некуда бежать. Выход только один – вниз. Где бы ты ни спряталась, я тебя найду.

* * *

Чейз заметил его за квартал: старенький «додж» Миранды, припаркованный у тротуара возле здания редакции «Геральд». Он подъехал сзади, остановился, вышел из машины. Заглянул в «додж» – никого. Значит, Миранда – или кто-то другой, кто на нем приехал, – в здании.

Чейз толкнул переднюю дверь – заперта. Через стекло он видел горящую на одном из столов лампу. Внутри кто-то был. Чейз ударил кулаком в дверь.

– Миранда!

Никто не ответил.

Он еще раз потряс дверь, потом двинулся в обход здания. Должен же быть запасной вход или незакрытое окно.

Чейз свернул за угол и уже шел по переулку, когда услышал выстрел. Стреляли в здании.

– Миранда!

Искать вход было уже некогда. Он схватил оказавшуюся рядом мусорную урну, вернулся с ней к передней двери и запустил в ближайшее окно. Стекло разлетелось, град осколков обрушился внутрь, на столы. Он вышиб оставшиеся в раме острые фрагменты, перелез через подоконник и свалился на усыпанный стеклянной крошкой ковер. В следующую секунду Чейз уже мчался между столами – в заднюю часть здания. И с каждым шагом тиски страха сжимались все сильнее. Что там? Что с Мирандой? Кто и в кого стрелял? Воображение рисовало картины, одну ужаснее другой. За первой дверью обнаружилась типография. На стеллажах вдоль стен лежали перевязанные стопки газет.

И никаких следов Миранды.

Чейз выскочил в коридор и пробежал к женской раздевалке. Толкнул дверь – и новая волна ужаса.

Миранды не было и здесь.

Назад, в коридор. Он бежал, открывая попадавшиеся по пути двери. Никого.

И в мужской раздевалке тоже.

Где же, черт возьми, стреляли?

Чейз метнулся к лестнице. Выше – два этажа. На третьем – офисы, на четвертом – хранилище. Она должна быть где-то там.

Только бы мне найти тебя живой.

Прижавшись к трансформаторной будке, Миранда вслушивалась в тишину. Ничего. Ничего, кроме стука собственного сердца. Ни малейшего звука – ни шагов, ни даже шороха. *Где же Энни?*

Она осмотрелась. Глаза уже начали привыкать к темноте. Слева проступали очертания горки сваленных кое-как ящиков. Справа – перила пожарной лестницы. Вот он, выход! Если бы только добраться туда незамеченной.

Где же Энни?

Придется рискнуть. Она присела, медленно сдвинулась к углу, выглянула и тут же отпрянула – Энни шла к трансформаторной будке.

Что же делать? Инстинкт самосохранения подсказывал: бежать. Рвануть к лестнице, попытаться воспользоваться единственным шансом. Логика убеждала в другом: не успеешь – Энни слишком близко.

Она провела рукой по асфальту, собрала пригоршню камешков и бросила наугад, в сторону противоположного края крыши. Камешки простучали где-то в темноте.

Несколько секунд Миранда выжидала, надеясь услышать удаляющиеся шаги. Ничего.

Она снова придвинулась к углу. Выглянула. Энни все-таки клюнула на уловку и теперь осторожно, на цыпочках, двигалась в сторону трубы. Шаг… еще шаг… еще…

Другой возможности не будет. Пора!

Она вскочила и побежала.

Словно барабанная дробь рассыпалась по крыше. Еще не добежав до перил, Миранда услышала первый выстрел и короткий свист пролетевшей мимо пули. Не думать, не останавливаться – бежать!

Она ухватилась за металлические перила, развернулась и шагнула в пустоту.

Второй выстрел.

Пуля ударила в плечо с силой хорошего боксерского хука. Ее развернуло и сбросило с крыши. Ночное небо завертелось над головой, и в следующее мгновение Миранда поняла, что падает. Она инстинктивно выкинула руку и, уже перевалившись через край площадки, почувствовала, как пальцы сжали холодное железо перекладины. Ноги соскользнули с металла и повисли, словно гири, но пальцы не разжались. Она попыталась ухватиться за перекладину второй рукой, но та не повиновалась. Несколько секунд Миранда болталась без всякой опоры, потом нащупала правой ногой выступ на кирпичном фасаде. *Жива! Жива! Надо только перевалиться через перила*.

Вверху мелькнула тень, и сердце сжалось от страха. Она подняла голову и увидела глядящее в лицо дуло револьвера. Энни стояла на краю крыши и целилась ей в голову.

– Ну вот. А теперь просто разожми пальцы.

– Нет. Нет…

– Это нетрудно. Откинься на спину. И все. Умрешь легко и быстро.

– У тебя ничего не получится. Полиция все узнает. Они поймут, что ты это сделала.

– Прыгай, Миранда. Прыгай!

Она посмотрела вниз. Как же далеко земля. Как далеко…

Энни перекинула ногу через край крыши, прицелилась и ударила по пальцам.

Миранда вскрикнула. Но удержалась.

Энни подняла ногу и ударила еще раз. И еще. Каждый удар отзывался нестерпимой болью и плющил костяшки пальцев. Долго так продолжаться не могло. Нога сорвалась с выступа, и теперь Миранда держалась только на одной левой руке. Правая висела как плеть и быстро немела. В отчаянии она взглянула вверх – Энни приготовилась к последнему удару.

Но его не последовало.

Неведомая сила рванула Энни назад, и она отлетела в темноту, словно марионетка, у которой разом лопнули все ниточки. Она еще успела вскрикнуть зло и пронзительно, а потом Миранда услышала глухой стук упавшего тела.

Мгновением позже вверху появилась голова Чейза. Перегнувшись через край крыши, он схватил ее за левое запястье.

– Держись другой рукой! – крикнул он.

Миранда уперлась в стену ногой и отчаянным усилием подняла правую руку. Но только до плеча.

– Не могу… я не могу…

– Ну же! – Чейз свесился еще больше. – Надо! Ты сможешь! Мне нужны обе твои руки! Тянись! Давай, милая. Пожалуйста.

Милая . Слово, которого она еще не слышала из его уст, словно открыло в ней новый источник силы. Миранда вдохнула и потянулась вверх. *Все, больше не могу* , – мелькнула отчаянная мысль. – *Не могу* .

И тут его пальцы сжали второе запястье. Сжали с такой силой, что страх упасть мгновенно испарился. Теперь ей было не страшно. Она почувствовала, как ползет вверх по кирпичной стене, как переваливается через край.

И тут силы окончательно оставили ее. Наверное, потому, что они ей больше и не требовались. Теперь за нее мог постараться Чейз. Она упала ему на руки.

– Боже мой, Миранда, я уже думал…

Он осекся.

За спиной щелкнул курок.

Они обернулись разом. Энни стояла в нескольких шагах. Стояла нетвердо, покачиваясь и с трудом удерживая двумя руками револьвер.

– Поздно, Энни, – сказал Чейз. – В полиции уже все знают. У них твое последнее письмо. Им известно, что ты убила Ричарда. Тебя уже разыскивают. Все кончено.

Энни медленно опустила револьвер.

– Я знаю, – прошептала она и, вздохнув, посмотрела в небо. – Я любила тебя. Будь ты проклят, Ричард. Я любила тебя!

Помешать ей никто не успел. Энни сунула в рот дуло и спокойно спустила курок.

Глава 15

На этот раз возможностей одного лишь сварливого доктора Стейнера оказалось недостаточно. Требовалась помощь больничного хирурга. Миранду погрузили на паром «Дженни Б» – по такому случаю был организован дополнительный, экстренный рейс – и в сопровождении Стейнера отправили в Басс-Харбор. В больницу позвонили заранее – огнестрельное ранение в правое плечо, пациент в сознании, кровяное давление стабильное, кровотечение под контролем, – и там их уже ждали. Паром отошел от пристани с двумя пассажирами, тремя членами экипажа и трупом.

Чейза на борту не было.

В это самое время он сидел в кабинете Лорна Тиббетса и пытался отвечать на бесчисленные вопросы. Отвертеться не удалось; как-никак погибла женщина. Полиция уже начала расследование, и Чейзу

пришлось выбирать, как выразился Лорн Тиббетс, между допросом и камерой. Разговор затягивался еще и потому, что некоторые вопросы начальнику полиции приходилось повторять, поскольку свидетель – а Чейз пребывал пока в таком статусе – время от времени отвлекался.

Пришел ли паром в Басс-Харбор? Не ухудшилось ли состояние Миранды? И когда у Лорна закончатся наконец эти дурацкие вопросы.

Его отпустили в два часа ночи. Выйдя из полицейского участка, Чейз невольно поежился, хотя погода стояла вполне теплая, по крайней мере для Мэна. Согласно расписанию, следующий паром в Басс-Харбор должен был отправиться только утром. Успокаивало лишь то, что Миранда в безопасности. Он позвонил в больницу, и его заверили, что пострадавшая отдыхает и ее здоровью ничто не угрожает.

Оставалось только решить, куда отправиться и где переночевать.

Только не на Чеснат-стрит. После всего случившегося семья Деболт уже никогда не будет считать его своим, а он никогда не сможет находиться под одной крышей с Эвелиной. Теперь уже ничто не связывало его ни с Деболтами, ни с Тримейнами, ни с наследством богачей, ни с их прошлым. Он чувствовал себя так, словно заново родился. Словно очистился от всей многолетней грязи.

Постояв в нерешительности, Чейз сел в машину и поехал в Роуз-Хилл.

Коттедж показался ему холодным и неприветливым, каким-то безжизненным, словно вся та радость, что когда-то наполняла его, испарилась давным-давно. Лишь спальня хранила немного тепла. Здесь они с Мирандой занимались любовью, и здесь еще хранилась память о той ночи.

Чейз лег на кровать, закрыл глаза и попытался представить ее запах, нежность ее кожи, но это было примерно то же самое, что и пытаться поймать в воде собственное отражение. Ты протягиваешь руку, пытаешься его схватить, а оно ускользает из-под пальцев.

Вот так же ускользнула и Миранда.

Она не нашего поля ягода , – сказала однажды Эвелина.

Чейз лежал и думал о Ноа, Ричарде, Эвелине. О своем отце.

Да, Эвелина права. Миранда – не их поля ягода .

Она намного лучше .

* * *

– Не всегда все хорошо кончается само по себе, – объявила мисс Сент-Джон. – Иногда для этого кому-то нужно потрудиться.

Наставление, как и предложенную чашку кофе, Чейз принял молча. Опыт подсказывал: в реальной жизни счастливый конец случается куда реже, чем в сказке. Подтверждением тому служил хотя бы его собственный брак.

Но на этот раз все будет иначе. Я сделаю все по-другому. Знать бы только, что ей нужен я.

Потягивая кофе, Чейз машинально почесывал устроившегося рядом Оззи. Спешить было некуда; он вполне успевал на двенадцатичасовой паром, который должен был доставить его в Басс-Харбор. К Миранде.

Ночь прошла беспокойно. Ворочаясь с боку на бок, он раздумывал о том, есть ли у них шансы на будущее. Призрак брата не давал забыть о себе, и отмахнуться от него было не так-то легко. Всего лишь несколько недель назад Миранда любила – или думала, что любит, – его брата. Ричард принес ей немало горя. *И вот теперь появляюсь я, еще один Тримейн. После всего, что сделал ей Ричард, может ли она поверить в меня?*

Как много всего произошло за последние несколько дней. Ситуация менялась с калейдоскопической быстротой. Всего лишь неделю назад он называл ее убийцей, а теперь безоговорочно верил в ее невиновность. Простит ли она те ужасные, жестокие слова, что были сказаны совсем недавно и еще свежи в памяти? Может ли любовь, настоящая любовь, вырасти там, где пролито столько яда?

Хотелось верить, что да, может.

Но сомнения оставались. Мучительные сомнения.

Когда в десять часов в дверь постучала мисс Сент-Джон с приглашением на утреннюю чашечку кофе, Чейз откликнулся с радостью, хотя и подозревал, что предложение вызвано не только заботой о соседе. По городу уже расползлись слухи о ночном происшествии, и мисс Сент-Джон, всегда чутко настроенная на такого рода сигналы, несомненно, хотела бы удовлетворить понятное любопытство.

И не только. Старушка на все имела свое мнение и, естественно, жаждала высказать его, независимо от желания самого Чейза.

– Миранда – чудесная женщина. Милая, добрая.

– Знаю, – ответил он.

– Но у вас есть сомнения.

Чейз тяжело вздохнул:

– После всего случившегося…

– Все совершают ошибки, такова человеческая природа. Миранда ошиблась с вашим братом. Не самая ужасная ошибка. У нее не было дурных намерений. Любовь слепа. Да, она выбрала не того мужчину, но ее чувства были искренними.

– Вы не понимаете. – Чейз посмотрел на старушку. – Мои сомнения связаны не с ней. Может ли она простить меня? За то, что я – Тримейн. В ее глазах я – символ всего, что принесло ей боль и страдания.

– Думаю, это Миранда ищет прощения.

Он удивленно вскинул брови:

– Я должен простить ее? За что?

– Ответ, Чейз, ищите сами.

Какое-то время он сидел молча, машинально поглаживая притихшего Оззи. *За что мне прощать ее? За то, что она показала истинное значение понятия «невинность»? За то, что убедила поставить под сомнение все то, во что меня заставили поверить? За то, что я понял, каким был идиотом?*

За то, что влюбился в нее?

Он решительно отставил чашку и поднялся:

– Мне пора. Надо успеть на паром.

– А что потом? – спросила мисс Сент-Джон, провожая его до машины.

Он улыбнулся и взял ее за руку:

– Мисс Сент-Джон, когда я определюсь, вы узнаете первой.

Она помахала ему вслед:

– Я на вас рассчитываю!

К пристани Чейз мчался как сумасшедший, но, прибыв за час до отправления, обнаружил длиннющую очередь из автомобилей. Не желая рисковать, он решил оставить машину и подняться на борт пешим пассажиром.

Через два часа Чейз сошел с парома в порту Басс-Харбор. Свободных такси не нашлось, пришлось ловить попутку. В больницу он вошел, когда часы показывали половину третьего, и сразу направился к справочной.

– Миранда Вуд, – любезно сообщила девушка-волонтер, – выписалась час назад.

– Что?

– Так сказала старшая сестра. Пациентка ушла с доктором Стейнером.

Чейз едва удержался, чтобы не стукнуть кулаком по столу.

– И куда они отправились? – раздраженно буркнул он.

– Не знаю, сэр. Можете спросить у дежурной по этажу.

Чейз уже направился к лестнице, когда взгляд его упал на настенные часы.

– Мисс, когда уходит ближайший паром на Шефердс-Айленд?

– По-моему, последний в три часа.

Оставалось двадцать минут.

Чейз выбежал из больницы и огляделся. Ему нужно успеть. Успеть к парому. Они ведь там. Должны быть там. Куда еще мог повезти ее доктор Стейнер?

Ни такси, ни автобуса. Улица была пуста.

Если он опоздает на последний рейс, то останется в Басс-Харбор до утра.

Не всегда все хорошо кончается само по себе. Иногда для этого кому-то нужно потрудиться.

Ладно. Черт возьми, я готов попотеть. Я готов сделать все, что только потребуется.

И он побежал. До причала было две мили.

Чейз пробежал их полностью, до последнего фута.

– Посадка окончена! – прокричал матрос, и двигатели «Дженни Б» ожили, заурчали.

Миранда стояла у поручня. Перед ней до самого горизонта раскинулся залив Пенобскот. Тут и там виднелись острова. Как их много. В мире вообще много мест, куда можно уехать, сбежать.

Скоро и она покинет Шефердс-Айленд, оставив на нем прошлую жизнь со всеми воспоминаниями, хорошими и плохими. Осталось только подвести черту, завязать узелки – и уезжай навсегда. Она спланировала все еще несколько недель назад, до убийства Ричарда, до своего ареста, до всех последовавших затем ужасных событий.

До Чейза.

– Вынужден повторить, леди, мне это не нравится, – проворчал, вырастая у нее за спиной, доктор Стейнер. – Вам нельзя было выписываться. А если снова откроется кровотечение? Если начнется заражение? Я не справлюсь с осложнениями! Говорю вам, я слишком стар для таких дел. Слишком стар для этого бизнеса.

– Все будет хорошо, доктор, – ответила Миранда, не оглядываясь. – Правда. Вам не нужно беспокоиться.

Вместо того чтобы удалиться, доктор Стейнер разразился пространным монологом о том, как непослушны пациенты и как трудно быть врачом в наше время. Миранда не слушала – голова была занята другим.

Нет, лучше так. Выписаться потихоньку, не привлекая к себе внимания. Побыть некоторое время одной. Избежать встречи с Чейзом. Ей нужно спокойно все обдумать, проанализировать чувства. Что это, любовь? Она думала, что да. Нет, она была уверена. Но уверенность еще не гарантирует от ошибок. Одну ошибку она уже совершила. Ужасную, трагическую ошибку. *Я не хочу повторять ее. Не хочу больше мучиться, страдать.*

И все же…

Миранда скользнула взглядом по растянувшимся вдоль горизонта островам. Поднявшийся ветер уже гнал волны и бросал в лицо холодные соленые брызги.

Я люблю его. Знаю, что люблю.

Но вот только для будущего этого мало .

Слишком многое стояло между ними. Призрак Ричарда. Тень недоверия. И еще то, о чем она не могла забыть. *Мы не одного поля ягоды*. Вроде бы мелочь. Но как ни крути, она всего лишь Миранда Вуд. А для Тримейна это может означать очень многое.

– Отдать швартовы!

Моторы взревели. Паром медленно повернулся на правый борт, носом в сторону далекого зеленого пятнышка, каким выглядел отсюда Шефердс-Айленд.

– Стойте! – крикнул кто-то с берега. – Подождите!

– Мы уже отчаливаем! – отозвался матрос. – Поедете на следующем.

– Я сказал, *подождите* !

– Поздно!

Палуба под ногами задрожала. «Дженни Б» тронулась в путь.

Крик и вырвавшееся за ним проклятие заставили Миранду обернуться. По причалу бежал человек. В тот миг, когда Миранда обернулась, он оттолкнулся, пролетел несколько ярдов над водой, уже отделившей посадочную площадку от парома, и приземлился на самый край палубы.

– Вот же сорвиголова! – восхищенно пробормотал матрос. – Эй, приятель, да ты рехнулся!

Чейз поднялся:

– Я… надо поговорить… кое с кем из пассажиров…

– *Поговорить?* Ну, наверное, здорово приспичило.

Чейз перевел дыхание. Огляделся. И, заметив Миранду, кивнул:

– Да. Приспичило.

Вцепившись в поручень, Миранда с изумлением обнаружила, что человек, столь необычным образом прибывший на борт парома, направляется прямиком к ней. И что это… Чейз. Остальные пассажиры наблюдали за происходящим с явным интересом.

– Молодой человек, – рявкнул доктор Стейнер, – если вы что-то повредили, на мою помощь не рассчитывайте. Вы оба изрядно мне надоели.

– Со мной все в порядке, – заверил его Чейз, все это время не спускавший глаз с Миранды. – Я всего лишь хочу поговорить с вашей пациенткой. Если она, конечно, не против.

Миранда неуверенно рассмеялась:

– После столь впечатляющего прыжка… как я могу вам отказать?

– Давайте пройдем к носу. – Чейз протянул ей руку. – Мне свидетели ни к чему.

Они прошли вперед и остановились у поручня. Ветер ощущался здесь сильнее, и брызги взлетали выше. Вверху, над их головами, с криками кружили чайки, верные попутчицы «Дженни Б».

– Мне сказали, что ты выписалась. Может быть, не стоило спешить?

Миранда опустила голову.

– Не хотела оставаться. Не могла. Столько всего случилось…

– Но теперь все позади.

– Еще нет. Мне еще нужно дать показания в полиции. Встретиться с адвокатом.

– Это может подождать.

– Я не могу ждать. – Она подняла голову и повернулась лицом к ветру. – Хочу уехать отсюда как можно скорее. Любым способом.

– И куда собираешься?

– Пока не знаю. Куда-нибудь на запад. Джил Виккери ушла от своего прошлого. Может быть, и у меня получится.

Некоторое время оба молчали.

– Значит, на острове не останешься, – сказал наконец он.

– Нет. Мне здесь больше нечего делать. Страховки за дом хватит, чтобы обосноваться на новом месте. Где-нибудь, где никто ничего не знает ни обо мне, ни о Ричарде, ни о том, что случилось.

«Дженни Б» зарылась носом в волны, и их обдало солеными брызгами.

– Жить в городе, где все на тебя смотрят, дело нелегкое. Я хорошо понимаю, почему Джил уехала из Сан-Диего. Она хотела избавиться от чувства вины. Хотела начать заново. Этого и я хочу.

– Но ты ведь ни в чем не виновата.

– Виновата. Ты тоже считал меня виновной. И всегда будешь думать…

– Я больше так не думаю, – перебил ее Чейз. – И у меня нет никаких вопросов. Никаких сомнений.

Она упрямо покачала головой, вздохнула печально и отвернулась:

– Все не так просто. Прошлое трудно похоронить.

– Ладно, пусть не просто. – Чейз взял ее за плечи, повернул к себе, заглянул в глаза. – Легко ничего не бывает. Любовь. Жизнь. Знаешь, сегодня утром мисс Сент-Джон сказала одну очень мудрую вещь. Насчет того, что не всегда все хорошо кончается само по себе, что для этого нужно потрудиться. – Он провел ладонью по ее мокрой от брызг щеке. – Тебе не кажется, что в этой истории может быть счастливый конец и что ради него стоит потрудиться?

– Я уж и не знаю, верю ли в это. В хеппи-энд.

– Я тоже не верил. Но теперь начинаю думать иначе.

– Ты всегда будешь сомневаться во мне. В глубине души. Всегда будешь спрашивать себя, верно ли ты поступил, можно ли мне доверять.

– Нет. Этого не будет. Никогда.

Он поцеловал ее, и в этом нежном, сладком соединении губ была не столько страсть, сколько обещание и надежда. И словно по волшебству, вся грязная пленка вины, сожалений и скорбей, что покрывала ее душу, растворилась.

Возрождение невинности.

Он обещал ей это, и она нашла обещанное в его объятиях.

А потом – казалось, в следующий миг – над головами закричали прожорливые чайки, возвещая приближение земли. Пара на носу парома даже не пошевелилась. Они как будто замерли в объятиях. И даже когда пароходный гудок подал сигнал об окончании путешествия и «Дженни Б» мягко подошла к причалу, они не смогли разъять уз, скрепивших их навсегда.

1

Лиз Борден – американка, ставшая известной благодаря знаменитому делу об убийстве ее отца и мачехи, в котором ее обвиняли. Стишки, подобные приведенному выше, получили популярность среди школьников. (*Примеч. пер.)*